

Джулиан дабл Джей

ВХОДЯЩИЙ В СВЕТ

(Роман-лабиринт)

1

Притча-введение в тему

*Смешайте восприятие с ясным небом и пребывайте в пхове,
где ничто никуда не движется, ничто не отвергается
и никуда не переносится. Такое Освобождение
в безначальную Чистоту – наивысший тип пховы.*

Тулку Ургьен Ринпоче

Горная дорога была едва заметна между камней и, петляя всё дальше и дальше через холмы, терялась в захватывающем дух сочетании скал, облаков, обрывов, пещер, травянистых откосов и других красот высотного мира.

Странник легко ступал по ней, словно парил в невесомой дымке горного полдня. Он словно скользил среди ветров и редких кустарников, посреди пустоты неба и материальной полновесности гор.

Солнце медленно и уверенно заполняло синеву небес, пробуждало побелевшую от ночного забытья древнюю землю.

Вон там, вдалеке, выпорхнула из ниоткуда большая и сильная птица, махнула лениво и мощно широкими крыльями, и молнией метнулась обратно в никуда, словно воспоминание о чьей-то жизни...

Тишина сквозила запахами и звуками одинокой заоблачной выси. Но путник не чувствовал себя одиноким... Наоборот.

Он, скорее, наслаждался безлюдьем этого замечательного места...

Всё говорило о свободе и чистоте, всё вокруг просто утопало в окончательной безграничности пространства и покоя.

Человек знал это, чувствовал и блаженствовал в невесомости окружающего безвременья.

Горный путь безмятежно пролегал по ту стороны обычной людской заботы и тревоги. Человек не имел особой цели и не обременял себя суетным достижением смысла своего путешествия. Он просто шёл и шёл к последнему пристанищу своей жизни. Высочайший пик этого горного царства и был его пунктом назначения, - страны пришедших и обретших своё духовное благополучие: завершение в Духе.

Так когда-то ему рассказывал об этом его дед, а тому его дед, тому – его, - и так дальше, так дальше, так дальше до самого конца... Всё это действительно было чистой правдой.

О чём ему не обмолвился ни один из его Учителей и наставников, - как раз об этом нестерпимом ощущении признательности и нежности к оставленному миру живых, об этой предательской естности обычных человеческих чувств по отношению к прошлому, к его друзьям и родным, здесь, в Бардо.

Нет, он ни о чём не жалел, не скорбел...

Но всё же привычный мир Земли и её обитателей лёгкими касаниями памяти ранил его сердце.

Слёзы не текли по лицу. Они почти незаметно обжигали его душу...

О чём говорить?! Тут, в Зазеркалье не было разделения на душу и тело. В этих благословенных местах весь он был ни что иное как сплошная душа...

Оглядевшись с высоты высочайшего пика, он остался доволен. Он пребывал в нескончаемой эйфории.

Раскинувшаяся перед ним бездна блистающих льдом и слепящих солнцем горных вершин захватывала воображение безбрежностью и синевой... Купола облачных айсбергов в океане небес дрейфовали чинно и торжественно, ленивые волны воздушных масс плавно несли на своих невидимых плечах их впечатляющие громадины... Всё пребывало в нескончаемом кайфе и запредельной человеческому пониманию умиротворённости.

Правда, здесь, на одной из головокружительных вершин, обычное человеческое восприятие было бы лишено всякого смысла.

Здесь, в надмирье Бога, - не было никого, кроме Бога. И Богом было всё, включая и самого странника.

Вернее того, кто когда-то был им...

Ведь теперь он стал всем.

Да!

Кто был ничем, теперь стал всем сразу. И дрейфующими гигантами-облаками, и бесконечным солнцем и нескончаемым СОБОЙ, кем и был всегда...

Но кто разберётся, пока не попал на вершину? Кто поймёт?..

Ведь даже если вернуться, даже если неожиданно вернуться, что абсолютно невозможно, - рассказать о достигнутом было невероятно.

И зачем? Каждый, кто достиг предначертанного духовного высокогорья, - сам становится ВЕЧНОСТЬЮ: вечными Счастьем, Любовью и Радостью, - началом начал и концом концов.

Он ещё раз окинул взглядом великолепия красоты перед собой и, наконец, уверенно и с мягкой улыбкой шагнул в СВЕТ...

К источнику всего существующего в мире...

За пределы всех ограничений...

Внутрь ТАЙНЫ.

В ИСТИННУЮ ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ...

ИТАК, или Глава 1

Ложка качнулась ещё и ещё, и наконец, рухнула на пол, увлекаемая крупным рыжим тараканом, душераздирающе звеня на всю комнату раскатистым металлическим звоном.

Я со стоном перевернулся на другой бок на своей древней сверхвместимой скрипящей кровати и чихнул. Кувыркнувшийся с неубранного после вечернего скудного пиршества стола рыжий тараканище, проворно ковыляя и устрашающе шевеля длинными, как у заправского атамана, усищами убрался восвояси по направлению к входной двери.

Я, Ванька Барашкин, - это среднестатистический россиянин с обыкновенной внешностью человека тридцати «с гаком» лет, одинокий, несколько странноватый на вид, и абсолютно безобидный «тихарь», по выражению коммунальной язвы-тёти Глашки, уже проснулся от грохота ложки, но продолжал дремать и вставать не собирался.

В дверь тихо и настойчиво забарабанили. Я сонно чмокнул губами, сладко потянулся и... опять перевернулся на другой бок. Вставать действительно не хотелось, ведь выбор предполагал лишь две возможности: восхитительная широкоформатная чудо-сказка или эта бесконечная череда бледнообразных дней здесь, в нашем жизненном «муравейнике».

- Барашек! Ба-ра-шек... - протяжно выпрашивали между тем из-за двери моего внимания голосом соседа по коммуналке Грини Шайкина, с которым мы не далее, как вчера, «гужбанили» по поводу нашей очередной заработной платы. Работали мы вместе в местном ЖЭКе в столярном цехе и по совместительству сторожили по очереди местный овощной магазин по ночам.

- Входи! Не заперто, - промычал я спросонья и медленно сел на постели, свесив ноги в рваных, старых вязаных носках, одновременно служащих мне домашними тапочками, на дощатый, местами облезающий от коричневой краски пол. Долговязый рыжий детина Гриня Шайкин, похожий для стороннего наблюдателя на порядочных размеров пожарную каланчу, обычно предназначенную для занятий на время и скорость командных действий, просунулся в дверной проём...

- Здорово, Барашек! – низким зычным голосом приветствовал меня, своего собрата по «оружию», Гриня.

- Угу... - коротко отозвался я, просовывая руки в старый-престарый махровый халат.

- Чё, блин, догоним по маленькой! – широко осклабился верзила, как фокусник, извлекая из-под объёмистого малинового свитера студёно-слезливую «чекушку».

- Мы же только вчера как «догнали», Гриня! Я ещё не оклимаюсь... А ты: догоним, догоним... Бр-рр... - поёжился я.

- Да, ты не бойсь, по маленькой, за компанию и всё... Всё! – авторитетно махнул перед грудью своей мохнатой пятернёй бугай. Потом по-хозяйски шагнул к неубранному после празднования получки широкому без скатерти столу. И в следующий момент комфортно расположился на единственной во всей комнате табуретке... Потом крикнув, он одним движением сорвал с бутылки золотистую крышечку.

- Погнали без печали, - проговорил затем свою любимую присказку и, показав на немый стакан, налил себе в другой. Резко глотнув, тут же вобрал в себя всё содержимое, и, плавно выдохнув, налил следующий. – Давай, давай, дружба-нище! Не отставай! - при этом Гриня практически в одиночку опорожнил уже «чекушку», на удивление ловко орудуя стаканом, который опрокидывался им в себя практически с пулемётной скоростью.

Я, опершись на край стола обоими локтями, окончательно проснувшись, наблюдал за этой впечатляющей сценой возлияния с нескрываемым восторгом и даже некоторым мистическим благоговением. Причём стоило первой бутылке скользнуть из лапищи Шайкина под стол, как откуда ни возьмись, появилась новая.

- Э-э-э... — заволновался я, - смени передачу, сбавь обороты, Гриня! Хорошо, что у тебя «чикишки»... А то по «большой», я чувствую, ты бы тут быстро догнал и перегнал кого угодно и... В общем, закругляйся — я не выспался!

Шайкин недоумённо уставился на меня во все глазищи. — Ты чё, братан! Не обижай, поддержи компанию... Слышь, ё-мое... Слышь?

- Ты, Гринь, погодь, не суетись, я тебе дело говорю, а ты прёшь, как танк!.. Тоже мне обидчивый какой сыскался... Я вот отосплюсь, сон досмотрю про... ну, хм... Тогда и приходи, понял?..

И я принялся медленно крениться набок, картинно заноса ноги обратно на кровать. Гриня вдруг остервенело ринулся ко мне и судорожно вцепился в стёганое обветшалое одеяло, пытаясь вырвать его своими цепкими ручищами из рук «братана».

— Куда, а ну назад! - закричал он не своим от натуги голосом, поскольку «братан», ничуть не уступая в целеустремлённости своему оппоненту, тащил одеяло на себя. — Не пущу, злыдень, ренегат! — Вдруг разошёлся не на шутку Гриня, отвоёвывая злополучное одеяло, и переходя от негодования на некий изысканный сленг разбушевавшегося, но порядочного «джентльмена».

- Сам ты гад! — огрызнулся я, окончательно разбуженный всколыхнувшейся на моей территории драмой и... отпустил одеяло. Шайкин танцевально взмахнул руками, не совладав с предательским принципом земного притяжения, и навзничь грохнулся на пол, создавая неслабое подобие разорвавшегося в помещении снаряда.

- Ух ты! — Озадаченно выдохнул я, и, слегка помедлив, начал тут же, почти захлёбываясь, мелко сотрясаться от хохота.

Гриня взглянул на меня снизу вверх, как «братан» на «ренегата», чуть сдвинул брови в тщетной попытке осознать случившееся, потёр ушибленный зад, и, наконец, сокрушённо мотнув головой, неожиданно весело и добродушно захохотал сам. Затем поднял стул, поставил его на место, и снова устроился на нём, продолжая прерванную церемонию поглощения алкоголя.

- Слыхал, - продолжил тут же, как ни в чём не бывало, Гриня Шайкин, закадычный и неуёмный мой собутыльник, - американцы-то обещали Шварценеггера на Луну запустить, слышал?!

- Чем им Шварценеггер-то не угодил? — посмеиваясь произошедшему и наливая себе остатки из второй «чекушки» спросил я.

- Да ничем. Он, в газетах пишут, как в герои фильмов завербовался, так сразу на космос и пошёл... Мол, хватит на Земле прохлаждаться, мол, пора и Вселенную в оборот брать, во как...

И Гриня, авторитетно причмокнув мясистыми губами, извлёк, как бы из ниоткуда, на свет божий следующую стеклянную пилюлю.

Пятый час не смолкала наша задушевная гульба, «соратников» по коммунальным радостям жизни. Подобно скатерти-самобранке стол, качающийся под нашей с Гриньком тяжестью, разгорячённых солидной долей ядовитого напитка, с течением времени заполнился не только пустой стеклянной тарой... С беспрецедентной бесцеремонностью и полным безразличием к пирующим полчища рыжих усачей-тараканов шныряли в неразберихе колбасных шкурок и скопище хлебных крошек.

- Нет, ты скажи, скажи, мил-брат... - рьяно настаивал громоподобный Шайкин. – Какого-такого рожна они, эн-ти бабы, нас за людей не считают? А... ты скажи, скажи... ты отвечай, мил брат... - При этом он, по-снайперски точно, тыкал старой однозубой вилкой рядом с открытой банкой, где давно уже отсутствовали и шпроты, и масло, и даже любознательные тараканьи «носопырки».

- А чё тут скажешь, Гринь ... - с мягкой безучастностью отвечал я. – На то они и лучшая половина, штоб нашей, другой половине, значит, навроде, как в утешение... ик... и радость быть... Потому как скука в жизни перво... ик..., - я деликатно прикрылся ладошкой, - первостепенная без них...

- А ты не увиливай, не увиливай парр-и-нёк... Тож мне фил-л-асофию развёл, бабами жизнь утешивать... Ишь, ч-чё прид-думал, братуха... - Гриня перестал вдруг бомбардировать вилкой злополучную неподдающуюся банку и медленно скосил на меня и без того не шибко сфокусированные карие глаза. – Я б их, ж-ж-жуликов, ни в какую даже разведку не взял, во-о как!..

Я, который к тому времени в отличие от своего сотрапезника далеко ещё не исчерпал все свои «лимиты трезвости», тоскливо вздохнул и посмотрел на стенные, довольно сносные, по сравнению с общей обстановкой, часы.

- Я, Гриня, знаешь, поубрался бы тут уже, приготовился к завтрашнему дню... Работа, знаешь... Нам с тобой завтра рано... знаешь...

- Да ну её! – Неожиданно трезво вымолвил Гриня, встал со своего места, как бы желая продолжить разговор стоя, и не найдя, что добавить в горизонтальном положении, вновь принял достойную сидячую позу.

- Я, вообще-то, во чего заходил, брат... Я, ведь, того... обжениться решил, семью хочу... Как у людей, штоб чин-чинарём, хозяйство штоб того, по правилам... - сделал он, никак не вытекающий из общего смысла беседы, вывод. И ничуть не смущаясь алогичностью своего странного резюме, добавил: – А ты, Вань, шофером штоб на свадьбе, а, Вань?..

- Шафером? – деревянно переспросил я, изрядно изумлённый услышанным, и уже по-другому, с искренним соучастием и дружеской заботой, поспешил заверить: - Я завсегда! Только...

И ещё раз внимательно взглянул на друга, как бы желая удостовериться в реальности сказанного Шайкиным.

- Только... я это... на ум не возьму... кому ты себя сватать будешь?..

- А какая хрен разница – кому! – бодро отрапортовал Шайкин. – Им, бабам, волю давать, - стро-о-го воспрещается! Я тебе, браток, ещё, так скажу: надумаешь обжениться, – пальцы им в пасть не клади! Обженивайся завсегда буквально по собственному зову души... Понял кому!!! – закончил он свою красноречивую тираду эмоциональным выплеском из той самой души, о которой так неуклюже, но трепетно выразился.

В ОБЩЕМ, Глава 2

Я сел на своей постели, свесив ноги и смутно припоминая сон.

Сон был необыкновенный: необыкновенно яркий и необыкновенно красивый. Во сне цвели роскошные огромные цветы невиданных форм и запахов. Удивительные животные бродили в зарослях этих цветов. А я легко плыл во сне над всем этим великолепием и растворялся в неземном блаженстве нахлынувших на меня чувств.

Тёплая и ласковая волна, словно в детстве, окутывала мой полёт, и ничего более не нужно было мне от всей моей жизни, кроме этого счастливого и потрясающе прекрасного сна.

7

С высоты птичьего полёта местность смотрелась какой-то необыкновенно цветистой, обозначенной ровными квадратами семирадужной расцветки. Пространство купалось в необычайно прозрачном и лучистом воздухе вокруг. Я вспоминал, как меня невесомо влекло и обхватывало тёплыми, ласковыми ладонями высоты, как мягко опускало моё тело всё ниже и ниже так, что уже без труда можно было различить и кукольно-опрятные очертания дворцовых стен, и почти игрушечные извивы водных канальчиков. Я видел удивительных животных, мирно разгуливавших среди ландшафтов и замков этого волшебного мира, маленьких человечков в одеянии гномов, снующих взад-вперёд по тропкам и дорожкам, вымощенным разноцветными камешками. Свободно и радостно плавая в солнечной вышине, я как бы заново рождался снова и снова, каждую секунду проживая целую бездну всевозможных эмоций и чувств, - от едва ощутимой волны восторга до ошарашивающего своей космичностью состояния полного блаженства...

Я покрутил головой и осторожно покосился на выдавший виды, старый платяной шкаф с единственным в комнате зеркалом, в котором незамедлительно отразилась моя заспанная, недоумённая физиономия... И медленно, крайне медленно, чтобы не спугнуть роскошное в своей абсурдности и необъяснимости сновидение, - медленно, как только можно, - опустил на подушку с тайным желанием вернуть обратно столь изысканный и неоправданный подарок судьбы.

Но сон никак не вызывался к повторному общению, как я ни старался.

...И провалявшись, проёрзав и промучившись неоднократными попытками заснуть, мне всё-таки пришлось сдаться на милость обыденной жизни...

Я встал и пошёл на кухню заваривать чай.

Чайник, воинственно пошипев в пространство коммунальной кухни, затих, когда я его перетащил на другую часть газовой плиты. Я попрыгал, тряся слегка обожжённой рукой, и чуть погодя выключил горящую магическим синим огнём конфорку. За окном в грязных подтёках от прошедшего дождя скупно сияли уличные фонари. Ночная влага, казалось, проникает и сюда, на кухню, борясь за власть с моим вскипевшим чайником. Я, закончив махать покрасневшими от небольшого ожога пальцами, поёжился, достал с полки любимую вместительную кружку и налил кипятка. В этот раз пришлось воспользоваться слипшейся от предыдущей уборки стола кухонной тряпкой. Обожжённые пальцы неприятно покалывало, но глоток чёрного, со свежей заваркой чая, согрел мои внутренности, полностью компенсировал неприятные ощущения.

Так что ни местные мелкие муравьи на стенах, ни более крупные рыжие тараканы, кое-где перебегавшие по территории благословенной кухни, никак не повлияли ни на божественный вкус чая, ни на моё возбуждённое ночным сновидением сознание.

Что я ну никак не мог взять в мою буйную башку, так это откуда, из каких таких дебрей ума могло явиться ко мне это роскошное сказочное сновидение?.. Ко мне, Ваньке Барашкину, зауряднейшему парню, зарабатывающему свои «кровные» в местной жэковской столярке? ... А??

В очередной раз поёживаясь от холода и продолжая задавать себе всё тот же мудрёный вопрос, я таращился на своё оконное отражение, видя только собственные взъерошенные рыжие кудри, многочисленные веснушки во всю «фотографию» да утреннюю синеву над нашим «Задрыпинском», не дававшую мне ровно никакого ответа...

«Эх, Барашкин, Барашкин... Как был ты недотёпой из квартиры № 6, так и остался... А то всё фантазёрствуешь о разном несусветном, а сам без роду-племени да и рождён не ко времени, олух Царя Небесного...» - с трудом додумал я мысль, а после только и сумел, что с вялой полуулыбкой соорудить себе рожу и показать язык...

- Чё-эт, ты тут харю кривишь, Ваньша?.. - образовался в кухонном дверном проёме мой единственный на всём свете друг и собутыльник. Я лишь нехотя бросил взгляд на его персону за моим плечом, но разворачиваться не стал, а просто коротко кивнул и остался стоять почему-то с высунутым всё ещё языком.

- Чё, говорю, у ты с мордой-то, а, братуха? - снова, как филин из дупла, ухнул мне верзила. - Чё, а? - Я опять не удостоил моего друга вниманием, Гриня же взял в свою лапищу подвернувшийся по дороге табурет и авторитетно водрузил на него свою впечатляющую фактуру.

- А ты, Гринь, когда последний раз сны видел? - поинтересовался, наконец, я. — Цветные, Гринь...

НУ, А ТЕПЕРЬ

Глава 3

Мой палец на курке лежал деликатно и осторожно, подобно первому ласковому прикосновению к девичьей попке. Глаза привычно цепляли мишень, в роли которой в этот раз выступал пожилой китаец-миллиардер с благородным животиком под расстёгнутой русской шинелью и великолепной шёлковой мужской сорочкой навыпуск. Никто не знал почему Ши Хо любил появляться в России именно так, в таком экстравагантном «прикиде» да ещё и во время особо торжественных случаев. Многие ломали над этим фактом свои мудрые головы, но тщетно, мне же «исполнителю», знать это было тем более ни к чему, как говорится, ну совершенно по барабану... Поэтому улыбаясь ехидной улыбкой вслед своей полной пофигишности по этому вопросу, я просто держал «дядю» на прицеле и готовился отправить его по небесной дороге Дао ко всем праведным занебесным Патриархам.

Я привык максимально замедлять время в такие моменты и с наслаждением отслеживал почти рапидные, как бы заторможенные, жесты китайца. Чёрнокостюмная охрана вокруг него довольно комично вертела своими лысыми «бестолковками», видимо, претендуя на сверхчеловеческие бдительность и профессионализм...

9

Мощное тело Ши Хо плавно дёрнулось и по-детски трогательно стало заваливаться навзничь. Люди в чёрном, как по команде, вдруг засуетились, удерживая его от быстрого падения, но весовые категории, понятное дело, не оставляли шансов на успех...

И вся масса человеческих тел синхронно рухнула наземь.

Я вообще считаю, что оставлять оружие на точке отстрела, - свинская вещь. Оружие, по моему, абсолютно живое существо со своими абсолютно неповторимыми чертами характера и внешним обликом. Взгляните, к примеру, на это цевьё с плавным изгибом бедра, на изящный курок, на деликатную планку прицела или, наконец, на целомудренное в своей прямоте, с царской осанкой, дуло... Несомненно, у любого оружия есть своя неповторимая красота, своя Душа.

Я не убегал, а степенно спускался по запасной лестнице между этажами высотки... На мне - элегантный в мелкую тёмную полоску костюм, чёрные кожаные, начищенные до блеска, туфли, и... футляр за спиной, - от контрабаса, разумеется. Дойдя до стоянки своего джипа, я отключил сигнализацию, аккуратно поставил в багажник футляр, сел за руль и выехал из гаража. На улице шумно бегала полиция, и десятки иномарок спешно разворачивались в разные стороны, застревая в уличной суматохе всё больше и больше. Кого-то тормозили на месте, кто-то сам истошно требовал через полуоткрытые стёкла полной безопасности от «наскипидаренных» стражей порядка. Плавно выворачивая направо в улицу, я кивнул

улыбнувшемуся мне навстречу капитану полиции, который цепким взглядом уже оценил по достоинству мои государственные номера...

Наконец-то, я могу снять концентрацию с задания, и одной рукой вести мою полутоннотонную «малышку», а другой набирать по «айфону» другую, - не менее привлекательную и дорогую «куколку», но значительно (55 килограммов) более лёгкую по весу модель из «питомника» Вячеслава Зайцева.

- Алло! Котик, это ты? - томно раздалось в наушнике. – Твой пупсик, тебя потерял...

Я даже почувствовал, как надулись её аккуратные пухлые губки на выточенном, словно рукой скульптора личике. - Не надо так волноваться, пупсик! Прыгай на сексодромчик и жди котика. Он неизбежно придёт в твои объятия, неизбежно как (я хотел сказать «смерть», но не стал пугать милашку терминами кодекса бусидо) сама любовь, киска!.. - Улыбаясь скорой будущей реальности моего сегодняшнего вечера, и предвкушая тёплое податливое тело на своей груди, я ещё раз, не без удовольствия, представил себе качнувшегося от выстрела миллиардера-китайца и увидел его мёртвым, распластавшимся посреди своей охраны на мокром от крови асфальте...

Ох, как же я люблю свою работу!.. Для меня это сплошное удовлетворение всех своих мужских самых эгоистических эмоций... Ещё в «учебке» воздушно-десантных войск я с восторгом осознал своё истинное предназначение в этом мире.

10

Быть ассенизатором людских пороков и грехов путём беспощадного устранения их из земной юдоли.

Это ли не величайшая цель, достойная Гражданина социума?.. Это ли не путь истинного самца среди желеподобного большинства современных мужчин?! Настоящий праздник бытия в том и заключается для подлинного воина, что в сансаре обычных дел обычных людей: жить и действовать в формате почти оргазмического чувства предела, на пике эмоций жизни-и-смерти.

Шелковистое тело моей подруги под моими пальцами звучало наподобие флейты в руках опытного самурая...

Переворачиваясь на спину, моя крошка стонала, почти пела, а на боку разражалась целым каскадом призывов и сексуально-прочувствованных нот удовольствия. Я игриво и страстно ласкал и ласкал её, как царицу, как божество поднимал над собой на вытянутых руках, и, опуская к себе на мощный тренированный торс, нежно и бережно осыпал лепестками своих поцелуев.

Аллилуйя великому Космосу и всему мирозданию невидимых и могучих животворящих сил! Аллилуйя вечному движению возрождения и гибели в Существовании!.. Я безумно люблю тебя, моя жизнь! Я возношу тебе свои самые истовые искренние восторги, моя будущая смерть! Ибо жизнь даёт мне всё великолепие состояний, которые с неизбежностью примешь ты из моих благодарных рук, - главный советник и наимудрейший наставник на

пути – Смерть! Так живёт самурай, так живу и я – великий гурман, опытный воин, искуснейший любовник и Поэт по сути своей – Остап Добрый.

А ТЕПЕРЬ ОПЯТЬ ЖЕ,

Глава 4

...Я вновь парил над удивительной сказочной страной. Видел торопящихся куда-то маленьких человечков, извилистые водные каналчики и разноцветные аккуратнo-кукольные земли. Все домики местных жителей оканчивались островерхими куполками из красочной черепицы. Наверху куполов были изображения диковинных зверей и птиц, по-видимому, из чистого золота.

«Блин», - подумал я, - «и до чего же блескучие эти украшательные железячки из золота!.. Вот бы Гриня разрадовался!..» Я довольно близко оказался от куполов и не отказал себе в удовольствии осторожно прикоснуться к ним. «Железячки» были обычными флюгерками и слегка покачивались, крутятся на ветру. Я спланировал ниже и оказался вровень с верхушками огромных растений похожих на наши лопухи. Удивительные побеги этих красивых зелёных гигантов царственно возвышались среди роскоши здешней флоры. Шаровидные кроны одних растений, многоконечные пышные кустики других, яркие цветы и невообразимых очертаний листья, изящные изгибы ветвей и плавные каскады как бы застывших волн зелёной, оранжево-жёлтой, коричнево-бурой, красно-розовой, иссиня-сиреневой и фиолетовой многоцветной массы не могли затмить этих колоссов на крепких, наполненных живыми соками, стволах. А их широкие стебли напоминали многочисленные автострады, по которым бодро сновали туда и сюда разнообразные маленькие существа. Их было так много и так целеустремлённо бежали они по своим делам, что казалось, это целое сказочное предприятие, типа крупнейшего вокзала или фабрики, - пыхтит, носится и трудится под неусыпным оком какого-то незримого начальника.

11

- Привет! - неожиданно раздался рядом мелодичный голосок, и я, вздрогнув, обернулся, чтобы разглядеть, кому он принадлежит, когда увидел её, эту маленькую, порхающую возле меня, крылатую, как стрекоза, девоньку...

- Привет, - повторило сверхпреlestное создание, - какой ты забавный! Наверняка даже не знаешь о наших правилах и законах, кто ты? Не знаешь о том, что в час ста солнц никто не должен отсиживаться среди наших экстрогонов, тем более беспосадочно висеть над ними! - беспрестанно стрекоча своими прозрачными крылышками, и беспрестанно хохоча, выпалила она. Причём, могу поклясться чем угодно, - маленького ротика она не разжимала совсем, хотя каждую фразу я слышал так же чётко, как «коммунальный» рёв тётки Глафиры по каждому возможному поводу.

«Это же «телепатия», - тут же пронеслось в моём воспалённом от фантастичности всего происходящего мозгу, - «но святые угодники, как я могу знать и понимать это?!»

- Ладно, давай знакомиться, пришелец! - продолжила моя новая знакомая. – Я – Застра! А тебя как мне называть?

«Ну-ну, Барашкин, не будь таким занудой, ответь ей!» - подумал было я, и тут же осознал, глядя на хохочущую Застру, что здесь, в этом волшебном королевстве, разницы между «подумал» и «сказал» просто не существует.

- Ладно, Барашкин, не смущайся, у нас ко многому придётся привыкать, как в первый раз... - рассмеялась в очередной раз моя новая знакомая и вдруг, неожиданно шустро схватив меня за руку, вытянула за собой на один из широченных листьев эстрогона. Под нами плавно и безмолвно раскачивались яркие заросли всевозможных трав и цветов, как на дне таинственного и необозримого океана, но лист, на котором мы сидели, пребывал в какой-то особой безмятежной неподвижности. Вокруг по-прежнему кипела трудовая страда: крохотные существа разных видов и размеров уверенно перетаскивали на себе всевозможную поклажу из таких же разноцветных предметов, как и все остальные чудеса в этом чудесном мире.

- А теперь, Барашкин, я расскажу тебе о многих секретных вещах и законах нашей Светлозар... - продолжила хохотунья.

«Светлозар...» - медленно повторил я... и проснулся. Часы показывали ровно 6 утра.

«Све-т-ло-за-р... С-в-е-т-л-о-з-а-р... Светлозар...» - бухало в моей голове на все лады. 12
«Значит, этот снящийся мир, очень и очень может быть такой же реальный, как наш!» - всплыла тут же откуда-то озаряющая сознание мысль. Я сидел и смотрел, сидел и смотрел в одну какую-то точку на обшарпанной стене моей комнаты, тщетно пытаюсь свыкнуться с этим неожиданным событием, как с вполне естественным фактом. В продолжение вот уже полугода я неоднократно летал во сне над необыкновенно прекрасным местом, смутно отображая образы, приходившие ко мне ночью, что называется, при свете ясного дня, а тут...

А тут... Вдруг однозначно и явственно открыл для себя несомненную реальность другой, но такой же живой, как наша, - всамделишной, - жизни...

НУ, ВОТ И ОЧЕРЕДНАЯ,

Глава 5

На перекуре ко мне с заговорщическим видом подкатил Шайкин и, дёрнув за плечо, развернул к своему оживлённо-раскрасневшемуся лицу.

- Слышь, брательник! - сказал он мне, дыша перегаром со странным привкусом креветок, мужского одеколona и дешёвого пива. - Тута у Митька с пятой квартиры намечается сабантуй! - закончил он доверительным шёпотом, не преминув окатить меня очередной порцией своей убойной утренней отрыжки. – Пойдём?

- А нас чё, приглашали? - спросил я и опять развернулся к столярному, заваленному свежесрезанной стружкой, в рытвинах и порезах, станку.

- Не-е-е, - радостно затараторил мой «боевой» товарищ Гриня, - я те чё толкую: день варенья у его, - са-ба-н-туй. Потому приглашеньев не разносили, кто успеет, тот и поздравится. - И Гриня авторитетно щёлкнул себе указательным пальцем по подбородку, улыбнувшись мне всеми тридцатью двумя на зависть «голливудскими» зубами.

Не знаю почему, но на душе у меня потеплело, как будто торкнула под сердце предательски-слезливая надежда на простую человеческую радость в кругу пусть не близких, но таких же, как и я, обыкновенных мужиков и баб. И хоть повезло мне, одному из них, «чудику» и неудачнику местного разлива Ваньке Барашкину, увидеть красоты инопланетного зазеркалья, я всё равно здешний гражданин этого мира, - и этому рад несказанно...

Грине же я ответил, что, мол, ладно, пошли так пошли, когда, мол, ещё гульнуть среди народа придётся... А Митьку я знаю и уважаю, почему не поздравить человека?.. Гриня же заверил меня, «што там-то он, в оконцовке, и надыблет себе достойную женскую половину... Што друзей по бабской части у Митька, реально навалом, будет и ему, Гриньку, ассортимент (вот прямо вот так, с ударением на «ти» - *ассортИмент*), што харэ ему одному по свету шастать... И хоть есть у его закадычный дружан (то есть я, Барашкин), но над бы и честь знать, осчастливить, то бишь справную бабенцию своим поднесением рук и сердца да ожениться, стал быть...»

13

В общем, мест, как водится, оказалось у Дмитрия только на родню и самых лучших друзей (2-3 человека), в число которых мы с Шайкиным однохерственно не вписались.

И в достаточно сносных, тёмно-коричневых пиджаках и похожих друг на друга «стильных» неглаженных галстуках, что приобретались в комплекте с приличными, но белыми «бруками» у какой-то хохлушки с-под Кыева, мы оба очутились по традиции у меня, в «апартаментах», компанию которым дружно и составили: я, Гриня и... тараканищи.

- А всё-таки, правильный пацан Митёк..., - мечтательно изливал душу на второй «банке» водки Гриня. Смачно закусывая толстенным бутербродом из полбатона с нарезанным ломтиками сервелатом, а также «огуречиком, насолённым и наперченным (по авторскому рецепту Шайкина) по-братски, с двух сторон», предварительно избавленным им же от кожуры, он запивал и еду и питьё истинно по-русски, - очередной же банкой «Жигулёвского».

- Правильный, Ванёк, ей-богу, правильный, прям как ты, Ванёк!.. - Отчасти, мне даже казалось, что Шайкин Григорий Петрович - «плачет!», - всхлипывая и пуская неуместную для бугая и горячую слезу умиления, которая неторопливо курсировала к его носу в состоянии, издревле известном старожилам нашей многострадальной Родины под метким выражением «развезло».

Глядя на него ко мне вдруг, почти до спазмы в горле, пришло откуда-то из глубин души страстное желание тоже излиться на Гриню своими сокровенными снами о чудо-стране Светлозарии... Но... Неимоверным усилием воли абсолютно нетрезвого для таких решений

человека, я мужественно «созрел» никому, даже дружбану Грине, не выбалтывать такой тонкий, нежный и важный вопрос об... ух!.. ином мире... чем наш.

Тем более, что до сих пор так твёрдо и неколебимо возвышавшийся посреди моей комнаты Гринёк, как есть, скоренько и навзничь рухнув на пол, а затем, перевернувшись на боковую и по-детски подложив под щёчку кулак, гулко захрапел в ночи маленького городка, где-то на просторах большой и могущественной «сверхдержавы».

Я же, как уже неоднократно складывалось, уверенно добрёл до старенького шифоньера, достал подушку и одеяло, и аккуратно пристроил всё это для спонтанного ночлега своего приятеля. И уже потом только, развернулся к выключателю, потушил свет, чтобы после, не менее уверенно, добрести нетвёрдыми ногами до собственной лежанки, разоблачиться на сон грядущий и плавно завалиться в долгожданный сон, сон, сон...

СЛЕДУЮЩАЯ, КАК ВЫ УЖЕ ДОГАДАЛИСЬ,

Глава 6

Хотя я и владею практически в совершенстве всеми возможными навыками единоборств, но, честно говоря, жутко ненавижу подходить к жертве вплотную...

Но тут случай не тот. Пусть и мало народу в коридорах этого «навороченного» заведения, - только редкие горничные да изредка резиденты номеров, - но действовать надо почти мгновенно, друзья...

14

Первый охранник, заподозрив недоброе в интеллигентном стройном «электрике» в круглых очёчках и синей рабочей форме, но всё же как-то неуверенно попытвшийся шагнуть ко мне, чтобы задать дежурный вопрос: «Чего, мол, ошиваешься здесь, не видишь, охраняем?», как подкошенный литовкой, рухнул на колени, и затем уже медленнее сполз по стеночке на отутюженную ковровую дорожку. «Второй» и «третий» даже испугаться не успели, - я отоварил их по полной программе излюбленными мной рубящими ударами по шее с добиванием ногами в «партере».

Неожиданное противостояние оказала «мишень». Главный финансист компании проявил себя прытким парнем и, рубанув воздух кейсом, видимо, пытаясь зацепить им меня, не попав, но выиграв в расстоянии, рванул прямо к пожарной лестнице. В расстоянии, но не во времени... Я догнал, одной рукой перехватил кейс, другой сломал кадык и тут же свернул хлипкую шею.

С чувством выполненного долга, медленно стал подниматься по пожарной лестнице на крышу. В руке послушно покачивался кейс с тремя миллионами долларов в новеньких купюрах. За моей спиной шумно и мощно полыхал пентхаус.

Ох, ребята! И что же за красота эта моя работа!.. Выслеживаешь добычу, собираешь по мельчайшим крупитам ценнейшую информацию о «цели». Постоянно тренируешь тело, готовишь оружие, вычисляешь выгодную позицию исполнения, маршруты ухода и все

возможные варианты действий, устраняешь потенциальные препятствия и терпишь всяческие порой случайные, порой предполагаемые обстоятельства... А потом раз! Пять-шесть секунд... и задача решена: уже ничто не влияет ни на мой отход, ни на состояние жертвы... Я – профи, друзья, в своём деле! Ну, что тут скажешь... Я лучший!!!

- Эй, придурок! Ноги в руки и вали отсюда: забирай тачку, перегородил тут, понимаешь, все пути. Людям ехать надо, а из-за твоей телеги два часа здесь ошиваемся... - трое бугаёв недружелюбно бычили в мою сторону, а говорящий, размахивая лапами и громко сопя, намеревался, по всей видимости, от угроз перейти к моему «воспитанию».

И хотя он наворотил уже на свою голову кучу косяков: ненавижу, когда хаот моего ненаглядного боевого друга, мой старенький и верный Escalade, а тем паче неблагоприятно брешут о времени (время я почитаю как Бога, а, может, оно и есть БОГ?), «процесс» в пентхаусе длился считанные секунды, - я, мои дорогие, был на работе... И мне, как суперпрофессионалу засвечиваться было ни к чему, ох, ни к чему. В общем, сняв свои солнцезащитные очки и сыграв в полного, виновато улыбающегося лоха: всякие там «извините», «простите», «я совсем неожиданно задержался у консьержки» и прочая, прочая, прочая чушь, я шустро впрыгнул за руль и убрался восвояси с платной наземной стоянки недалеко от отеля.

Но... Харю я твою, неумный бродяга «срисовал», как истинный художник, весело и непринуждённо, со всеми запоминающимися деталями: нос картошкой, лысую бульдожьё башку и наглые, узкие, светлые пороссячьи глазки, - навечно, - будешь в компьютере моей памяти маячить одним из первых. Ни зла, ни добра в этой жизни я никогда не забываю, ух, никогда! Я ведь профессионал, о Господи!..

15

И уже в мягкой, жаркой постели, оттачивая своё сексуальное мастерство на очередной «кошечке», жадно лаская виртуозными пальцами её зад и «киску», плечи и спинку, я так истово отдавал девичьим чреслам весь пыл неуголётной душераздирающей мести, что бедная «моделька» подо мной, изнемогая и вибрируя всем своим длинным телом, чувствовала себя, по-видимому, настоящей живой наковальней под напором моего довольно чувствительного молота.

И потом, когда мы сидели с ней в моей вместительной тёплой джакузи, она томно водила пальчиками мне по груди, будто выписывая великий девиз мудрецов всех времён: «И это пройдёт!», словно желая подсознательно заглушить мою давнюю душевную боль от смерти родителей по вине вот такой же тупой, мерзкой и бессмысленной рожи...

А ВОТ ТУТ КАК РАЗ,

Глава 7

- Значит так, - говорила Застра своим тоненьким мелодичным голоском, - первое правило, где бы ты ни был и что бы ни делал в нашей Светлозарии: всегда быть готовым встать на защиту любого её жителя от посягательства враждебных сил Заоблачья. Второе...

- Погоди, погоди, Застра,- перебил я, - в прошлый раз ты говорила, что из Заоблачья нападают только в тех случаях, если к вам, как я, сначала проникают незванные лазутчики, да и то, когда их не заметят ваши боевые колокольчики и птицы-воины. Кстати, я ещё не видел ни тех, ни других...

- Да, ты их и не мог видеть. Ты же не лазутчик, а друг... - просто сказала Застра. – Тем более не замечают лазутчиков специально, когда хотят, например, узнать с какими намерениями они здесь оказались, чтобы потом Светломудр мог с уверенностью менять защитные лабиринты нашего мира. А второе...

- Но я и Светломудра не видел. А кто это? - опять перебил я.

Застра расхохоталась:

- И какой же ты всё-таки забавный, Барашкин!

Потом продолжила назидательным тоном, как ни в чём не бывало:

- Не перебивай, пожалуйста, пока я не договорила. Да и вообще никогда никого не перебивай, это страшно невоспитанно, Барашкин. Ведь кто захочет делиться мыслями с тем, кто постоянно перебивает других на каждом слове! - снова хохотнула она.

- Так я продолжаю? - строго посмотрела на меня Застра, но вдруг булькнув смешком от осознания своего же собственного «учительского» настроения, начала мелодично хохотать, сотрясаясь и забавно раскачиваясь всем своим хрупким тельцем из стороны в сторону.

16

Дождь за окном нудно и безостановочно моросил из небесной лейки на пузырящуюся водой землю...

Вот уже много нескончаемо-прекрасных ночей я посещал в своих снах Светлозарию и всё ну, никак не мог привыкнуть к тому, что это не грёзы, а вполне реальный мир со своими особыми многочисленными и разными обитателями. Я многое уже постиг благодаря Застре и своей раз от разу обостряющейся наблюдательности... Я уже довольно неплохо освоился со многими правилами посещения Светлозарии. Знал, например, как находить нужное место приземления и не спугнуть маленьких существ – светлозарчиков, в какой момент и как можно остановить покачивание широколистных латуний или прокатиться по «автострадам» могучих эстрогонов, царственно возвышающихся над зелёными просторами Светлозарии.

Понял я и то, насколько хрупкой и почти незаметной может быть граница между сном и явью, когда снимая стружку с очередной доски в столярке, я забылся грёзой на несколько секунд, и чуть не угодил руками в крутящийся диск пилы...

Мне пригрезилось, будто мы с Застрой проводим очередную экскурсию по волшебному парку гигантского разнотравья и гуляем среди похожих на наши одуванчики, роскошных пушистоголовов, которые имели чудесную способность звенеть на ветру. И заслушавшись

их мелодичных перезвонов я почти угодил, носом в нос, пролетающей мимо многокрылой и глазастой порхатки...

- Ты чего Барашкин? - тряс меня за плечо перепуганный до смерти Гриня.

Стоявший рядом с ним начальник столярного цеха Узюмов Николай Николаевич молча и угрюмо держал меня за правую руку, чудом избежавшую «казни» от механического устройства пилы. Он только покачивал крупной в седых кудрях головой, сокрушённо и участливо заглядывая мне в глаза своими влажными раскосыми глазками. Наконец, благополучно собрав в кулак всю свою матёрую, выдавшую виды, руководительскую волю, он тягуче и тоскливо выдал своё заключение: «Вам бы сукины д-дети с Шайкиным п-п-пить поменьше...» И уже, не оглядываясь в нашу с Гриней сторону и держась левой рукой за сердце, пошагал к себе в кабинет, слегка покачиваясь от перенесённого по моей нелепой вине стресса. Шайкин перевёл тяжёлый взгляд со спины начальства на меня, безучастно и тихо стоящего рядом, и тоже покачал головой, но только уже моей, тряся нещадно за воротник рабочей куртки с названием нашей организации «ЖилКомНарСервис» (Жилищно-коммерческий народный сервис).

- Тебе што, хренов п-паразит, жить н-надоело?! — выдал он почему-то визгливым фальцетом, видимо, из уважения к Узюму, а может и от перенесённого шока, тоже заикаясь и краснея одновременно.

А меня вдруг пробило на «ха-ха» до такой степени, что я просто завалился на Шайкина всей своей семидесятипятикилограммовой массой и затрясся в хохоте на его плече от нестерпимого абсурда происходящего. Шайкин деловито отцепил свои лапищи от моей шеи, аккуратно разгладил мне воротник и, бурча себе под нос витиеватые ругательства, поплёлся восвояси.

А я опять увидел внутренним взором чудные ландшафты, вереницу пёстрых и разноликих растений с потрясающим воображение переливом красок и оттенков цветов, потоки маленьких существ на их кронах и чудную, бесконечно чудную улыбку милой моей Застры, великолепной проводницы по волшебным краям Светлозарии...

Глава 8

Хотя за окном кабинета начальника подразделения «УгРо» по особо тяжким преступлениям Виктора Соловья кроме обшарпанной красной стены ничего не наблюдалось, он, тем не менее, сосредоточенно и нереально долго, вот уже битый час, в упор, рассматривал этот нехитрый пейзаж...

На самом деле, перед внутренним взором матёрого «следака» и легенды сыска, плотно и без остановки проходили стройные ряды его успешных дел. Многие десятки жутких и особо тяжких преступлений...

Но то, с чем он столкнулся сейчас, превосходило по изощрённости и наглости их все. Среди бела дня, вот уже который раз, с особой циничностью и самоуверенной дерзостью некий «тип», очень, надо признаться, расчётливый и хитрый тип, уничтожал потрясающе красивых женщин и самозабвенно «обставлял» места преступлений на манер погребения царских особ древности.

Причём им, этим «мастером, мать его... ритуалов», всё производилось с безупречным знанием культурных традиций древности. На эту неожиданную сторону дела обратил внимание Соловей специалист по вопросам древних цивилизаций и его закадычный кореш ещё со школы, Козьма Дмитрич Кузявин.

Сидя на днях в арбатской «Праге» за бокалом «Crystal Louis Roederer» на пару с Козьмой по случаю 23 февраля, Соловей как-то обмолвился о своём последнем «головняке» и вкратце поведал другу некоторые детали своей работы. Митрич с интересом выслушал излияния «следака» и вдруг легонько хлопнув его по плечу, сказал своим бархатным барским голосом:

- А послушай-ка, Соловушка! Подопечный-то твой – Мастер!

- Это в каком-таком смысле?

-Ну, я имею в виду, стиль у него осмысленный, прямо профессиональный даже. Не заметил?..

- Чёт, я никак в башку не возьму. Ты о чём?..

- Ты же сам говоришь, всё как на картинке было: свечи вокруг кровати, пентакль, то есть звезда в круге мелом на полу начертана, фимиам...

- Чё?

- Ну, запахи, запахи... вокруг.

- А, ну это...

- Так вот. Очень похоже на то, что не простой здесь человек работал, особенный – со знаниями, со вкусом. Понятно? Артист. Художник.

- Действительно... Как же я раньше об этом не подумал?

И теперь выстаивая у окна, будто в парадном карауле, почти без движения, Виктор Соловей со всей очевидностью осознал правоту слов друга, - дело было действительно непростое, прям-таки из ряда вон выходящее...

Глава 9

Дракон стремительно и виртуозно снижался прямо в нашем направлении с Застрой. Я моментально струхнул, но видя беззаботную улыбку моей спутницы, постепенно начинал приходить в себя.

Огромное серебристо-зеленоватое тело волшебной рептилии, извивавшееся на высоте кучного разноцветья перистых облаков, казалось невозможным чудом природы. И мне, совсем не привыкшему к подобным явлениям, было почти дико видеть эту волшебную махину, так открыто и ощутимо парящей почти перед моим носом.

Дракон нырнул ещё раз крупной ушастью головной к нам, вниз, и мягко пружиня на мощных лапах, ловко и грациозно просунулся сквозь плотную листву всем своим чешуйчато-малахитовым торсом. На удивление по-доброму ласково и мудро светились его миндалевидные глаза. Ощущалась какая-то безграничная сила и спокойная добрая воля во всём его существе, выражавшемся в этом воистину человеческом взгляде. Я тут же вспомнил единственную фотографию отца и матери, которых я никогда не видел живьём, и которую мне когда-то передала, умирая, моя бабка. С этого фотоснимка на меня всегда смотрят с таким же вот благодушным и приветливым вниманием мои родители.

Дракон между тем подмигнул Застре и она по обыкновению мгновенно расхохоталась. Особенно её сместило моё сверхзадаченное и вместе с тем по-настоящему зачарованное выражение лица. Я начал оглядываться по сторонам, опасаясь, что прилёт гиганта вызовет нешуточную реакцию обитателей здешних мест. Но они, как ни в чём не бывало, продолжали свои обычные сказочные мероприятия, будто совсем не замечая появления удивительного гиганта.

- Барашкин! – певуче обратилась ко мне Застра. – Ты зря волнуешься: Светломудр видим лишь тем, для кого он является в данный момент времени. Остальные, будь они у него и под носом, никогда, ни за что, без его собственного хотения, даже не подумают о его присутствии, о том, что Светломудр может находиться совсем рядом с ними.

Я в конец потерялся от такого известия. Тот, о котором почти шёпотом, с необыкновенным почтением и благоговением говорила мне Застра, преспокойненько жевал неподалёку от нас зелёную сочную мякоть древесных великанов, и, казалось, совсем не заботился ни о моём необычном здесь присутствии, ни о том, что разговор шёл практически о нём, да и вообще, судя по всему, и не собирался ни о чём заботиться в этом мире, кроме пожирания листвы могучих папортов.

- Послушай, Застра! - почему-то шёпотом заговорил я, - Но ты же сама мне рассказывала, что будто бы великий Светломудр есть могущественнейший правитель всей Светлозарии... А сейчас получается, что это на самом деле огромное чудовище с человеческими глазами, которое, громко чавкая, уплетает обыкновенную... ну, в смысле питается зелёной листвой, как простая, какая-нибудь гусеница... А??

Застра недоумённо посмотрела на меня, потом на дракона, потом снова на меня и вдруг прыснула фонтаном дробного и заливистого смеха.

- Э-эх, Барашкин», какой ты, в самом деле, глупоня-я-я-я! Когда Светломудр преображается в эту форму, которую ты видишь, конечно, он будет и листву кушать и по небу летать! Ну, а когда поймёт, что время настало... вот тут и покажется другим, более для тебя удобным существом. Понял?! - её раскосые глазищи «буравили» меня с безудержным упорством, и я сдался.

- Ну, хорошо, Застра... а можно с ним, ну, это... поговорить... - я запнулся.

- Хочешь, чтоб я спросила?

- А что, договоришься?..

- Посмотрим на твоё поведение, Барашкин!

- А что я не так сделал?

Застра расхохоталась. Приняв, наконец, заговорщический вид, она объяснила, что, несмотря на свой вполне дружелюбный вид, Светломудр о-о-очень строгий правитель, хотя и справедливый. Поэтому нужно многое понять и сделать перед тем, прежде чем он соизволит снизойти до простого смертного. Я мысленно загрустил, но сначала всё-таки решил узнать на каких условиях может «снизойти» добрый волшебник до такого «смертного», как я. Но как только я собрался задать несколько вопросов по этому поводу Застре, раздался едва слышный звук ровного дыхания над моим ухом и, оглянувшись, я обомлел...

Лоб в лоб, морда к морде, на меня, в упор, смотрели красивые, умные, добрые глаза летающего змея Светломудра...

20

НЕЖДАНАЯ ВСТРЕЧА НА СТАДИОНЕ

Глава 10

Я ускорился на последних ста метрах своего трёхкилометрового кросса и финишировал, накатиком добежав до своей бутылки с водой и белого махрового полотенца во втором ряду зрительских скамеек стадиона. Разгорающееся утреннее солнце над моей головой начинало припекать, и было невероятно приятно облить себя прохладной струёй из горлышка бутылки, так что юркие ручейки проворно потекли по шее и торсу, как бы сбивая со своего пути капли обильного пота...

- Добрый! Остап! – Девушка, улыбаясь и перепрыгивая ступеньки, легко преодолевала расстояние между нами. – Ты давно здесь? - Она явно не скрывала радости от встречи, и мне это по-хорошему льстило, ведь Наташа, моя соседка по подъезду нашего элитного дома,

искренне симпатизируя мне, всё-таки была примерной женой своего высокопоставленного мужа и матерью троих замечательных детишек. А помнится даже в далёкие школьные времена, я с плохо скрываемым восхищением наблюдал за этой совсем юной тогда девчушкой из начальных классов, где я заканчивал с золотой медалью десятый выпускной класс...

Не скрою, в моих эротических фантазиях эта спортивная грациозная молодая женщина занимала не последнее место. Хотя дальнейшая служба в армии, долгие годы обучения в Японии и контрактные командировки по всему миру создали непреходимую пропасть между нашими судьбами.

Вернувшись в Москву и заимев шикарную квартиру в пентхаусе элитного жилого комплекса, я однажды поздним вечером столкнулся неожиданно со всем её многочисленным семейством в скоростном лифте нашей высотки...

- А вижу, вижу, давно... - тут же ответила она сама на свой вопрос и застенчиво рассмеялась, указывая подбородком на мою влажную и ритмично вздымавшуюся грудь. - Опять наматывал круги с утра пораньше? - спросила она снова и снова же, уже гораздо увереннее, беззаботно рассмеялась, мелодично и волнующе.

А мне в очередной раз при встрече с ней представилось, как я отбиваю её от многочисленных наёмных убийц и затем после этого впечатляющего спасения действие переходит на мой жаркий и внушительный сексодром...

21

Она что-то ещё бойко лепечет и посмеиваясь говорит дальше, а я всё смотрю и смотрю на её мягкий, зовущий в неизмеримые пространства радости и секса, рот...

- Что ты говоришь насчёт будущего отдыха в Греции?.. - я с трудом переключаюсь к обыденности бренного существования.

- Я говорю, милый Остап, что в Греции, куда мы всей семьёй едем на отдых, таких как ты обычно изображали в многочисленных скульптурах богов и героев, а ты тут обитаешь и не подозреваешь, какой популярностью пользуешься в тамошнем мире... - она улыбнулась.

Терпеть одно её такое волнующее присутствие, а тем более комплименты, у меня уже не хватало никакого самообладания, и я решил поскорее раскланяться.

- Наташа, ты очень любезна, и мне это безумно, безумно приятно... Но, к сожалению, уже бегу, опаздываю на работу. Обязательно поболтаем в следующий раз. - Я перекинул полотенце через плечо, дружелюбно подмигнул ей, и поспешил на «работу».

Тем не менее, я всей своей, тренированной долгими упражнениями на сверхчувствительность, спиной ощущал её тёплый милый взгляд, которым она провожала специалиста по пиар-технологиям, бизнесмена и спортсмена, принимая мою «легенду» за

меня самого, не имея никакой возможности приблизиться ко мне истинному... А жаль... очень, очень жаль.

Глава 11

- Да, ладно тебе, Барашек, придуриваться! - пылко пытался усовестить меня Гриня. – О каком таком настроении можно базарить, когда «чекушечка» слезливая тебя дожидается... - И Шайкин решительно и безапелляционно потянулся к моей руке, схватил своей широкой пятернёй мою менее внушительную пятерню и выволок меня на свежий воздух из мастерской.

Я без сопротивления подчинился, но выйдя из помещения нашей задрипинской столярки, вдруг резко рванулся из «заключения» цепкой руки Грини Шайкина и отбежал на безопасное расстояние.

- Ты чё? - оторопел закадычный собутыльник, - белочку подхватил чё ли или чё?

Я не ответил, а только вяло мотнул головой и поплёлся восвояси, но с Гриней не так-то легко было разделаться, тем более, что идти всё равно приходилось в одинаковую сторону. Тяжело дыша, мой «боевой одноклассник» догнал меня за углом следующей барачной двухэтажки, около сарая, и, пристроившись у моего правого плеча, нога в ногу и не говоря ни слова, пошагал, как ни в чём не бывало, рядом.

22

Мы прошли мимо длинного забора из копьеобразных железных прутьев вокруг средней общеобразовательной школы №22 на окраине города, потом, завернув на проулок, соединяющий дома частного сектора и основной части города, протопали по его засыпанной крупным гравием широкой и пыльной дороге для всех видов движения и, наконец, вырулили к городскому парку культуры и отдыха имени Красных Коммунаров, возле которого и притулилась наша сталинская трёхэтажка.

Погода между тем по-матерински любвеобильно осыпала мир нашей малой родины щедротами первых шагов осени. Широкими волнами тепла мягко обрушивались из синевы небес солнечные потоки вечернего света. Первые и хорошо заметные цвета будущего сочного макияжа длинностовольных красавиц лип, берёз и осин кокетливо красовались на виду проходящих мимо местных жителей...

Колоритным карнавальным костюмам могучих лесных массивов и прощальным песням перелётных птичьих оркестров в недалёком времени ещё предстоит затуманить души предвестием надвигающихся сумерек долгой зимы. А сейчас, даже лето всё ещё гостит на великом раздолье своего бывшего земного хозяйства... Ему дана последняя возможность попрощаться до второго пришествия с каждым деревцем, и ручейком, и паучком, растянувшим струны своей беззвучной арфы перед скорым уходом в небытие.

- Красота-то какая... Красотища, Ваньша! - выдохнул Шайкин от избытка всех чувств, когда мы остановились на пригорке перед домом. С него открывалась широкоформатная перспектива реки и равнины за ней в многочисленных перелесках, и полях с уборочными машинами на них, и открытым пространством всё и вся примиряющего неба в золоте убывающего солнца со свитой белых, розовых, чуть багровеющих и тёмно-сизо-лиловых облаков.

Я посмотрел внимательно на восхищённую физиономию друга, на круглые маленькие глазки в густом оперении рыжих и жёстких ресниц, на всегда розовые, в ямочках простодушной улыбки, щёки бугая и коротко, но веско сказал:

- Гриня, сегодня мы пить не будем! Да и ваще, брат Григорий, я, похоже, с этой пургой завязываю – навсегда! Да и тебе, Шайкин, настоятельно советую! - сказал, как отрезал, да ещё и воздух рубанул ладонью перед собой для пущей важности. – Вот!

Гриня беспомощно таращил глазёнки, заодно разинув на меня огромную пасть.

- Погодь... А чё эт такое: н-а-с-т-а-я-т-и-л-ь-н-о... Чё, чё советуишь?!

Глава 12

23

Сегодня убивать не хотелось... Но заказ был крупный и очень важный. Готовился я к нему долгих два месяца, по крупинкам собирая всю возможную информацию, связанную с объектом ликвидации.

Человек, которого предстояло «убрать», был видным международным деятелем в направлении разработок по новейшим видам вооружения стратегического назначения. Охраняли его сверхсекретную персону изысканно и мощно: два взвода солдат из корпуса быстрого реагирования минобороны страны, два солидных и крутых дяди личной охраны президента, близкий друг цели и хорошо мне известный «спец» по тактике контртеррористических операций международного уровня.

Было пасмурно и склизко на душе, как в прокисшей сметане. Но навыки взывали к действию, дождливая погода была тёплой и безветренной, так что технически я находился во всеоружии своей великолепной формы и видимых препятствий к осуществлению более чем серьёзного заказа не наблюдал.

Выглядел я экзотически: старый драный плащ из брезента с капюшоном, надетым на замусоленную спортивную шапочку ярко-шафранового цвета, похожие на мотоциклетные, тёмные очки, и штаны-«хаки», заправленные в армейские ботинки с длинными грязными шнурками, а также длинная седая борода, свисавшая клочьями до пояса. В руке у меня была крепкая сучковатая палка, как раз по плечо высотой, на которую я опирался, слегка

прихрамывая, - являя собой при этом яркий образ убогого и «задроченного» жизнью субъекта.

Используя мало кому известную технику ниндзя, я чётко понимал, что мои оппоненты в принципе не рассчитывали, увидев подобное «чмо», получить от него смертельную оплеуху.

Действие происходило на заднем дворе ресторана, в котором моя «мишень» расположилась на обед. Собирая объедки из мусорных баков и мешков, услужливо выставленных на вывоз ресторанными работниками, я всё ближе и ближе подбирался, как крыса к сыру, к возжеленной добыче.

Все близлежащие улицы находились под неусыпным контролем полиции, а также затаившихся «на всякий случай» воинов из корпуса быстрого реагирования. Пятеро из них в строгих костюмах дежурили возле заднего входа внутрь помещения, сурово поглядывая на невесть откуда взявшегося «попрошайку» в зоне их профессиональных полномочий.

«Значит, «президентские» ребята и друг моего визави с «целью» прямо сейчас находятся в самом ресторане», - спокойно прикинул я...

Ритм был таким: «раз-два, раз-два-три». Со сверхзвуковой скоростью жалил мой клинок, вылетевший из закамouflированных ножен под суковатую палку, на которую я так правдоподобно опирался несколько секунд назад. Чёткость рисунка движений была безупречна и отрететирована до мелочей, поэтому никакой реакции не последовало и не могло быть... Бедняги, не успев даже оценить мгновенный переход от жизни к смерти, как кегли в боулинге, заваливались на землю один за другим с колотыми и рублеными ранами в теле. И лишь последний, пятый воин, едва заметно взмахнув руками, изобразив слабую гримасу смущения на мясистом лице, обронил «буйну голову» ровно в тот мусорный бак, от которого намеревался недавно меня отогнать.

Проход в помещение ресторана осуществился также моментально, как и драма на заднем дворе. Скинув плащ и оказавшись в полевой форме цвета «хаки», я с улыбкой направился к отдельному кабинету на первом этаже. Два рослых здоровяка мигом перегородили мне дорогу, намереваясь остановить любой ценой. Дяди были оба около ста килограммов, но двигались с грациозностью больших диких кошек. Я вернул клинок в ножны, - не хотелось больше «калечить» великолепную сталь, - и торцом палки коротко ткнул в лицо ближайшему охраннику. Тот увернулся и, легко перенаправив палку, попытался забрать её из моих рук.

Я не дал ему реализовать эту замечательную идею, а просто высоко подкинул оружие к потолку. У меня было четыре или пять секунд, поскольку из кабинета выглянуло твердокаменное лицо моего знакомого «спеца». За время приземления палки в мои руки я:

- 1) Воткнул подвернувшуюся вилку в сонную артерию, набежавшего на меня дяди, успев крутануть его ногу в противоположном направлении движения его мощного тела, и он уже в полностью «разобранном» состоянии приземлился в трёх столах от поля боя...

- 2) Коротко подсев под «двоечку» боковых ударов следующего тяжеловеса, жёстко рванул его за пах вниз и с разворота засадил ударом ноги это большое тело в траекторию низкого, скоростного и турбулентного полёта сквозь столы, стулья и нескольких сидящих зевак этого милого заведения,
- 3) Поймал палку-клинок в обе руки.

Но... За эти мгновения «мой спец» уже успел уволочь «мою мишень» из ресторана. Не знал он только одного, - что я и здесь всё предусмотрел. Не успели беглецы выскочить из помещения, как им навстречу, откуда ни возьмись, выскочил табор цыган со свадьбой и живо отсёк их от остальной охраны...

Цыгане плясали и пели, кружась вокруг жертвы и «отрабатывая» жирный куш, который упал долларовыми купюрами к ним в руки, незадолго до этих событий, прямо с «небес»... в моём исполнении.

Наши со «спецом» глаза встретились и встретились руки... Я уже был без шапки и камуфляжа, в шортах и цветастой рубашке с босыми ногами и с неизменным «суковатым» оружием в руках...

- Привет! - напряжённо выдохнул мне в лицо профессионал, тщетно ища глазами отсоединённого от него босса. Следующий выдох был последним, и пришёлся мне в плечо, когда его голова безжизненно повисла на нём на какое-то мгновение после чудовищного удара клинком под рёбра...

25

Самолёт плавно и скоро уносил меня из Нью-Йорка обратно в Москву с чувством глубокого удовлетворения от выполненных «работ» и чисто самурайского удовольствия от безупречного мастерства.

ОБУЧЕНИЕ

Глава 13

Старец показывал мне различные мудрёные серии движений руками и ногами в очень медленном темпе, а потом долго и подробно объяснял смысл каждого из этих плавных и красивых перемещений, уклонов и раскачиваний телом, в которых таились оздоровительные силы и защитные приёмы.

Светломудр, после памятной встречи со мной в образе летающего дракона, предложил мне обучение тайным практикам Светлозарии в обмен на моё искреннее согласие действовать в своём мире от «имени» добрых жителей «снящегося» мне волшебного царства Зазеркалья. Он с улыбкой, терпеливо и приветливо раскрывал передо мной удивительную правду мироустройства и распределения «тёмных» и «светлых» Великого Универсума Сияющей Истины, в котором мы все имеем честь и счастье пребывать.

- Запомни, Иванушка! - ласково изрекал своим густым, бархатистым и чарующим гласом Светломудр. – Всё к чему ты привык в своём мире, - всего лишь часть огромного и бесконечно заселённого различными существами пространства Универсума Жизни. Извечно ведут между собой священную борьбу два противоположных друг другу мировоззрения – воины Света и Созидания отстаивают территорию Милосердия и Взаимопомощи в противоборстве с ордами Разрушения и Хаоса.

- Здесь, в Зазеркалье, жителям Светлозарии искони противостоят тёмные силы Заоблачья. У Вас людям доброй воли путают планы ненасытные и прожорливые служители демонов алчности, беззакония, лицемерия и похоти.

- Истинной же защитой от всевозможного Зла – всегда был и будет Путь личного внутреннего цветения потенциала Силы и Мужества перед лицом любых препятствий, обнаружения в себе неугасимого Пламени Служения всем тем, кто нуждается в нашей помощи и поддержке. Желание воздать сторицей за всю благодать Жизни и её подлинные сокровища – Тайну Любви, Величие Сострадания и Красоту Самопожертвования.

Я жадно слушал, широко раскрыв рот и замерев от восхищения перед непререкаемой ценностью священного Учения старца.

Каждую ночь я погружался в глубины заповедных знаний своего неожиданно обрётённого Учителя, который делился ими с непередаваемым смирением и безоговорочным доверием к ученику.

Застра только изредка навещала нас в свободное от своих многочисленных обязанностей время. Она была незаменимой помощницей Светломудра, и жители Светлозарии практически воспринимали её как полноправное воплощение их правителя, а её просьбы и пожелания так, как будто их произносил сам Светломудр. Так что она вполне могла руководить в отсутствие мудреца всем Зазеркальем и его делами беспрепятственно, чем я и мой Учитель неминуемо пользовались для моего всестороннего и полноценного обучения.

Я уже довольно сносно овладел многими премудростями удивительного и странного искусства управления собственным телом, как орудием магической Силы и её скрытых возможностей, в том числе и навыками самозащиты.

И теперь, в так называемом «реальном» мире, начинал чувствовать некоторые события ещё до их появления, взглядом разгонял облака или, например, в одной странной ситуации, проходя мимо пивного ларька вместе с Гриней, легко, одним движением, так «отцепил» от него двух каких-то подвыпивших задир, что самому стало неимоверно весело, но непонятно, как мне такое, чёрт возьми, удалось.

Вечером, после этого случая, ко мне завалился совершенно трезвый Шайкин, деловито прошёл, сел на мою кровать и долго, испытующе долго, смотрел, как я вожусь с починкой утюга соседки.

Через какое-то время он так же молча встал и пошёл к двери, на пороге притормозил, повернулся ко мне и пригрозил пальцем:

- Ты, Ваньша, это... Смотри, Ваньша... Я ить того... Сам могу часто за тебя... ну и за себя... это... поставить, бр-р-р, постоять. Так что ты, в другом разе, того... осторожней... Обещаишь?

Я посмотрел на него и сказал:

- Ладно.

После чего Гриня вышел за дверь, но минут через пять вернулся снова, исподлобья уставился, вытаращившись, на мои руки, закреплявшие крышку утюга на положенном ей месте, и затем заискивающе спросил:

- Я так, Ваньша, и сам хочу уметь... ну, это... руками разгребать... Научишь, брат, а?..

Глава 14

Мы сидели с Наташей в кафе. Яркое утреннее солнце вальяжно выплывало в мир из бездны ночного безвременья. Мы с Наташей опять встретились на стадионе и решили вместе попить кофе.

27

Маленькие изящные руки молодой женщины плавно приподнимали блюдо с чашечкой дымящегося напитка, и я заворуженно смотрел и смотрел, как прикасаются её губы к фарфоровому ободку, как пар от кофе медитативно проникает в её струящиеся по плечам волосы, как разноцветный маникюр её ногтей поблёскивает в отражении глянцевых поверхностей сервиза...

- Ты выглядишь в белом костюме настоящим ангелом, - сказала Наташа и улыбнулась красивыми зубами.

Я сидел в некоем лёгком трансе от её такого близкого присутствия и испытывал несравнимый ни с чем кайф влюблённого подростка. Поэтому лишь слегка улыбнувшись, я только благодарно кивнул и почему-то густо покраснел, словно школьник после похвалы классной руководительницы на общем собрании. Наташа тихо рассмеялась. Я снова кивнул.

Народу за соседними столиками в этот утренний час было совсем немного, так что в расслабленной атмосфере дружеского кофепития было что-то, отчего выглядеть глупо и несуразно взрослому мужчине, как я, определённо не возбранялось. Осознавая это, было легко и просто до такой степени, что мы с Наташей как бы участвовали в каком-то почти мистическом «ритуале», где каждый не зависел от другого и мог вести себя как угодно.

Единственное, отчего я никак не мог отделаться, так это от собственного, бог знает откуда обрушившегося на меня, чувства беспомощной застенчивости, чувства, пробуждавшегося во мне во времена моей ранней юности, когда мама целовала меня в губы при посторонних, или когда моя просыпающаяся чувственность уже начинала свой древний танец в крови при виде симпатичных представительниц противоположного пола...

- Тебе заказать ещё кофе? - спросил я у Наташи и вновь покраснел, ощущая верхушками ушей тёплую волну очередного прилива смущения.

- А ты будешь? Тогда и мне ещё одну чашечку «капучино» без сахара... Ладно?

Я кивнул и направился делать заказ, благодаря всех богов за свалившееся сегодня утром на меня неожиданное блаженство, - присутствовать в компании этой потрясающей блондинки, матери трёх детей и жены многоуважаемого чиновника высшего эшелона.

Впрочем, последнее обстоятельство меня меньше всего тревожило, поскольку на своём веку я как раз видел-перевидел «боссов» разных мастей и уровней сотнями, и не только в общении, ограничиваясь лёгким рукопожатием...

Но присутствие настоящей женщины-мечты прямо рядом за столиком, возможность смотреть на её тонкие смеющиеся губы с маленькими веснушками по бокам и на щеках, проникать своим взглядом в головокружительную синеву её очей, - ребята, я готов умереть за каждый вздох её пленительно-прекрасного тела...

28

Официант принял заказ и я вернулся на место, чтобы ещё раз убедиться, что и её улыбка, и ритмично вздымающаяся грудь под летним платьем, и открытые плечи, и тонкие выразительные руки с длинными пальцами, - всё это, сию минуту, принадлежало только мне... Хотя и без надежды на такой царский подарок, как близкий контакт.

Мы ещё полчаса болтали на разные отвлечённые темы, а потом она ушла, ещё раз взглянув на меня из-под пушистых ресниц долгим тёплым взглядом, от которого хотелось танцевать и плакать, жить долго и счастливо, а потом умереть с нею в один день в крепком объятии наших любящих и склеенных страстью тел.

Я сидел и сидел в кафе всё на том же месте. Не заказывал больше ничего и не смотрел по сторонам...

В моём сердце происходило странное таянье душевных льдов, «высокое» плавление давно замороженного ощущения человеческого сопричастия всему на земле и в космосе, ощущение чуда происходящего со мной бытия, сказки, которую вот эта живая женщина, этот человек по имени Наташа, так ненавязчиво и круто одновременно, подарила мне сегодня.

Солнце окончательно и безжалостно воцарилось на безоблачном небе. В кафе стало жарко. Мой тренированный многолетними практиками войны ум вдруг моментально и бесповоротно снова включился в работу. Эфемерное видение простого человеческого и

недостижимого для меня счастья в образе хрупкой и волшебной Наташи кануло в небытие. Я привычно и незаметно огляделся, встал и вышел из кафе.

Боевой механизм моего могучего тела требовал дальнейших действий, поступков на пределе обычных человеческих возможностей. Чёткий план следующих шагов на моём профессиональном поприще требовал мобилизации всех сил в ближайшее же время. Я снова был в «седле». Я снова готов к очередным подвигам и победам. Мой внутренний самурай жив! А смерть – такой же помощник, как и все другие инструменты воздействия на мир людей и событий.

Никаких соплей. Никаких сантиментов. Никакой пощады!

Глава 15

Свечи, свечи, свечи расставлены по всему помещению апартаментов. Человек в чёрной маске уверенно и по-кошачьи мягко движется сквозь эстетически декорированное пространство и роскошное убранство спальни...

Тантрическая музыка завораживающе-медитативно льётся из стереосистемы, которая спрятана за пологом, огораживающим специально отведённое для неё место. Пелена лёгкого аромата чувственно и едва уловимо заполняет всё вокруг. Картины на стенах и дорогие персидские ковры на полу создают атмосферу гарема какого-нибудь древневосточного падишаха...

Человек грациозно и плавно подходит к изголовью кровати в стиле рококо, на которой лежит обнажённая и удивительно красивая женщина. Она привязана за четыре конечности к углам кровати длинными шёлковыми лентами так, что не может пошевелиться и с ужасом взирает на человека в чёрной маске. Рот её плотно перетянут ещё одной атласной лентой, не дающей возможности для того, чтобы издать хотя бы звук. Зрачки прекрасных зелёных глаз женщины максимально расширены, рот приоткрыт, пышные иссиня-чёрные пряди рассыпаны вокруг её головы наподобие нимба.

Под её упругие очаровательные ягодицы подложены маленькие подушечки, которые «вкусно» приподнимают её бёдра так, что бутон гениталий как бы раскрывается во всём своём непревзойдённом совершенстве и сексуальной великолепии навстречу любому любопытному взгляду. Но кроме мужчины в чёрной маске насладиться этим воистину первозданным зрелищем некому. В меру полные и соблазнительно округлые груди по-королевски великолепно торчащими в разные стороны сосками словно указывают на выбор между жизнью и смертью. Белая, почти до мраморности белая кожа тела красавицы придаёт всему зрелищу какой-то даже мистический оттенок... Эта белизна словно сияние абсолютной чистоты создаёт целостное ощущение таинства пресуществования духа в материю, света – в бесконечность оттенков миротворения...

Человек в чёрной маске внимательно оглядывает «церемониальное» помещение ещё раз. И сияние десятков магических свечей в серебряных высоких подставках для них. И тяжёлую бархатную завесу штор на окнах.

Блики огоньков от многочисленных свечей лёгкими мазками ложатся на картины. Их золочёные рамы, обрамляющие подлинники шедевров некоторых мастеров высокого Возрождения и пары работ Кандинского и Климта, выгодно подчёркивают общую эстетическую направленность интерьера. «Безмолвствующая» за ненадобностью изысканная люстра под потолком притаилась в мерцающей тишине, поблёскивая натуральным горным хрусталём подвесок. Вся симфония переливающихся обертонов света и тени, всплески нот «демонического» Вагнера, льющиеся стройными рядами из спрятанной стереосистемы и заменившие умиротворение тантрической мелодии, обнажённая женщина, скульптурно распластанная на своём ложе-эшафоте, - всё служит гармоничным выражением некой гениальной творческой Идеи. Всё подчинено мистериальному таинству воплощения этой идеи: одновременно и формой и содержанием, и сутью и фоном, полнозвучной композицией внешней объектности и подспудно ощущаемой волнообразной текучестью квантовой реальности за её тяжеловесными пределами...

Вечная загадка замысла и его мастерское осуществление, казалось, каким-то немыслимым чудом достигли окончательной доминанты и обрели явственное согласие своего вечного противоречия здесь, в «пентхаусе» одного из дорогостоящих жилых комплексов Москвы.

30

Мужчина не шевелится. Словно Микеланджело перед «Сикстинской капеллой» стоит он и созерцает свою работу в ожидании вдохновения для последнего штриха, что завершит этот «шедевр». Наконец, он преклоняет колени подле ложа своей благословенной «модели» и низким красивым баритоном изрекает один из псалмов на древнееврейском (арамейском) наречии. Затем поднимается с колена и вдруг одним резким, лёгким и точным ударом рассекает жертве её атласную нежную кожу на шее крестообразным рисунком отточенного кинжала. Кровь, послушно и радостно брызнув, течёт из раны на белоснежное тело, как будто истомлённо дождавшись своего освобождения из недр божественного тела женщины, - когда же, наконец-то, оно случится...

Соловья разбудили в самое смачное время глубокого сна со сновидениями... Сон был цветной, сладкий и ускользающий из памяти удивительно живым видением сказки.

- Виктор Янович! - сказали в трубке глуховатым голосом его помощника Игоря Матюшко. - Опять наш «мастак» проявился в Юго-Западном, мать его... Машину за вами уже послали.

НОВЫЙ ВИТОК ОБУЧЕНИЯ,**Глава 16**

Я прыгнул вслед за Светломудром и, уверенно пролетев над верхушками нескольких папортов, оказался рядом с мудрецом на широкой плоскости листа одного из них.

Светломудр довольно улыбнулся моему лёгкому и точному манёвру и указал на широкий зев аккуратного углубления в скале, куда мы и намеревались попасть. Почти невесомый, но очень крепкий и прочный, с пульсирующими прожилками на нём, лист папорта вплотную соприкасался с входом в пещеру. Мы прошли по слегка покачивавшемуся под тяжестью наших тел листу и вошли в углубление скалы. Продолжение входа выглядело как длинный отполированный тоннель, слабо освещённый мягким светом невидимых огоньков местных источников свечения, внешне напоминающих маленькие шарики с искрящейся жидкостью. Жители Светлозарии называли их просто и ласково – «светики», ведь они были, как и всё здесь, живыми чувствующими существами, умевшими и общаться, и выражать любые обычные эмоции. Правда, заметить их было почти невозможно, особенно, если они этого сами не хотели. Пройдя по тоннелю, который петлял и, по моему ощущению, медленно вёл нас всё ниже и ниже в толщу скалы, мы очутились у двух больших разноцветных створок наглухо запертых ворот, плавно раскрывшихся сразу же при нашем появлении, обнажая потайную анфиладу зеркальных залов.

31

- Приветствую тебя, о, ученик, в этой святой святых главного тайника нашей жизни – сакральном Вместилище Грёз! - торжественно произнёс мой могущественный и мудрый Наставник. – Здесь находится плато управления миров, которые когда-либо существовали, существуют до настоящего времени и будут существовать во веки веков... У вас в земной обители ваши учёные мужи называют нашу реальность словом «квант». А мы всего лишь храним тут в недостижимой целостности семена всех возможностей, которые способны либо давать силу вещам и явлениям, либо полностью лишать кого бы то ни было и что бы то ни было этой силы. Многие великие и малые сих миров злоумышляли пробраться сюда и овладеть нашим Вместилищем Грёз. И только неустанный труд моих многочисленных подданных и служителей да древние знания и умения всех прошлых времён позволили нам сохранить от дерзких нападений сие Святилище. - Светломудр перевёл дух. – А теперь с твоим появлением - о, ученик, мой! – возникла и долгожданная надежда объединить все сущности доброй воли ваших и наших миров.

Он кивнул мне и жестом пригласил продолжить наше магическое путешествие. Мы прошли ещё некоторое время по анфиладе зеркальных залов и остановились перед матово светящимся внушительных размеров экраном вроде тех, что располагаются в наших лучших земных кинотеатрах.

В руках Светломудра, откуда ни возьмись, появилась небольшая дощечка из неизвестного мне материала, которая скорее напоминала живое существо, нежели просто инструмент для использования.

На экране тут же замелькали калейдоскопические кадры из разных областей знания и я, как заворожённый, впился в них глазами, а в моих ушах зазвучали объясняющие их комментарии.

Здесь были многие неизвестные мне факты истории земли со всевозможными древними катаклизмами и непрекращающимися войнами одних народов и народностей с другими...

Бесконечные формулы и алгоритмы исчислений алгебры и высшей математики...

Законы физики и открытия квантовой механики вкупе с пояснениями общей и специальной теории относительности...

Химические опыты разных уровней сложности и детальное исследование их молекулярных составляющих...

Изыскания биологии и находки физиологии, прорывы медицины и геронтологии, генной инженерии и квантовый скачок далее к футичному видению сингулярного воссоединения всего со всем...

Вопросы информатики, кибернетики, новейшей философии, инфопсихологии, а также пути исследования и развития всего комплекса человеческих знаний о мире, о внутренней системе психики и мозговой деятельности, о бескрайнем мультиплановом пространстве Универсума...

32

Великая карта возможностей познания жизни и её чудес развернулась перед моим восторженным взором. Волна волшебной информации подняла моё сознание до высот необозримого могущества и наплатила мой мозг неожиданным и глубоким постижением сущности бытия. Но на удивление при этом я не ощущал ни переизбытка знаний, ни головокружения от увиденного и услышанного за время обучающего сеанса.

А только удивительный покой и удовлетворение от проделанной работы обволакивали моё восприятие ощущением катарсического и мягкого послевкусия ...

Мастер Светломудр, лучезарно улыбаясь, смотрел на моё преображение с искренним почтением и радостью за своего ученика.

Глава 17

- Писать заявление? - недоумевающая физиономия моего бывшего соучастника пиршеств невообразимо вытянулась и застыла наподобие тех африканских масок, что с любовью изготавливаются аборигенами для всевозможного первобытного колдовства.

Я немного посвятил Гриню в свои ближайшие планы, за что вот уже битых полтора часа расплачивался тщетными разъяснениями «зачем» мне всё это.

- Слушай, друг мой Григорий! - наставительно, в который уже раз, пытался донести я своё послание. – Мы обязательно останемся друзьями, но при всём при том я безумно нуждаюсь в переменах, брат.

- Ничего не вразумлю, Иваныч... Нешто ты работу и дом порешил на божество сменить?! - странная манера Грини истолковывать события да и многие другие «завихрения» только теперь явились передо мной, как по заказу, во всей своей нестерпимой дикости. Я замер, пытаюсь осмыслить услышанное, хотя не скрою, озадачен я был не меньше Шайкина...

- Ладно, Петрович, открою тебе великую тайну... - Я авторитетно помолчал и продолжил. – Мне поручили секретную миссию, о которой никому знать не обязательно. Понял? Я должен отправиться на поиски одного важного для нашего ЖЭКа учреждения в Москве.

- Зачем это, ты што? - напрягся Григорий. – А я?!

- А тебе нужно остаться здесь и стеречь мою комнату от незваных гостей, которые могут понаехать, разузнав, что я на секретном задании... - Я с интересом смотрел на Шайкина и ждал.

- Так ты брата кинуть хочешь, ты ... - Григорий не нашёл нового аргумента и просто присел на любимый свой табурет в моей комнатёнке. Вид у него был настолько потерянный и разочарованный, что мне в первую секунду даже захотелось обнять своего товарища и потрепать по отвисшей челюсти.

- Ты не сердчай, Гриша! Я скоро, - одна нога здесь, другая там... - пришлось сделать мне ещё одну скромную попытку образумить бугая...

- Да где ж... - неопределённо махнул он своей ручищей великана. – Ладно, поохраняю...

- Ну, вот и славно, - обрадовался я согласию Грини на мою нелепую отговорку. – Я никогда не забуду, Петрович, наши «боевые» деньки, нашу коммуналку, тётю Глашу, тётю Рину, столярку и... в общем, занимай территорию и жди моего возвращения, Гринёк.

- А зачем «не забуду», Ваньша... Ты думаешь, они тебя уже не дождут, чё ли? Или чё-ё-ё?! - Григорий вглядывался в моё спокойное улыбающееся лицо, но, не высмотрев ничего впечатляющего для себя, смиренно кивнул патлатой башкой, всхлипнул и сказал, - Я тебя сёравно не брошу в беде, хоть тресни... Надо будет – из-под земли достану, а помогу!.. - обнадеживающе покивал он мне, потрепал по плечу и продолжил, - Пойду завтра к Узюму, скажу: я из-за вас брата потерял, а? Пусть ево соисть замучит, правда, Ваньша? - Гриня Шайкин заискивающе смотрел в мои печально-приветливые глаза, в которых затаилась предательская слезинка.

Совершенно точно знал я, как будет качать головой Узюмов Николай Николаевич, как будет злиться Петрович на «скрываемую» от него «командировку» лучшего друга и брата, как пойдёт и накачает себя пол-литровой «Столичной» (и не одной) с горя, как будет тщетно выискивать меня после того по всем закоулкам нашей «дружной» коммуналки и вопить во всё дюжее горло про «хрень и преданку нашенской жизни».

А быстрый «скорый» тем временем понесёт меня по просторам Родины в неизвестность и таинственную пустоту мерцающих звёзд и ночи, в далёкую, блистающую многочисленными возможностями столицу, которая совсем ничего не ждёт ни от жизни, ни от своих горожан, ни от приезжих, - словом вообще ничего не ждёт... Ей, ведь и так хорошо, а?.. Она ведь и так, столица... Третий Рим, а?!

Тем более не собирается она привечать мчащегося навстречу ей очередного искателя счастья для всех людей, безродного и нежданного посланника иных миров, несущих свою благую весть через него о том, что может быть услышано и повлиять на судьбы миллионов и миллионов других искателей счастья.

МОСКВА

Глава 18

Москва в начале лета 1998 года представляла собой прекрасное и незабываемое зрелище.

Даже так: перед тем как обрушиться августовскому кризису на её зелёные липовые, кленовые и тополиные парки и аллеи, величавые главы красавиц-церквей, «Красную» от крови многочисленных исторических казней и «козней» площадь, перед тем как переполнить ему своим потоком обесцененных жизней и рублей древнюю, разбуженную «грохотом» перестройки и в очередной раз околпаченную Россию, - я запомнил её в свой первый приезд, прекрасной и незабываемой...

34

Августовский кризис имел не только экономическую подоплёку... За многими и многими коммерческими, политическими, социально – культурными феноменами стояли бесконечной вереницей нелёгкие судьбы тех, кто вместе со страной совершили головокружительный прыжок в абсолютно несвойственный «русской душе» мир капиталистических соблазнов из уютного «застоя» социалистических «нельзя!». Их чаяния, надежды, моления и уже имеющие место победы и достижения повисли на волоске очередного пируэта экспериментов власть имущих над собственной «паствой».

А сейчас, за два месяца до этого сногшибательного события, государыня-столица нежилась в лучах пронзительного утреннего солнца, блаженно жмурясь миллионами окон навстречу спешащему в её лоно поездами, самолётами и многочисленным автотранспортом народу.

Среди многоуважаемых прибывающих в город-герой был и я, с тихим восторгом и самыми благими намерениями притащивший на верхней полке многострадальной плацкарты своё нехитрое имущество и неизвестную никому личность.

- Ну, ты, лох недоделанный, посторонись... А-то, смотри, по рогам достанется да мы ещё добавим... - два бугая под стать Грине, тащили мимо меня здорового бычка, хитроумно обёрнутого в старый линялый ковёр, со всех сторон схваченный крепкими объятиями толстых верёвок. Бычок мычал и бодро сопротивлялся. Но тугая «обёртка» верёвок и дружные усилия бугаёв не оставляли ему шансов на побег...

До сих пор, не без усмешки, вспоминая тот давний случай, так и не возьму в толк, как этим «предпринимателям» удалось притаранить с далёких окраин столь экзотичный живой груз, минуя неприветливость соседей по вагону, «издержки» перемещения животного, а в особенности, неприступную несговорчивость проводников и начальника поезда?..

Я медленно шёл, с глубоким интересом всматриваясь в архитектуру зданий вблизи Садового кольца недалеко от Комсомольской площади...

Светломудр после просмотра памятных обучающих сеансов в зеркальном «кинотеатре», обстоятельно и настойчиво пояснял мне тонкости вдумчивого отношения ко всему, что нас окружает. Много и подробно останавливался на важности наблюдательности, на значимости вглядывания и вслушивания, «вживания» во все ситуации жизни, каковыми бы на первый взгляд они ни казались. И я с превеликим удовольствием пользовался величайшим шансом применить наработанные навыки и умения на практике, прямо сейчас, гуляя по главному городу России.

Дома вокруг, словно стражи минувшего, открывали моему внутреннему взору свои удивительные секреты. Не доходя Курского вокзала со стороны метро «Красные ворота», я с радостью созерцал почти «венедианские» очертания декоративных портиков верхних этажей величественных старомосковских зданий.

В первый раз увиденные троллейбусы были очень похожи на увеличенные в размерах копии жужжальников из Светлозари, когда они переносили грузы с одной крышеподобной кроны папортов на другую.

Самолёты в небе напомнили мне собственные воздушные сновидческие путешествия по облачным зарослям волшебной страны моей второй «реальности». Я наверняка выглядел слишком простовато и потешно, так что многие прохожие по пути невольно улыбались, глядя на мои круглые от восхищения глаза и приоткрытый в немом восторге рот.

Особенно мне нравилось, как улыбались девушки, которых в Москве по моему разумению было так много, что запросто можно было собирать из них живые гирлянды для совместных шествий по городу. Они, в летней одежде и босоножках, являли цветник жизни, который представлялся мне центром истинных богатств этого замечательного мегаполиса.

Вечерело. Воздух Москвы упоительно дышал ароматами открытых ресторанов, запахами цветов на клумбах и пышных прядей цветущей сирени, томными дуновениями сладковатой свежести приближающихся сумерек, и непонятно откуда взявшихся летучих воспоминаний из детства...

Я чуть подустал от постоянных перемещений по городу и слегка проголодался. Купил пирожок и бутылку воды в киоске, нашёл удобную скамейку в закатной тени от черёмухи на одной из скамеек ближайшего двора вблизи Дворца молодёжи, и очень смачно перекусил, используя, как уже привык, технику полного погружения в запах пищи и ощущения её первичных составляющих, а также места, откуда она произошла. В данном случае, «родиной» моей кулебяки с капустой были поля под Новороссийском и капуста Рязани. Ясное и чёткое представление труда стольких заботливых рук и участия стольких людей

ради насыщения моего голодного желудка наполняли меня ещё большим ощущением удовольствия от пищи и тёплой человеческой благодарностью за всю произведённую вкусность этой кулебяки. Прохладная вода из холодильника в киоске, привезённая из Подмоскovie, окончательно ввела меня в блаженно-мечтательное настроение, в котором я ещё раз пожелал добра и здоровья всем «накормившим» меня работникам.

Я долго и медитативно смаковал состояние нахлынувшей сытости вкупе с непревзойдённым запахом капустного пирога, который десятикратно усилился и напичкал меня благодаря уже прилично натренированному умению наслаждаться любыми удовольствиями жизни, легко и быстро добавляя в них особую, неведомую простым смертным, яркость и остроту вкусов.

- Эй, мужчина, закурить не найдётся?! - подходил ко мне улыбочивый и приветливый молодой человек, невольно выводя меня из моего пиршественного настроения.

- Извините, не курю, - ответно улыбаясь, встал я из вежливости, как учил Светломудр, навстречу такому славному и любезному собеседнику. Только сейчас я заметил группу молодых ребят, которые дружной гурьбой обступили прилично одетого средних лет гражданина неподалёку.

- Чего уставился, не видел разборок, залётный? - меняя тон на неожиданно-саркастический, поднял на меня брови этот непонятно-переменчивый человек. Я не переставал искренне улыбаться, хотя краем глаза видел, что группа людей вокруг «гражданина» оживилась и он, почему-то, стал вдруг заваливаться то на одного, то на другого из своих собеседников, а те, в свою очередь, как мне показалось, пытались его всё время поставить в первоначальное положение.

- Они, что, извините, его бьют? - озарило меня свыше, отчего на душе сразу стало жутко нехорошо, и я даже на мгновение забыл от этого и о том, каким я сам опасным оружием владею и, конечно же, о прекрасном состоянии благодати всего со мной до этой минуты происходившего.

Мой собеседник, между тем, вместо ответа, резко развернулся, выбрасывая в меня что-то похожее на стилет... «Стилёт» воткнулся в пустоту, где прежде находился я, и в следующее мгновение полетел в сторону от моего резкого толчка в руку парня.

- Ёрои доси! - сказал я отчётливо.

- Что? - переспросил мой «оппонент», видимо, окончательно дезориентировавшись от всего произошедшего с ним в ближайшие секунды.

- Протыкатель доспехов, 12 век, - чётко отрапортовал я, кивнув на стилет, и потом, уже на бегу, «выключил» молодого человека.

Мне оставались считанные мгновения, чтобы добежать на выручку к интеллигентному гражданину...

Глава 19

Мы отрывались с Наташей по полной программе. После обоюдного выяснения отношений, мы поняли, что уже давно, очень давно равнодушны друг к другу: она со школы, а я – с тех самых пор, как увидел и «признал» её в лифте... Ни наличие мужа и детей, ни правила так называемой светской морали оказались не сильны перед ураганом чувств.

Мы вместе «потеряли голову», вместе выдумывали весомые «доказательства» для близких и друзей в пользу её длительных поездок то к недавно обретённым бывшим школьным подругам или дальним родственникам, неожиданно вспомнившим о своей прекрасной «внучатной племяннице-троюродной сестре», ну или же просто о «седьмой воде на киселе».

Сами же мы гоняли по Москве от «Праги» до «Арагви» и гужбанили, гужбанили, гужбанили, как безумные, как одержимые срывали цветы страсти с плодоносящего дерева желаний...

Наташа была непревзойдённой любовницей и потрясающим другом. В ней как по волшебству сошлись черты лучших архетипов мира: стройная Артемида-охотница с успехом дополняла Афины-воительницу. Нежность и материнская мудрость Деметры сочеталась в ней с умением Гестии поддержать тёплую и душевную атмосферу «очага» взаимоотношений со своим возлюбленным...

А величавая осанка Геры органично и легко дополняла игривость и беспечность Персефоны (Прозерпины).

Между прочим, великим удовольствием в общении с Наташей для меня было использование моих именно гуманитарных «навыков», так что и давнее довольно приличное знакомство с мифологией Древней Греции сыграло в этом благом деле не последнюю роль...

Поскольку даже высокочеловеческая фигура моей «богини» могла быть по-настоящему оценена только с позиций идеалов культуры этой «золотой поры» человечества.

Моя Афродита олицетворяла для меня ту совершенную грацию живой души и «страстью трепещущую» Вечную Женственность, ради которой почти все герои мира совершали свои подвиги, а служители высокой поэзии исповедовались векам с неистовой и душераздирающей искренностью.

Я поклонялся ей и осыпал каждую пядь «земли обетованной» её божественного тела «тысячами тысяч» поцелуев и «миллионами» восхвалений. Я в первый раз в жизни ощутил неизбывную тоску по вечному соитию губ, рук и криков на безысходном пространстве подлинного взаимопроникновения чувств. Я парил на высотах Страсти, я погибал в безднах многочисленных Оргазмов и снова возрождался каким-то чудом в новых водоворотах и потрясениях разбуженного гигантского вулкана Любви. И Наташа... отвечала мне полнейшей взаимностью...

Но чудеса недолговечны. А жизнь продолжается независимо от наших призывов к бессмертию. Мне «заказали» Игоря Самуиловича Плешака, известного государственного деятеля и... её мужа.

Мы сидели, обнявшись, в одном приятном местечке в районе Китай-города и курили кальян, потягивая сладковато-терпкий дым восточного «зелья». Разговаривать не хотелось, было невероятно хорошо прижиматься друг к другу и согреваться дыханием винного пара, исходившего из мундштука трубки, змеевидно протянувшейся от прозрачной кальянной колбы...

Я давно уже поделился тайной своего ремесла с моей избранницей и рассказал о своей новой «цели». Наташа приняла сообщение мужественно и мудро, лишь слегка покачав красивой головой с кудряшками рыжих длинных шёлковых волос. Нам нечего было обсуждать и некуда торопиться.

Я знал, что выбор, на самом деле, был небогат: либо трагедия в доме Наташи, либо бесконечное противостояние боевикам вездесущей политической мафии мирового капитала.

И вот я сижу, лаская одной рукой Наташины пальчики, а другой едва придерживая жерло кальянной трубки после затяжки, с грустью думая о непоправимом результате этой тупиковой проблемы. Тут я всё больше и больше понимаю, что выбор сделан так давно и бесповоротно, так естественно и невозвратно, и так целесообразно, что начинаю глупо посмеиваться, а потом раздражаюсь неуместным громоподобным хохотом. Наташа смотрит на мой гогочущий рот, а по её щекам текут тихие и жгучие слёзы, припухшие губки её кривятся в непонимании детской, наивной и бессмысленной улыбкой, едва различимой и беззащитной...

38

Я говорю ей шёпотом, продолжая поглаживать пальчики-ледышки:

- Всё будет хорошо, милая... Верь мне!

Глава 20

- Привет, Застра! Я так скучаю без Вас: без тебя и Светломудра и всей Светлозарии!.. - невольно вырвалось у меня в первый же момент. Застра, по обыкновению, мелодично и заразительно расхохоталась.

- Что, путешественник, намаялся там со своими спасёнными? - продолжала она, одновременно смеясь и говоря.

- А вы и это уже знаете? - искренне поражаясь всеведению Застры, спросил я.

- А как же? Неужели ты совсем забыл про наши возможности, которые и для тебя давно не секрет? - подмигнула мне маленькая фея. — К тому же, кто как не ты теперь, владея такой информацией, какая недоступна большинству землян, способен сделать им настоящий подарок мудрости и поддержки? Мы все в Светлозарии желаем тебе удачи! Светломудр очень хорошо постарался, когда на общем совете старейшин последнего круга выбрал тебя

из всех жителей голубого сапфира межпланетного пространства, а потом обучил нашим премудростям... - ответила Застра.

- Какого-такого голубого сапфира? - не понял я.

- Видишь ли, всем планетам звёздного мира солнечной системы присвоены на нашем языке имена драгоценных камней вашей планеты людей. По этой классификации, Земля – редкий голубой сапфир, который по духу соответствует творческому самораскрытию и целомудренности души человеческих существ, – потешаясь над моей всегдашней наивностью, которая так и норовила «выпрыгнуть» из моего распахнутого в изумлении рта, вновь заговорила она, приводя меня всё больше и больше в состояние немого восхищения от её познаний.

И тут же продолжила:

- Понимаешь, Барашкин, в твоём далёком и красивом мире, многие вещи для жителей планеты остаются в скрытом виде... Но потенциал планеты способен для людей стать творческой мастерской в овладении тайнами мироздания. Универсум велик и до конца непознаваем, он хранит в себе невидимые возможности новых и новых реальностей. Ты, - один из тех, кто способен рассказать людям о чуде настоящего взлёта к вершинам общего процветания.

- Но, Застра, разве мне... разве одному человеку под силу повлиять на судьбы целой планеты? - недоумевая, осторожно задал я вопрос.

Мы опять сидели на широченном листе папорта и слегка покачивались под струями тёплых дуновений эльфов-ветрогонов. В крохотных «пряничных» домиках светлозарцев едва хватило бы места для одной из моих частей тела, а тем более для меня самого со всем весом, высотой, шириной и длиной... Поэтому мне всегда приходилось общаться в полный рост либо на широких папортовых «спинах», либо в уютных расщелинах «плотных» вибраций скал, либо прямо на воздушных скоплениях так называемых нижних облаков Светлозарии (ведь земли в нашем понимании здесь просто не существовало).

- Успокойся, Барашкин, у каждого из нас своя работа и «отдуваться» за всех никому не придётся. Просто тебе нужно сосредоточиться на той задаче, что ты согласился выполнять, помогая нам и всему Универсуму...

Мой волшебный «сеанс» со Светлозарией прервался так же внезапно, как и начался...

Я полулежал на кожаном белом диване в каком-то помещении, зашторенном тяжёлыми порттьерами, освещивающими таинственной белизной луны, которая безраздельно и властно царила в просторах московской ночи.

Оглядевшись, я заметил и внушительных размеров дубовый письменный стол посреди комнаты, и матово поблёскивающие высокие элегантные шкафы с книгами, и уютно раскинувшиеся под ногами ковры с каким-то замысловатым восточным узором во весь пол,

и, наконец, старинные напольные часы с маятником, одиноко стоящие наподобие трюмо у самой двери...

Как раз в тот момент, когда я пристально всматривался в незнакомое мне помещение, они мерно и шумно пропели своим музыкальным нутром ровно три раза. Их звучное эхо «ознаменовало» середину ночи, наступившей вслед за днём освобождения мною из «цепких лап» местных бандитов высокопоставленного чиновника Игоря Самуиловича Плешака и его маленькой славной дочурки, которую в начале конфликта он успел толкнуть в ближайший подъезд...

СПАСИТЕЛЬ

Глава 21

- Зови меня просто Игорь! - говорил мне спасённый мной «гражданин», улыбаясь восторженной улыбкой человека, которому объявили о том, что у него появилась новая возможность начать жизнь с белой страницы...

- До сих пор не пойму, откуда тебя взял Господь на мою бедную голову, - продолжал, подшучивая над собой, Игорь, глядя во все глаза на меня, своего новообретённого «спасителя». – Ты и с виду-то особо на супермена не тянешь, а вот смотри ж, как легко разобрался с местной шантрапой...

40

Я улыбнулся в ответ, но деликатно промолчал, поскольку Светломудр своим баском, помнится, неоднократно говаривал мне: «Скромность и умеренная скрытность – два ключа к настоящим сокровищам мага».

Игорь стоял с двумя рюмочками коньяка в руках, предварительно налитых им из красивой пузатой бутылки на манер средневековых алхимических реторт.

- Значится, отметим сейчас чудесное избавление Игоря Самуиловича Плешака из рук бандитского отребья могучим провидением в лице, как там тебя по батюшке, Барашкин?.. - обернулся ко мне спасённый.

- Да, Иваныч, - буркнул я, смущаясь больше от того, что придётся сейчас, нарушая гостеприимство момента, отказываться от «выпивона», который вызывал у меня после всех волшебных превращений в Светлозарии исключительно рвотный резонанс.

- Вот та-а-к, - неутомимый Игорь Самуилович бодро протянул мне «предательскую» рюмку и подмигнул большим коричневым глазом.

- Гм! - неопределённо пробурчал я опять.

- Ты чего, родной! Ваня! - удивлённо взирал на меня Плешак, вновь недвусмысленно указывая подбородком на «безапельляционно» поблёскивающую жидкость, которая тоже, по всей видимости, не собиралась возвращаться на «родину», в пузатую бутыль.

- Ну, за спасение... Барашкин, ну... Ведь положено, сам понимаешь, такое дело обмыть! А?
- заботливый хозяин изо всех сил гипнотизировал меня и рюмку, неминуемо сводя к логическому тандему всю щекотливость ситуации.

Наконец, тысячелетняя традиция русского застолья взяла верх над одиноким провинциальным «супергероем» и я... наклюкался. Теперь же сидя на диване в «приёмной» государственного деятеля, я глупо улыбался с пониманием к своим простым человеческим слабостям, которые, несмотря на теперешнюю мою подготовку и оснащённость разными премудростями мира, легко и убедительно заявили о себе в самый подходящий момент...

Я вспомнил, как охнул первый нападавший и неуклюже завалился на второго, третий, недоумевая ещё в большей степени, чем первые два, загребая пудовыми «лапищами» и не находя опоры, мигом очутился на земле вместе с остальными. Яростно замахавший руками четвёртый, случайно зацепив пятого, спиной придавил шестого и «весёлая» компания закувыркалась по близлежащим кустам. Вся бандитская рать, снова предпринимая попытку хоть как-то реабилитировать себя и наказать подросевшую подмогу «интеллигента», опять оказалась в почти безнадёжном состоянии, совсем не разумея, почему руки и ноги их никак не собираются гармонично и слаженно работать вместе с телом, а всё норовят сплестись в каких-то неестественных и непослушных положениях...

41

Наконец в ход пошли колюще-режущие инструменты, к сожалению для нападавших не принёсшие нужного победительного эффекта, а с тем же несокрушимым постоянством причинявшие максимальное неудобство собственным хозяевам, какое чуть ранее доставили им самим их руки и ноги.

Мы под проливной руганью бывших атакующих резво выбежали на автостраду, где у «спасённого» и его дочурки, за которой мы предварительно забежали в подъезд, было припарковано чёрного цвета BMW, причём один из подросевших к нам бандюг собственноручно получил внушительную оплеуху от самого потерпевшего и полетел на тротуар, чтобы не подняться... И мы, в скором времени, уже вырулили по направлению одного из спальных районов столицы.

Игорь Самуилович завёз дочь домой, оставив её под опекой жены и личной охраны, а сам, со мной и водителем-телохранителем, пересел на другую машину, полагавшуюся ему по должности.

«Мерседес» плавно влился в поток бесконечных машин московских автолюбителей...

Мы же, тем временем, с Игорем Самуиловичем Плешаком, как вскоре выяснилось, занимавшем серьёзную должность в московском правительстве, владельцем нескольких успешных «бизнесов» и порядочным, всеми уважаемым отцом семейства, мирно и неспешно принялись беседовать на обычные темы между «спасителем» и «спасённым».

Глава 22

- А знаешь, ты реально был прав, когда говорил о моём маньяке, братик, – сощурившись на Кузявина, отчётливо произнёс Виктор Соловей.

- О каком маньяке, Витёк? Как говорил? - Козьма с интересом взглянул на друга детства.

Соловей промолчал и только скупно пожевал скулами.

- Совсем он замучил меня, Козьма... Непредсказуемый он, понимаешь? Скользкий, уёртливый какой-то... Неудобный, мать его... – После этой фразы Соловья они посидели молча.

- Странный ты, Витёк... Ты что, хотел бы, чтоб он сам взял и пришёл да чистосердечно всё рассказал тебе? - Козьма испытующе посмотрел на товарища так, как будто увидел его в первый раз. – Ты ж «следак» с именем, Витя... А не какой-то там молокосос, прости Господи. Наверно, лучше меня осознаёшь на какого «окуня» тебя выводит судьба... Значит, созрел, брат. Значит, имеешь полное право на красивую, лебединую комбинацию... - Кузявин улыбнулся и повернул бритый череп к официантке, как раз сейчас подносившей им две леденистые кружки жигулёвской «тройки».

- Лебединую?... Ты, что списать меня хочешь, пенсию накаркать? Я ещё повоюю, брат, ещё покажу класс, ещё ни один «мокрык» раскатаю на зависть любому сыскарю, попомни мои слова! - Соловей не на шутку разошёлся, в запале даже не заметил, как замахнул целую кружку морозной пенистой влаги... Крякнув, он, наконец-то, расслабился и блаженно вытянув ноги, подмигнул Козьме.

Они сидели на дебаркадере речного ресторана в районе Бережковской набережной и утренняя прохлада водного пространства приятно освежала лицо, бережно вздыхая редкие волосы на голове Соловья, мягким прикосновением тут же переходя к гладкой поверхности головы его лучшего друга. Солнце искусно серебрило мелкие барашки волн, в неге речных чувств пульсирующих возле боков дебаркадера и каким-то неведомым образом тут же передавала эту нежность и эту текучесть людям на борту плавающего ресторана «Викинг».

- Ну, посуди сам: всё время в разных местах – раз, - загибал пальцы «сыскарь», - знание подробностей жизни жертв, их занятия, пристрастия, окружение – два, наконец, безупречная и чистая работа и уход с места преступления – три... Как будто человек всю жизнь тренировался для таких дел. Ещё эта его манера театр из всего «выкаблучивать»... мать его за ногу... – Соловей ещё раз пожевал скулами и плюнул в «барашки» волн.

- Да, не театр это, Витёк. Сколько раз говорить... Прекрасное владение техникой ритуалов древности вкупе с пониманием тонкостей мировоззрения мировой «танатологии». - Сухо, но ёмко отпартовал Кузявин.

- Мировой чего? - покосился Соловей на друга.

- Та-на-то-ло-гии – науки о смерти... Читать надо больше для развития, - пожурил «Витька» приятель, и тут же добавил – если такое дело, советую посидеть в библиотеке недельку-другую: исследовать вопрос, так сказать, вплотную...

- Да, некогда мне! - отмахнулся Соловей, - работы невпроворот.

Друзья помолчали.

- И зачем это ему? - покачал головой Виктор Михайлович Соловей и тяжело вздохнул.

Кузявин расхохотался.

- Ничего странного в том, что он делает это, гораздо сложнее понять: зачем он этих бедных тёток так обхаживает... Судя по всему он тратит на них целые состояния! - воскликнул тут же Козьма.

Соловей внимательно посмотрел на друга:

- Ишь какой въедливый выискался, понять он не может... И понимать тут нечего, - извращенец и маньяк за свои деньги ищет острых и опасных ощущений, вот... И понимать нечего!

Кузявин опять захохотал:

- Вот видишь как легко до всего сам и дошёл. Молодец!

Виктор Михайлович коротко мотнул головой и подозвал официантку.

Глава 23

Я точно понимал, что «заказ» на мужа Наташи – дело нескольких дней и «заказчики» «ничтоже не сумняшеся» обязательно доведут дело до конца не со мной, как исполнителем, так с кем-нибудь из таких же «профи», что и я, их покорный слуга.

Возникшее «недоразумение» исправить можно было лишь одним способом: запрягать «мишень» со всей семьёй куда подальше и «рвать когти».

По кодексу самурая я не имел никакого права ослушаться приказа, но по-человечески, я, как никто другой, был просто обязан спасти и Наташу, и её мужа, и её детей, и ... себя.

У меня не было ни плана «Б», ни разумного выхода из сложившейся ситуации, в общем, никакой возможности решить сразу несколько задач в логике человеческого мышления. Я чувствовал, что наверняка существует сверхординарный «ход конём», который расставит все точки над «i» совершенно гениальным образом. И мне необходимо было распутать этот «гордиев узел» в одиночку.

Если бы я только был один... Один!!! Законспирироваться под кого угодно и «раствориться» в мировых пространствах было бы делом нескольких дней для меня. А тут...

«Где найти вариант?..» - вопрошал мой воспалённый и осатаневший от перенапряжения мозг.

Я должен найти этот чёртов, гениальный дзен-ход!

Ещё во время обучения суровым практикам в далёкой Японии, мне казалось по плечу всё самое невероятное: справиться с тысячью воинов, стать лучшим фехтовальщиком мировой элиты убийц, наконец, просто «свернуть горы» и переплыть океан, - я мог бы даже не задумываясь о последствиях, - но здесь...

Со мной произошло нечто вроде короткого замыкания, что-то граничащее с тупиком всего смысла бытия, всего мироздания...

Однако, справедливости ради, надо отметить, что каждую секунду меня сопровождала какая-то сверхъестественная непоколебимая уверенность в обязательной благополучной развязке.

В голове я строил самые замысловатые комбинации спасения семьи Наташи и самого себя...

Но в реальности... В реальности рассчитывать было не на что. «Эти люди» умели находить других, нужных им людей, и «развязывать» любые, самые неразговорчивые языки, а также поворачивать события в свою пользу.

44

Правда, на этот раз, кость в их горле называлась моим именем, а это, поверьте, совсем другая игра.

Я хорошо понимал, какими примерно путями будут развиваться «навороченные» жизнью и судьбой обстоятельства, но совсем туманно представлял себе конечный исход...

Главными для меня в этот момент, конечно, были благополучие и жизнь Наташи и трёх её детей, хотя, и безопасность её мужа тоже лежала на моей совести.

Я походил на льва в клетке, которому на ужин предложили его собственных родственников, и при этом приставили к заправке ракету с атомным боезарядом.

«Неужели это всё, всё?» - думал я.- «Неужели это будет мой самый последний, самый окончательный бой?» - думал я и не хотел верить, что жизнь и счастье с Наташей навсегда потеряны для меня. - «Я ведь слишком хорош для такого конца!»

Вот проехала машина. Пропрыгал весёлый вихрастый воробей. А я стоял на обочине шоссе и смотрел в небо, на бесконечно летящие махровые белые облака и впервые в жизни обливался мокрым и скользким трусливым потом...

Даже в специальных медитациях на свою собственную смерть мне никогда и в голову не могла придти мысль о сожалении, это ужасающе острое чувство потери...

Обрушившаяся на меня стена неизбежности, казалось, будет давить до тех пор, пока я действительно не истеку кровью и не умру.

Представить хоть на миг остановку этого прекрасного сна, где Наташа и её дети делят со мной «стол» и «кров» было просто невыносимо...

Я не знал куда бежать и что делать, но я знал одно: проиграть нельзя!!!

Глава 24

- Наташа, знакомься, мой спаситель и очень хороший человек! - весело говорил Игорь Самуилович Плешак, показывая меня своей жене как какой-нибудь редкий экспонат.

- Очень, очень приятно! - сказала Наташа и протянула мне узкую красивую руку. – Вы дали нам шанс оставаться счастливой и полноценной семьёй, как прежде... - Наташа вдруг обмякла и зарыдала в голос...

Я неловко стоял напротив неё и не знал, как реагировать на этот естественный и сильный эмоциональный взрыв. Я понимал всю напряжённую работу чувств женщины, видел, с какой мужественной простотой она принимала эту жизненную передрыгу, хотя была здесь, как мне показалось, и ещё одна деталь её состояния, её переживаний...

45

Светломудр всегда учил меня видеть прежде всего то, что человек пытается скрыть на фоне обстоятельств судьбы, в которых ему приходится находиться, а не то, что лежит на поверхности его внешних проявлений. И в данный момент, видимо, то, что Наташа усиленно и ловко скрывала, - было в разы сильнее её «написанных» на лице эмоций и чувств.

Она взглянула на мужа, опять на меня и, улыбнувшись сквозь слёзы, потёрла кулачками, как совсем маленькая девочка, припухшие и покрасневшие веки...

- Простите, слишком много всего за последнее время свалилось на нашу семью... - сказала женщина виновато, обращаясь ко мне, обуреваемому сочетанием довольно сложных и противоречивых чувств.

Я улыбнулся и понимающе кивнул:

- Ничего, ничего... У вас обязательно всё будет хорошо, я точно знаю, Наташа!

Муж ласково взял её за плечи и, попросив у меня подождать пять минут, повёл Наташу в комнату к детям.

Игорь Плешак с раннего возраста отличался какой-то повышенной сосредоточенностью что ли, каким-то не по-детски серьёзным отношением ко всему происходящему... Он рос увлечённым и способным к разнообразным творческим занятиям мальчиком. Лепил, рисовал, много читал и много просиживал на широком удобном подоконнике, где часто

заставала его мать, приходя вечерами с работы. Жили они вдвоём да ещё кошка Анфиса, которая тоже любила, свернувшись урчащим клубком возле Игоря, лениво отслеживать передвижения людей и машин по главной улице с высоты пятого этажа.

Школу Игорь не особо жаловал... Основная страсть посещения этого «дисциплинарного учреждения» сводилась у него к просиживанию после уроков за библиотечными экземплярами Виктора Гюго, Вальтера Скотта, Жюль Верна, Эдгара По, Артура Конан-Дойля и других замечательных авторов мировой классики. Их владение словом, буйная и, вместе с тем, глубоко, красиво, ярко проявляющаяся фантазия, многочисленные миры, мастерски создаваемых историй, а также любовь к исследованию человеческой души завораживали мальчика и трепетно откликались в его сердце, открытом безмерному любопытству к жизни и людям.

В его юношеском сознании будущая жизнь напрямую связывалась именно с такими драматичными, волнующими, неординарными событиями, всегда только с подобными обстоятельствами поиска смысла бытия, исключительно с такого рода высокими помыслами, неистребимым желанием открытия новых реальностей, служения чему-то за пределами «серой» обыденности обычных обывателей, - чему-то, что всегда самым таинственным и беспощадным образом влекло Игоря к себе.

Это влечение помогало ему выживать и побеждать свои страхи, свою неуверенность в собственных силах и под пулями моджахедов после «учебки» ВДВ, и в афганском плену под неусыпным надзором боевиков.

46

Оно помогло и в периоды невыносимого отчаяния от потери матери, когда его освобождённого и счастливого после одиннадцати месяцев измора и мусульманской религиозной пропаганды, вдруг поставили перед фактом полного одиночества...

ЭРА ПРОЗРЕНИЯ

Глава 25

Вот и начался непростой путь наверх, к большим свершениям, Игоря Самуиловича Плешака со времени учёбы в МАРХИ, который он окончил, как архитектор-градостроитель в середине 80-х, и где познакомился со своей будущей женой Натальей Стрижак...

Неожиданная и судьбоносная встреча с неким строго засекреченным сообществом «правильных и важных персон» из категории владеющих «главными знаниями мира», и наконец, приглашение во властные государственные органы сделали из него вполне уважаемую и влиятельную, наряду с большими финансовыми возможностями, персону.

Несколько впечатляющих лет в серьёзной должности консультанта подразделения ООН в России по вопросам «стратегических разработок пространственного устойчивого развития» помогли ему обзавестись неплохими связями и открыть в последствии несколько собственных «бизнесов».

Благополучно рождались девочки: Светлана, Елизавета, а затем и младшая Соня, София – богиня мудрости и гармонии... Рос достаток семьи, реальность будущего процветания не вызвала сомнений. Казалось, и Наташа, и дочери всегда будут надёжным тылом постоянной душевной заботы, так необходимой в условиях бурной и напряжённой деятельности на поприще бизнеса и политической «шахматной игры».

Но было здесь и ещё одно обстоятельство, которое кардинально и бесповоротно определяло всю его внутреннюю духовную жизнь.

Дело в том, что уважаемый всеми государственный деятель и бизнесмен являлся абсолютным адептом своего собственного пристрастия: Игорь обожал углубляться во всевозможные аспекты философии жизни-и-смерти, постигал через искусство и ритуальные системы древности саму суть пребывания человека в мире, постигал, изучал и... помогал исключительно женщинам, очень красивым и богатым, в основном, женщинам, по-царски оставлять эту грешную, земную юдоль, обретая блаженство на верхних ступенях «небесной иерархии».

Таким образом, он частично отдавал «вечный» долг самой важной и главной Женщине в его жизни, - своей МАТЕРИ.

- Помни, послушник! - говаривал Досточтимый мастер. – Мысли твои – суть столпы мира твоего, либо вечной войны с самим собой. И да придут к тебе только те, что укрепляют тебя, делают устойчивым и верным твоему собственному пути.

47

Пройдя посвящение сразу в три градуса, Игорь Самуилович Плешак, почувствовал особую гордость в связи со своими глубоко затаёнными ещё с юности амбициями научиться управлять целым миром. И этот серьёзный и суперудачный шаг по жизни продвинул его сразу на несколько световых лет к желаемому могуществу.

Теперь он не только был дипломированным специалистом в своём деле, не только мужчиной, на долю которого выпало жёсткое и воистину редкое переживание в неравном бою не сдаться, а просто в забытии тяжёлого ранения попасть в нелёгкий плен, но и вернуться в жизнь, чтобы познавать её великие и чудесные истины...

Будучи поначалу типично советским человеком с типично роботизирующими убеждениями ему всё-таки удалось обрести верное направление и наподобие непотопляемого ледокола пробить себе дорогу к ценнейшей информации и к не менее уникальнейшим её носителям. Уважаемая и вызывающая в обществе противоречивые и, как правило, невежественные толки непросвещённого большинства организация, взяла его под своё крыло и за несколько месяцев упорной подготовки довела его до почётной мастерской степени.

Игорь Самуилович Плешак впервые за долгие годы ощутил себя живым и полноценно чувствующим мельчайшие проявления жизни существом. Он бегал, он занимался йогой, он проводил всё свободное время со своей семьёй, читал в подлиннике редчайшие источники человеческой мудрости, извлекая максимальную пользу и радость из каждодневного общения с разнообразно и многогранно талантливыми людьми...

Но самым потрясающим явлением в его такой интересной жизни было стремление и реализация глубокого и священного намерения придать статус «богинь» самым чутким, прекрасным и по-настоящему драгоценным существам Земли – женщинам...

Обеспечивая им «величественный» проход через смерть, он с максимальной почтительностью и пониманием сути этого божественного процесса, тщательно и благоговейно готовил их для вступления в чертог Великого Умиротворения на пантеоне Вечной Красоты.

Каким образом в первый раз озарило его мозг это сенсационное понимание собственной миссии «спасения» женщин, наверняка он не знал, но невероятно ясное ощущение своего призвания «проводящего душ» к источнику мироздания, - Богу,- этих несказанно роскошных богинь (которых выбирал он сам по велению сердца!), осознавал с первого момента своего рано повзрослевшего «я».

С неимоверным волнением готовился он к своему первому «боевому крещению». Выверял с тщательностью фанатичного учёного каждую деталь сконструированного по всем правилам «Египетской книги мёртвых» обряда подготовки души к великому путешествию в «Храм Небесного Осириса».

Постоянно проговаривая заклинания ритуала, мысленно проигрывая каждый шаг этого мистического процесса, он воодушевлённо молился и молился всем главным богам таинственного и грозного пантеона древнего Египта.

48

В его сознании абсолютно адекватно и полноценно царила картина предстоящей мистерии.

Она словно исполинский сказочный кит поворачивалась перед его внутренним взором всей своей великолепной определённости и своими нетривиальными подробностями. Она завораживала...

Она завораживала и магнетизировала, обольщала воображение и будоражила все чувства одновременно, будто симфония, - диковинными созвучиями сладострастия и точностью замысла.

Он ощущал себя и пламенно-бушующим многочисленной одарённостью Леонардо да Винчи, и титанически целеустремлённым и неудержимым в своей нечеловеческой гениальности Микеланджело Буонаротти, и чудовищно недостижимым в своей божественной окрылённости Моцартом над всеми творцами и созидателями... А то просто, магическим образом, вдруг, становился либо индусской священной троицей, либо единой и неопровержимой в своей вневременной экзистенции реальностью духа.

Ещё в плену среди издевательств и унижений, которым подвергается обычный пленный, он временами чувствовал некую чудодейственную эйфорию от всего происходящего вокруг него.

«Это» накатывало сразу, без каких-либо внутренних предпосылок и предощущений, пронзало невероятно энергетизирующим ознобом, добравшимся от макушки до самых пят, а потом благополучно растворялось, оставляя ни с чем не сравнимую лёгкость и спокойную уверенность в наилучшем исходе для всего... Для всего того, как он чувствовал, что могло случиться, что предстояло пережить, какой бы интенсивностью и болью оно ни грозило, и что всё равно, благодаря таким «встречам с запредельным» (он твёрдо знал!), - никогда бы не принесло сколько-нибудь значительного урона его душе.

Правда, ни предсказать, ни тем более овладеть или подчинить себе подобное пришествие чуда было невозможно...

И он порой катался, выл, вертелся по рыхлой и вонючей от бесчисленных молчаливо-едких слёз, кровавых подтёков, гноя и мочи земле в несправедливом бессилии от невозможности, хотя бы на маленькую чуточку, - вернуть его себе и раствориться в нём навсегда.

И теперь, вооружённый этой своей особенностью ещё со времён срочной службы, полевых выходов и плена, он со всей трепетностью и пониманием «небесного агента», заручался от высшей Благодати бесконечной поддержкой в осознании и переживании: Силы и Веры.

Выбранная для его первого «служения» молодая женщина была невероятно хороша и космически богоподобна.

Она горделиво и грациозно возникла на горизонте его внимания и, будучи женой такого же, как Игорь Самуилович, высокопоставленного чиновника, казалась почти недостижимым объектом разработанного мероприятия.

Но Игорь, (слава Богу!), непоколебимо уверовавший в собственную избранность и познавший на опыте утончённое и властное присутствие Вершащего Перста в своей жизни, чётко и продуманно, тщательно и скрупулёзно двигаясь к цели, решил эту не совсем простую задачу...

И сейчас перед ним простиралось Её нагое и соблазнительно дивное тело, перед обладанием которым ни устоял бы и сам Господь Бог. Только вот для исполнения задуманного Игорю вовсе не требовалась ни эта невероятная возможность, ни тем более глупый инстинкт размножения, который, надо сказать, даже в этой благочестивой ситуации всё же давал о себе знать...

Но Игорь и не думал отвлекаться на «пустяки» ввиду предстоящего грандиозного замысла, к которому судьба готовила его все 45 лет такой неординарной и насыщенной жизни.

Избранница превращения в «божество» и приобщения к «Ладье Миллионов Лет» выглядела на своём царственном ложе слегка испуганной и совсем не слегка напичканной алпразоломом (транквилизатором, на непродолжительное время снимающим тревожность и панические атаки).

Игорь Самуилович чувствовал себя в этой непростой ситуации неким кормчим, которому предстояло доставить к трону самого Осириса новоиспечённую душу будущей «бессмертной богини».

Свечи, расставленные по всему периметру спальни, выразительно дополняли роскошную обстановку предстоящего погребения-перехода души молодой женщины в состояние вечной свободы и счастья. Золотая диадема, венчавшая волосы королевы ритуала, мерцала магическим блеском и знаковой мощью потусторонней наполненности. Всё внутри «жреца-посланника» Высших Сил трепетало эмоциональными потоками эйфории, блаженства и чувством запредельного восхищения от своего служения, своей реализующейся здесь и сейчас миссии...

Глава 26

- Застра! - Со всех ног бросился я к своей волшебнице, к своей закадычной подруге... Она удивлённо вскинула крохотные свои бровки, а в глазах отразилась весёлая искорка неподдельной радости.

- А-а-а... Барашкин, какой ты стал молодец! Я тебя просто не узнаю! - Затараторила Застра певуче-мелодичным голосом на манер какой-нибудь удивительной и нежной флейты, которая вдруг заговорила по-человечески.

50

Я слегка покраснел и заулыбался, не в силах сдержать накативших на меня одновременно волн смущения, восторга и трепета от её светоносных глазок и сияющей всеми обертонами душевного тепла улыбки.

- Слушай, Застра! Ну, просто наваждение какое-то... Понимаешь у меня тут событий на единицу времени столько, что я, хвала вселенной, только и успеваю нырять то в одно, то в другое в режиме аврала!... - скороговоркой выдохнул я и ещё больше смутился от своего собственного порыва. — Правда, мне, конечно же, всё равно стыдно за то, что я, как последний негодник, так и не удосужился до сего момента посетить Вас, тебя и Светломудра... Вас и Вашу замечательнейшую страну Светлозарию...

Я смотрел на Застру во все глаза и понимал какое чудо случилось со мной в этой жизни, подарившей ни с чем не сравнимую возможность босяку из российской «глубинки» войти в сферы редчайших тайн и секретов нашего божественного Универсума. С замирающим от ужаса сердцем я осознавал свою неизмеримую удачу в сравнении с миллионами и миллионами людей, столбenea от одной только мысли, что и эти фантастически-реальные сны и это лицо феи-ведуньи приснились бы кому-нибудь другому... А я так никогда и не узнал бы о существовании волшебного измерения квантовой реальности, вошедшей в мою жизнь так просто и свободно, как в другие тысячи жизней входит обычная дребедень дней и бессмыслица повторяющихся событий и состояний.

- Мне нужно обязательно увидеть Светломудра! - вдруг вскричал я, вспоминая какое трудное дело занимало меня последние недели, и как же страшно было очутиться вдруг лицом к лицу с настоящей правдой жизни в игре политических страстей и людских своекорыстных интриг...

- Это невозможно!.. - ласково отстранила меня Застра. – У Светломудра сейчас безумно мало времени на встречи... Но поверь мне... - Тут же спохватилась она. - Он очень хотел видеть тебя, и как только его миссия в одном из самых древних измерений, где Светломудр вынужден пребывать так долго, подойдёт к концу, вот тогда он и сможет вернуться обратно, тогда-то ты и получишь шанс вновь увидеться и поговорить с ним. - Застра как всегда прыснула своим неповторимым смешком и подмигнула мне так мило и дружелюбно, что я «растаял» наподобие снеговика в жаркий полдень всеми своими чувствами и... проснулся.

Луна плавно влиwała звёздное молоко в приоткрытое окно моей спальни... Игорь выделил мне специальное место для жизни, целую однокомнатную уютную квартиру за несколько кварталов от своего пентхауса. Теперь у меня была и счастливая возможность самостоятельного проживания, и в любой необходимый момент я мог без суеты и быстро оказаться рядом со своим другом и благодетелем Игорем Самуиловичем Плешаком.

Наступающая осень подкрадывалась незаметно, и августовская прохлада была мягка и ненавязчива. Как уютно нежиться в постели и ощущать приятную истому ночи под ласковым байковым одеялом...

Крик раздался неожиданно и пронзительным всполохом резанул предрассветную тишину московских улиц спального района Чертаново...

Я собрался мгновенно, мгновенно впрыгнул в «адидасовские» кроссовки и завязал шнурки практически одним махом, мгновенно очутился на крыльце подъезда и прислушался... Где-то недалеко справа раздалось зловещее шуршание веток кустарника и приглушённые всхлипы вперемежку с чьими-то злобными и придыхающе-хриплыми матерящимися мужскими голосами.

Видно на роду мне было написано, приехав в Москву, начать карьеру какого-то почти мифического «спасителя» всех притесняемых и попавших в переделку...

Мужчины «грозной» наружности и с «экзотическими» запахами изо рта пытались совладать с брыкающейся особой в очень короткой юбке и с весьма загорелым юным телом, даже в кустах заметной своей броской и экстраординарной привлекательностью. Она, по-видимому, совсем отчаялась и только слабо повизгивала, а «мужичё» под парами властного алкоголя и безжалостного инстинкта хищника-самца, совсем уже рьяно продиралось к её женским прелестям...

Честное слово, я никогда не задумывался над тем, как иногда несправедливо и похабно ведёт себя с женской половиной человечества наше мужское население. Но здесь со всей очевидностью господствовало кошунственное пренебрежение к материнскому началу этой глупенькой юной жертвы ночной разборки вдалеке от центра столицы нашей Родины.

Светломудр предостерегал меня во время всех тренировок и занятий об обязательном снисхождении к тем, кто по глупости сам ставил себя под удар, находясь на «линии движения смертоносных навыков подлинного воина», но тут...

- Ты... - хрюкнул мне в лицо от удара по печени один. - Кто? - уже размазалось по асфальту недостигшее адресата слово.

Блеснул нож в ненужном для моего обострённого чутья тусклом свете уличного фонаря, по траектории безопасной для моей моментальной реакции дёрнулся кулак с металлической дужкой кастета...

Я ни в коем случае не злился, даже не почувствовал удовлетворения от своей ловкости на фоне смешных попыток противостоять моей импульсно-волновой защите. Я просто сделал «работу» и жёстко уgomонил агрессоров, на всю оставшуюся жизнь отбив им внутренности и желание хоть как-то вредить самым прекрасным, самым изысканным существам всех миров великого Универсума.

Звонко плюхнула пощёчина в мою скуластую щёку, и разрывающаяся от страха девушка прильнула ко мне, одновременно дубася по моим плечам и груди своими миниатюрными кулачками.

- Зачем, зачем? - всхлипывала она, постепенно успокаиваясь и приходя в себя от пережитого ужаса нападения. — Зачем ты избил этих мерзавцев, зачем?.. Им же, придуркам, всё равно не понять, отчего теперь они будут страдать и мучиться всю жизнь... - Она шумно перевела дух. — Тем более, если честно... я сама хотела навалить этим садистам по полной программе... - В изнеможении произнесла она эти слова, затем подошла к одному из валявшихся лицом вниз «ковбоев», из последних сил лягнула его в живот, и, наконец, шатнувшись, как от толчка... рухнула рядом.

КАТАСТРОФА ВОЗМОЖНА,

Глава 27

- Великий Ужас поднимается из бездны времён, - тяжело переводя взгляд с одного жителя Светлозари на другого, выдавливал из себя жуткие слова в драконьем устрашающем обличье Светломудр. - Я вернулся оттуда, где нет и не может быть никакого иного толкования происходящего, кроме как того, что вы все уже слышали...

Я осторожно окинул взглядом стоящих в понуром ожидании дальнейшего милых и добрых существ Светлозари. Мне было невероятно больно сознавать, что все жители этой замечательной волшебной страны первыми подвергались такой огромной смертельной опасности.

Находившаяся тут же недалеко Застра, молча перелетала с растения на растение и внимательно следила за реакцией своих маленьких подопечных. И хотя она сама была

абсолютно беспомощна, а также исключительно невелика для какого бы то ни было сопротивления тёмной громаде Заоблачья, её боевой дух был на недосыгаемой высоте и поддерживал всех и каждого в эту труднейшую для Светлозарии минуту.

- Мои любезные и дорогие сердцу собраты! - продолжал дракон-Светломудр. – В кои-то веки наш мировой оплот Добра и вселенской Дружбы – Светлозария подвергается столь смертельной опасности. Но мы обязательно должны помнить о той главной правде всех миров Универсума, что только в единстве и сплочении заключается и смысл и красота нашего с вами совместного существования. Все окружающие нас пространства сопряжённых и сопредельных королевств готовы к отпору агрессорам, чьи несметные полчища угрожают всеобщему равновесию и самому выживанию всей многослойной иерархии живущих во всех мирах.

Светломудр величаво и медленно обводил взглядом своих многотерпеливых и трогательно молчащих сограждан. Он чувствовал непередаваемо острую тоску от сознания действительно нависшей угрозы. Недавно вернувшись из непростого путешествия к мирам тёмных сил Заоблачья, он вспоминал гнетущее ощущение от подавляющего зрелища могучего перемещения вражьих полчищ.

- Мы давно предупреждали тебя, Светломудр! - угрожающе надвигался на него всеми сочленениями необъятных форм неуязвимый дух тьмы – Моргий. – Мы были снисходительны и внимательны к твоим досточтимым интересам, Волшебник! - грохотал могучий Правитель Заоблачья. – Вспомни, Светломудр! Мы давно предупреждали тебя!.. Так прими же непоправимую участь и отдай нам Врата проникновения к верхним слоям Универсума!

- Я слышу тебя могучий дух! Я внимаю тебе, тёмный Моргий – вестник разрушения и ненависти! Но Врата проникновения никогда, никогда, ты слышишь, никогда не пройдут твои силы!

Сейчас многомудрый Дракон обводил своих жителей очами сострадания, втайне надеясь на помощь верхних царств Запределья. Но они молчали...

Застра опустилась рядом с его правой мощной лапой и что-то быстро прошептала в наклонённое к ней огромное ухо Светломудра-дракона.

Я по-прежнему затаённо и тихо присутствовал на этом невероятном и ни на что не похожем событии, абсолютно не зная, что подумать или как быть полезным, здесь, в таком любимом и дорогом моей душе месте – прекрасной, как дыхание младенца и хрупкой, как крылья ангела – Светлозарии.

Вскоре жители волшебной страны разошлись в смущении и беспомощном неведении дальнейшей своей участи, а передо мной вновь возник знакомый и непередаваемо величественный мой наставник – Светломудр в своём привычном для меня образе...

Застра мгновенно куда-то упорхнула по поручению своего правителя, и мы остались наедине с этим удивительным и цельным, как глыба, мудрецом.

- Я не сказал им всей правды, Ваня! - Светломудр поморщился, как от кислой пилюли, которые иногда ему приходилось принимать ради здоровья и защиты от всевозможных атак непримиримых и враждебных микрочастиц хаоса. – Видишь ли, ученик. Я многое повидал на свете и могу с большой уверенностью констатировать, что если уж дело дошло до открытого противостояния с Моргием и его войском, - катастрофа может стать очевидной и неизбежной правдой. А это значит, что главный защитник нашей Светлозарии и миротворец среди сил Универсума может быть только один... только один воин, Ваньша.

- Да, кто же этот священный рыцарь, Учитель! - страстно вскричал я.

- Не томите... Откройте сокровенную правду!.. И я приложу все свои силы, чтобы разыскать его для вас, Учитель... - опять в пароксизме чувств, в избытке исступления возопил я.

- Верьте мне, я готов из-за самого Запределья достать его в эту великую для всех нас минуту!.. - Я просто разрывался от неистового желания помочь всему миру... Казалось, пар валил из ушей и молнии метал грозный мой взор.

Светломудр благостно и кротко всматривался в мои пылающие отвагой зрачки.

- Это ты, Ваня! - только и сумели произнести с тихой улыбкой его праведные уста.

54

Глава 28

- Я, значит, и говорю: ну, что ты, ханурик, прицепился, я девочка не про тебя! Ищи себе дурочку в другом месте... А тут, как назло, все мои подруги куда-то рассосались... Я думаю,- хана тебе, Викуля, ушёл твой поезд... Ну, мол, вот и приплыли мы с тобой, девочка, в дамки... А этот гад, сволочь, то есть эта, зырок своих с меня никак не спускает... Тут его кто-то окликнул: я и обрадовалась... Рванула с танцпола, из бара – пулей! Выбежала почти на дорогу ловить машину, а там пусто, как на кладбище. Ну, реально, полная ж..., непруха так непруха... Я туда, сюда, - ничего... Думаю, может, мои девки уже обратно подкатали... Может, повезёт... Вот бы, а?!.. А около бара тоже никого, как назло... Вдруг харя эта, и ещё с ним двое, навстречу... Я бежать, а на каблуках ведь далеко не убежишь!.. Вот и влетела я прямо в их вонючие лапищи... Они меня в машину втокнули, ну и по газам... Я, правда, си-и-льно царапаться и кусаться умею!.. В общем, не довезли они меня, куда хотели... Вытащили за волосы, на обочину, в кусты какие-то потащили... А тут ты... Представляешь, чё было б, если б не ты, роднуля...

Девушку нещадно сотрясли конвульсии неимоверно мощного стресса... Яркие накрашенные и «потёкшие» глаза бешено металась по невообразимым траекториям, дыхание её напоминало бешенство морского прибоя в бурю, а руки цеплялись за мои, ища поддержки, и

сжимали с такой неистовой силой, что оставляли после себя довольно ощутимые болезненные следы...

Мы, между тем, двигались по направлению к моему месту проживания, и я осторожно, стараясь не переусердствовать, держал её под руку и улыбался одобряющей улыбкой человека, который очень хорошо понимает суть и последствия подобных передраг, и с большим сочувствием относится к состоянию девушки, совсем недавно буквально вытащенной из водоворота смертельной опасности.

Мы вошли внутрь моей квартиры, и я помог спасённой снять обувь и лёгкую накидку-пончо из хлопка. Потом разулся и, осторожно подхватив под локоть свою новую знакомую, провёл её до дивана в гостиную. Девушка внимательно осматривала мою довольно симпатичную уютную комнату, стильно обставленную немногочисленной мебелью «под орех»: диван и два вместительных югославских кресла; а я, в свою очередь, незаметно оглядывая свою гостью, пытался понять насколько сильно «покалечено» её тело...

Видимо, удовлетворённая осмотром, моя юная посетительница, удобно устроилась в кресле, стоявшем ближе к окну, и вопросительно взглянула в мою сторону.

Я смутился, встал и сказал, что схожу на кухню поставить чайник, если она не возражает. Она не возражала. С половины пути в кухню, я вернулся и предложил ей пройти в ванную, чтобы привести в порядок изрядно подпорченную случившимся с ней кошмаром внешность, а то и принять душ. Посмотрев на меня пару мгновений и как бы решив, что в данной ситуации я совершенно неопасен, она устало кивнула и молча, с печально-величественным выражением на лице поплелась делать свои дела.

Чайник закипел быстро, обильно «вспотев» крупными каплями горячей воды, покотившимися по его пузатым бокам. Я заварил свежий чай, достал блюдце с голубой по краю каёмкой, аккуратно выложил на него фигурное сахарное печенье, после чего остановился в нерешительности. Прислушался к оживлённому шуму воды в ванной и весёлому пению, так явно демонстрировавшему улучшение настроения моей гостью... Она пела приятным контральто, наполняя мою одинокую доселе жизнь новыми и радостными надеждами.

Наконец, шум воды и вокал моей гостью одновременно прервались, и я почувствовал некоторую досаду по поводу общей кратковременности на этой земле всего по-настоящему красивого и хорошего.

Через некоторое время в дверях кухни возникло подлинное чудо природы: густая копна великолепных иссиня-чёрных волос, удивительно миловидное личико с правильными, почти греческими чертами, и полностью закутанное в длинное оранжевое махровое полотенце изящное юное тело подлинной богини этого мира. Моя челюсть, отвисшая, казалось, до самого пола, создавала яркий контраст по отношению к всклокоченным волосам и горящим от восторга глазам, так что девушка спустя мгновение буквально покатила со смеху на мой узорчатый, с птицами и драконами, большой шерстяной ковёр.

- Ты просто маугли какой-то! - вскричала она, перекатываясь с боку на бок и хлопая себя по бокам, продолжая хохотать, как сумасшедшая, отчего и её спаситель, то есть я, тоже, сначала чуть смущаясь и еле сдерживаясь, а потом уже безудержно и в унисон со своей новой знакомой, принялся издавать самый разудалый, весёлый и что ни на есть «разгульный» утробный гогот.

Глава 29

«Итак», - думал я под шум дождя и лёгкие посапывания во сне мною спасённой Вики, которую я оставил ночевать у себя, дабы ни в коем случае не подвергнуть её повторению любой похожей ситуации с угрозой для жизни или чести девушки...

Я сидел на кухне, смотрел в окно, по чуть запотевшему стеклу которого хлестали крупные капли, и продолжал сосредоточенно думать над колоссальной дилеммой, что торчала теперь у меня в голове после эпизода с девушкой единственной и страшной в своей громадности и неожиданности реальностью.

«То, что поведал Светломудр, - продолжал я мысленный диалог с самим собой, - бесполезно обдумывать как философскую конструкцию: это всё равно ничего не даст. Ведь не даст? Нет, не даст... Нужно просто делать то, что он попросил. Просто делать... Делать, и всё. Так. Так. Так. Так...»

56

Я встал и походил по кухне. Сел. Опять встал. Всё это казалось каким-то абсурдным неправдоподобным сном. Сном во сне. Кошмаром посреди какого-то неумолимого разгула стихий.

«Но Светломудр ведь наверняка располагает какими-нибудь особыми средствами, тайными технологиями что ли, способными решать подобные вопросы на раз-два. А? А?! Так почему же он вместо этого сфокусировал меня лишь на этой, обычной действительности, в которой я уже находился до встречи с ним... И не дал более никаких распоряжений, указаний? Не раскрыл ни своих планов, ни того, как смотрят на происходящее другие измерения...»

Я колебался и мучился таким потоком волнения и напряжения, каким разве что можно было похвастаться огромной электростанции, по мощности способной осветить целый город или, допустим, несколько городов сразу. Но у такой воображаемой электростанции была, по крайней мере, возможность направлять эту силищу в полезную работу, а у меня, кроме бегания по кухне и заламывания рук, никакого другого выхода вообще не предвиделось.

Дождь на улице, как назло, всё крепчал и крепчал, деревья податливо гнулись под напором свирепствующей непогоды, а моя «каша в голове» тем временем булькала и взрывалась так, что «катавасия» за окном казалась лишь жалким дополнением к моему внутреннему «девятому валу»...

«Ладно, по любому стоит немного перевести дух и успокоиться... Так. Завтра я встречу с Игорем и попытаюсь вразумительно и честно обрисовать масштабы надвигающейся на мир катастрофы. Хотя...

Нет, мне кажется. Что взрыв мозга Плешака точно не входил и не входит в планы по спасению Вселенной. Так... Что же дальше? Что же делать?..»

Ответ, как всегда, лежал на поверхности, - ничего. Да, именно так: Н-И-Ч-Е-Г-О. Я вновь перевёл дух. В голове по-прежнему царило полное и абсолютное светопреставление.

«Так что? Значит, и эта девушка в соседней комнате, и я со всеми своими «мировыми» проблемами, и этот безудержный шквал на улицах Москвы, миллионы и миллиарды людей по всему свету, и Светлозария, и все другие параллельные миры, да даже в десятый раз закипающий чайник на плите, так вот, вдруг, в один момент (ВСЕ! ВСЕ!! ВСЕ!!!) накроются «медным тазом» небытия????

Н-е-е-т, этого уж никак нельзя было допустить: НИКАК И НИКОГДА!!!»

А потом наступило утро... Утро следующего дня. Лучезарное и волнующее, трепетное и овевающее запахами свежей листвы и травы, омытое затихшим ненастьем, открытое новой жизни, новым приключениям и новым надеждам... оно сияло тысячами солнц в росе по всей Москве, - городу-герою, городу-мечте, городу моей самой большой любви...

57

Я тихонько заглянул в комнату, где спала Виктория. От девушки исходил нежный аромат весенних цветов и сладкого неистовства внутренней чистоты...

Светломудр не раз говаривал мне в долгих оживлённых беседах: «Ничто не сравнится по красоте с невинной нежностью младенца, девственной улыбкой влюблённой девушки и жарким поцелуем солнца от солнечного зайчика на её губах... Помни, Иванушка, - добавлял он, - ты изначально пришёл сюда, в мир видения истины этого простого и глубокого чуда ХРУПКОСТИ и СВЯТОСТИ всего Универсума. Так будь счастлив, - твоё главное прирождённое право быть счастливым благодаря этому ЧУДУ!»

Я стоял и тихо созерцал неопровержимое доказательство слов моего величайшего Учителя...

ВЕЛИКАЯ БИТВА

Глава 30

Я наконец-то нашёл удобную позицию для тела и прицелился. Муки выбора вкупе с угрызениями совести от неизбежности акта убийства Игоря Самуиловича Плешака сменились чётким осознанием необходимости это сделать.

Раз пришёл такой «заказ» избежать выполнения его кем бы то ни было не представлялось возможным. В руках «заказчиков» находились все ресурсы и вся информация по осуществлению этого дела. Не я, так обязательно кто-то другой выполнит эту задачу.

Понимая всю серьёзность сложившейся ситуации, нужно было в первую очередь выделить самое важное и отбросить второстепенное. Мы обговорили с Наташей самый главный момент: куда и как спрятать её и детей. Моих сбережений вполне хватит на то, чтобы надёжно укрыть их от возможных посягательств «заказчиков», если бы такое имело место... Благо, что объяснять маленьким детям, куда так надолго запропастился их вечно занятой отец, и почему теперь они должны уезжать под охраной дяди Остапа в дальние страны не являлось проблемой. Дети подспудно чувствовали логичность самого «бесконечного» отсутствия главы семейства. Ведь папа итак подолгу, подолгу отсутствовал в их жизни.

Тем более, что по «кодексу самурая» «мишень» не была для меня, Остапа, ни сюзереном, ни главой клана, ни «заказчиком» по умолчанию. Я должен выполнить работу – это моя прямая и святая обязанность. Дальше - спасти детей. Потом увезти их и Наташу, спрятать, несколько лет не «высовываться» и стать «новым папой» для них. Куда проще...

С расстояния восьмиста метров я подробно рассматривал в прицельное приспособление через ровное соразмещение прицельного «пенька» и боковых прицельных нитей свою «цель». Рядом с ним помимо обычных «дубинноголовых» секьюрити маячил какой-то долговязый «прыщ». Я спокойно разглядывал хороший дорогой костюм на этом непонятном субъекте и думал: «Какую роль играет это дополнительное для меня «препятствие» в жизни Плешака? Чем мне «грозит» его присутствие рядом с целью?»

Я будто бы десятым чувством цеплял в нём некий импульс «знакомых до боли» черт индивидуальности, даже сущности, которые неким мистическим образом будоражили меня до глубины души, находили во мне прямой сердечный отклик. И мне это, чёрт возьми, очень и очень не нравилось.

Ну, хорошо. Усилием воли я подавил это поднимавшееся во мне «недоразумение». Ещё раз нашёл через сетку прицела мишень и, медленно выдохнув, плавно нажал указательным пальцем на курок. Оружие чуть дёрнуло по моему плечу лёгкой отдачей, и я замер...

В окуляр прицела я даже «заметил» чёткую траекторию полёта пули, но эффект не дал мне ни малейшего удовлетворения!..

Плешак, как двигал к дверям госучреждения, так и продолжал своё движение!.. Я быстро и чётко перезарядил винтовку и снова приник глазом к прицельному устройству, - глухой, почти неслышный хлопок и... ничего. Я не верил своим глазам! Действие было произведено, выстрел состоялся, а результат не случился!!!

Позвольте, позвольте, ребята, дорогие мои, я – ас! Такого просто не могло быть! Из ста я выбиваю сто десять!!! Рефлекторно я оглядел свою боевую «подругу». С предохранителя снято, боёк не сбит, весь механизм чист и свят, как лицо младенца... Что случилось?! Что?!!

Я вдруг увидел себя как бы со стороны с оружием в руках и выражением полного идиотизма на физиономии. И... гомерически расхохотался. Судьба сыграла со мной по-настоящему дьявольскую шутку! Либо... либо сам дьявол отводил от себя мою разящую десницу.

Глава 31

Я, в принципе, не умею целоваться... И когда это случится, я обязательно буду ощущать себя таким беспомощным и незащищённым, таким неловким и неуклюжим, что появись тут всеведущий Светломудр, провалился бы со стыда сквозь землю, хотя... хотя этой науке, безусловно, научить меня он никогда бы не смог (я думаю, что он просто не имел подобного опыта).

Я всего-то подошёл к дивану и осторожно заглянул в лицо Виктории... Думал, как быть, если придётся уходить, а она ещё не проснётся.

Наши глаза встретились... И это случилось...

Через секунду она молча и быстро, как будто ждала именно этого мгновения, прильнула к моим губам, мягко просовывая свой юркий язычок в мой рот...

Я ощутил словно короткий и пронзающий до пяток пробой электрического заряда. Я дёрнулся как от толчка и чуть не упал, едва удержавшись на деревянных ногах... Виктория с гримасой изумления взирала на мои «пируэты», а потом сразу же расхохоталась, сидя на диване и поджав голые ножки, на которые ниспадали складки одной из моих новых белых рубашек (я очень люблю белый цвет в одежде). Я встал, наконец, как вкопанный, смущённо уставившись в пол и покраснев так густо и всецело, что, казалось, всё моё тело налилось сверху донизу винно-красным оттенком переспелой свеклы на грядке...

Виктория перестала хохотать и закутавшись в одеяло, грациозно двинулась в мою сторону, я же попятился, не зная на каком шаге силы оставят меня, и как скоро я рухну от невозможности сопротивляться этой истошной судороге внизу живота...

Губы безжалостной амазонки вновь обрели своего «подопытного кролика», и я смачно, как пылесосом, был неукротимо и рьяно засосан в глубокую западную сладостно-губительного рта Виктории...

Мы вышли из машины Игоря и направились в сторону офиса одного из его партнёров. Краем глаза я почти сразу «засёк» отблеск окуляра снайперского орудия... В доли секунды обострённые чувства включили программу быстрого реагирования и я, интуитивно и незаметно для остальных, подтолкнул Игоря дальше вперёд, а сам поймав движение летящей пули на уровне вибраций плотной воздушной массы, убрал голову. Через мгновение я выставил левую руку под отрекошетивший от стены малюсенький снаряд-убийцу, чтобы незаметно и точно перенаправить его молниеносную траекторию подальше в кусты ладонью,

сделавшейся по моему волевому импульсу подобием железной лопатки. Второй выстрел, третий...

Рука горела. Но никто не заметил ничего...

Слава Универсуму, все живы!.. Правда, придётся теперь, некоторое время восстанавливать слегка повреждённую в коротком бою ладонь... Когда проходили через вертушку Игорь коротко бросил взгляд в мою сторону и приветливо подмигнул своим карим глазом...

Может быть, почувствовал очередную внезапную признательность за мою скромную и важную для него работу? Может просто удостоил меня своим вниманием, чтобы подчеркнуть особое расположение и привязанность за своё спокойствие и хорошо прикрытый «тыл».

Я же пытался понять какие «ветра» дули сейчас вокруг этого необычного и по-настоящему одарённого человека. Что нужно мне делать здесь и какую работу выполнять, чтобы там, в глубине нашей вселенной, где невидимые труженики квантового царства готовились отражать атаки необъятного и мощного Зла, гармония и свет Добра восстановили равновесие между мирами и обезопасили живой жизни движение к вечному счастью?

Дверцы лифта открылись и пропустили нашу группу внутрь. Цифры этажей сменяли друг друга и бесстрастно высвечивались пассажирам в порядке возрастания малахитовыми чёрточками. Вот и нужный этаж. На этой высоте разве что с самолёта можно было разглядеть кабинеты министерства иностранных дел страны. Я остался в коридоре вместе с другими охранниками «свиты» Игоря Плешака, тревожно размышляя о случившемся... Что произошло? Кто стрелял?? Кто покушался сейчас, буквально пару мгновений назад, на жизнь этого человека? И зачем??? Наверняка, всё происходящее синхронно «завязано» на общую обстановку во всём Универсуме. И необходимость требовала определённой интенсивности действий, от меня, в первую очередь... Но каких?! Нет ответа. Нет у меня и уверенности, что именно я, что именно я тот человек из всех живущих на планете, который реально способен повлиять на сверхсложную действительность и «внутренних» и «внешних» миров. Ответственность невообразимая для кого угодно, даже для сверхчеловека. Но Светломудр ошибаться ведь не способен. А может всё-таки...

Глава 32

Оно снизошло вдруг, неожиданно, как великое откровение из Вечности и Вечностью было... То есть всё это я понял и проанализировал потом, уже придя в себя, но сию секунду или... не знаю, имелась ли длительность у этого.

Сначала из ниоткуда рванула бесконечная струя света и огня на фоне полной и безупречной черноты... Затем струя ослепительного и ослепляющего свечения из едва заметной точки выросла до гигантского шара белого огня, резкий залп из которого мигом породил бесчисленную россыпь разлетающихся по всему пространству искр солнц и целых галактик.

Всё вокруг фонтанировало, плясало и звучало невообразимо прекрасной какофонией цветов, оттенков и мелодий врывающихся в бесконечность миров...

Они не были обитаемы и заселены, но... При этом абсолютно точно ощущались мириады возможностей всего чего угодно и когда угодно и насколько угодно во всех невообразимых измерениях внутри пространства сознания.

Ибо точно и ясно ощущалось только единое ПРИСУТСТВИЕ чего-то великого и в то же время абсолютно дружественного, тёплого и сострадательно-доверчивого...

Это не походило ни на сон, ни на розыгрыш. Это существовало! Существовало во мне!! И через меня говорило со мной на языке моего собственного сердца, моих чувств и моих ощущений!!!

Судорога восторга прошла по всему моему телу, как мягкая волна молнии проходит по тёмному грозовому небу сверху донизу, не оставляя ни малейшего дискомфорта, а только блаженство, блаженство и ... блаженство!!!

Я ликовал в этом состоянии безграничного счастья, свободы и какого-то необъяснимого покоя...

То, что переживалось в тот миг, - было БОГОМ!..

Я был Богом!!!

Ведь кроме меня там не было ни единой живой души!..

Единственной живой душой был Я!!!

Я не испытывал ни чувства одиночества, ни страха, ни потери.

Я понимал, что меня, как тела не существовало, но сознание моё было здесь!

Было во мне, было у меня, было Я!

Я всецело ощущал, что каким-то чудодейственным образом являюсь всем сразу и управляю всем великолепием космических пейзажей вокруг меня. Я тут же почувствовал прямую зависимость всего от всего, себя от мира и мира от себя. Я дал себе слово, не сходя с этого места: никогда не забывать насколько взаимосвязано всё вокруг со всем вокруг и со мной самым неразъединимым путём и способом. Всё текло и переливалось в танце безудержной жажды и радости жизни: всё было мной!

Так о каком бессилии могла идти речь, если я точно осознавал свою полнейшую сопричастность МИРУ?! Я могу всё!!! И я сделаю МИР счастливее, лучше и прекраснее за счёт одного только намерения истинного блага и добра для всех, для любого и каждого из моих братьев! Вот он универсальный ключ к решению с виду невыполнимых проблем, стоявших перед землянами, а также перед жителями великолепной Светлозарии...

Внезапно всё пропало, куда-то исчезло, и я остался наедине со своими недавними замечательными открытиями. Вдруг откуда-то издалека прозвенел смех моей подружки Застры, а затем отчётливый и слегка приглушённый голос Светломудра изрёк:

- Всё в твоих руках, о возлюбленный ученик наш, всё в твоих руках... и помни об увиденном! Всё сие виденное тобой, - суть рождение чуда ЖИЗНИ! Защищай тех, кто доверился тебе и да будет твой путь лучезарным и священным свидетельством твоего истинного служению миру Добра!

- А как же, Учитель, противостоять мне глобальным силам разрушения и хаоса?! - выкрикнул я в пустоту.

- Всё в твоих руках, о, ученик наш! Обрети спокойствие внутри себя, и мир в тот же миг обретёт все блага через твой путь и спокойствие... Медитируй и спасёшься, о, ученик мой! И МИР спасётся через тебя!.. - были последние слова, которые прозвучали для меня из глубины этого потрясающего видения.

Я огляделся по сторонам.

Один из ребят охраны приветливо улыбнулся в тот момент, когда я встретился с ним недоумённым и слегка затуманенным взглядом. В этом мире прошло не более полсекунды...

62

САМУРАЙ НЕ ПРОИГРЫВАЕТ!

Глава 33

Я сел в машину. Странное чувство завладело мной. Я ощущал какую-то невероятную завершённость и лёгкость от произошедшего.

Да, я не сделал работу, хотя и произвёл точно и профессионально все действия необходимые для этого.

Да, «объект» не только не пострадал, а даже, как мне показалось, просто ничего не заметил благодаря удивительному «персонажу» рядом с ним.

Я плавно перешёл с первой на вторую скорость и медленно присоединился к общему потоку машин.

Наташа вопросительно смотрела на меня, когда я, молча и медленно, снимал пиджак и брюки, передеваясь в домашний халат, и надевал тапочки. По стенам у меня всегда висят в рамках рисунки мастеров японской пейзажной и бытовой живописи. Они гармонично создают атмосферу неземного покоя и запредельной красоты окружающего мира. Такое состояние крайне важно для моей профессии, да и вообще для умиротворённого пребывания в любых задаваемых жизнью обстоятельствах.

Но сегодня, сейчас... Они, похоже, только подчёркивали всю абсурдность и нелепость данной ситуации, от которой у меня в сердце образовалось что-то вроде чёрной дыры, засасывающей все мои эмоции в какую-то мерзкую бездонную яму, в самую клоаку неизвестности, на дно глухого колодца, полного тупика. Я покачал головой на немой вопрос любимой.

- Где дети? - устало спросил я и, присев на кресло, притянул тут же к себе и Наташу. Она мягко высвободилась из моих объятий и, не ответив, всего лишь отошла к противоположной стене ровно под мою любимую японскую эротическую гравюру гениальной руки Кацусико Хокусай.

Волнения дня и какое-то воинствующее отторжение моей возлюбленной настолько сильно «торкнули» мою душу и зарядили изнутри бешеной энергией, что у меня тут же началась эрекция, я ринулся к Наташе, и между нами завязалась битва под названием «быть сексу или нет»...

Вскоре кровь молодого самца, как спичка факел, подожгла и женскую эротическую составляющую...

Подбадривающий рисунок Кацусико Хокусай тоже смотивировал и взбудоражил нашу сопяще-пыхтящую пару и мы, наконец, устроили безудержное «светопреставление» любви, в котором вмиг растворились наши страхи, и наши внутренние несогласия и амбиции любовников, и все наши проблемы вкупе с обычной неприкрашенной реальностью каких-то дел, каких-то мыслей. Мы улетели...

Улетели надолго, как утки с японской гравюры конца 18 века, как осенний полдень в туманную даль сумерек в окрестностях древнего Эдо, как пара весёлых ками (духов) с грешного берега средневековой Японии в призрачную и великую страну Мэй-фу – страну мёртвых...

После головокружительного и страстного секса, Наташа, перевернувшись на бок, тут же заснула сном грудного ребёнка, а я лежал и грезил о дне минувшем...

Меня обуревали неоднозначные и сильные эмоции, какие-то видения, смутные, но сильные «сигналы» моего бессознательного. Я переживал противоречивые состояния падения с высоты моих профессиональных амбиций, и в то же время потрясающую эйфорию чего-то возвышенного, чего-то за пределом обычных представлений и верований. Мне до жути была понятна суть пофигизма некоторых людей, в число которых определённым образом попал и я.

Моё самурайское «эго» сурово осуждало странную мою отстранённость от неудачи прошедшего дня, и в то же время я понимал, что проигрыша здесь не было ни на йоту и в помине. Ведь сражался мой дух до самого конца самозабвенно и со всей присущей мне принципиальностью и полной ответственностью. Я выстрелил ровно три раза точно в цель, но, как я абсолютно чётко осознавал теперь, мне противостоял в этой битве не какой-то там государственный чиновник, пусть и со всей своей «броневой» свитой, а некто совсем из

другой «материи», кто-то, чей опыт и виртуозность владения ситуацией значительно превосходили всё то, с чем я сталкивался в своей ежедневной практике до сих пор.

В то же время этот «суперпрофи», практически полубог нашего вида деятельности, был буквально до «пороссячьего визга» знаком и близок моему организму, всей моей тренированной сущности подлинного самурая!..

Прямо сейчас мне было просто не разобраться, откуда он, а тем более, почему именно я так хорошо и глубоко его чувствую и знаю, знаю и чувствую... Но в недалёком будущем вся моя натура без сомнения уже готова была принять незнакомца, как своего, как очень знакомого и крайне для меня значимого человека.

Ясно одно: такого уровня и такой силы личность достойна только почитания, исключительно уважительного подхода и отношения.

Я ликовал, братья мои!.. Я нашёл глубоко родственную душу, брата, которого у меня никогда не было, родного по духу, - мастера мастеров! Кого-то, кто наверняка способен дать мне абсолютно новую величайшую возможность взлёта и саморазвития в жизни.

О, спасибо, спасибо, спасибо, ГОСПОДИ!!!

Глава 34

Главной «фишкой» Виктора Соловья было то, что даже самые опасные и чреватые смертельными ранениями задержания он проводил практически сам.

Выстрелив точным попаданием в замок два раза и крикнув: «Ну, налетай, сволочи!», он пнул выдавшую виды, обшитую дерматином дверь, которая слегка помедлив, ввалилась внутрь квартиры...

Кто-то рванул навстречу, вскидывая коротким движением руку с пистолетом, но более проворные пальцы Соловья уже нажали на курок и его «пушка» моментально изрыгнула свои 9 мм убойного свинца, попав, судя по всему строго по назначению. Наркоман охнул и присел, зажав живот обеими руками, а Виктор, резко отпрянув от выскочившей второй фигуры, снова выстрелил и снова попал, но метился уже в ногу чуть выше колена и тоже удачно...

Валентин Семафоров, забежавший вслед за ним, только успевал «копировать» своё начальство в лице опытейшего «сыскаря». Поэтому, когда всё довольно быстро и однозначно закончилось в пользу правоохранительных органов (ещё двое из банды отпетых наркоманов-налётчиков на квартиры мирных богатых граждан были задержаны минимумом крови и патронов, а также благополучно связаны бойцами «ОМОНа»), он со «смыслом» хмыкнул в сторону Соловья:

- Да, товарищ, полковник! Слава Вас сразу находит, аж завидно, с каким постоянством Вы её за гриву дёргаете...

На что тот парировал:

- А ты, Валя, вместо того, чтобы за начальством зыркать, свою задницу под пули не суй, раз такая возможность у тебя имеется!.. А службу добротню неси, учись у старших, радуйся любому делу, и будет, будет у тебя, Валя, своя опасная тропка к славе... В общем, не пропустишь! - Выдал Виктор заключение, похлопав по плечу своего молодого помощника. – Давай, лейтенант! Собери заодно свидетельские показания у соседей... Да поживей... Доложишь потом подробненько, что, кто и когда видал-слыхивал, ну, так сказать, по протоколу, всё об этих квартирантах, мать их за ногу, в общем... Понятно, да? А я тут схожу пока звякну жене да в управление сгоняю... Добро? Ну, давай, давай, лейтенант, давай, Валёк...

Соловей вышел из квартиры и бодро сбежал до подъездной двери на первый этаж. Выскочил на улицу, под проливным дождём добежал до припаркованного за поворотом «газона».

- Чё, Виталя? Едем в управление, дорогой? Давай, поторопись! - сказал отрывисто и подмигнул дружелюбно водителю-сержанту. Машина лихо устремилась во весь опор, как настоящий боевой конь, управляемый уверенной рукой бывшего десантника. Соловей набрал домашний номер на мобильнике, постукивая пальцами по коленке и напевая любимую «сердце красавицы склонно...»

65

В трубке длинно и монотонно тянулись вереницей гудки, даже не собираясь прерываться долгожданным голосом супруги...

- Да, где же ты... - разочарованно буркнул Виктор и отключил дозвон.

В «Управлении» ничего нового ему никто не сказал. Он только время зря потерял, ожидая генерала Осипенко, своего вышестоящего начальника. Пробежавший мимо Юрка Бульжников, друг и сокурсник ещё по академии, куда-то торопясь, только бросил:

- Как там твой маньяк? Живой? Здоровый?

Потом подмигнув, исчез за поворотом лестницы на следующий второй этаж. А Соловей, уже было собравшийся ответить, и, поняв, что и в десяти словах не расскажешь товарищу-погодку обо всех головняках сегодняшней ситуации, о которой разве что последний лентяй не знал все подробности, так и остался стоять с приоткрытым ртом, будто собираясь начать первые звуки любимой арии...

Потом, спохватившись, опять вытащил мобильник и позвонил домой, жене Славке. Гудки прорезали неприятно и нудно тишину мембраны, посигналили в пространство около уха Виктора и растворились с прежним результатом в окружающем крошечном одиночестве начавшегося обеденного перерыва.

Соловей в сердцах плюнул на пол, вытер носком нового модного ботинка ковровую дорожку под ногой и поплёлся назад к машине, думая: «Вот б..., оно, начальство, сроду, когда надо, не отыщешь на месте... А когда, видеть бы не видел, - тут как тут, здрасьте, жопа, Новый год, э-эх, твою-то маму...»

Подходя к машине, увидел, как Виталя, радостно кивая, видимо, «забивал стрелку» очередной девахе, перед тем как устроить чуть погодя, судя по наглой, светящейся от улыбки рожи, нехилый перепихон...

«Вот, молодёжь... - опять подумал «следак». – Лишь бы урвать максимум, лишь бы вздрючиться да оторваться, а там и трава не расти!.. Вот же...»

Затем посмеиваясь собственному немирному досадливому настрою, сам же себя и оборвал: «Да, что ты, Витёк, молодёжь, дело такое... Пусть уж сейчас и оторвутся, а то доживут до твоего и уже по фигу и дырки девчачьи, и радость поросычья... В общем, ладно, чё ты... Звони Славке! Старый ты мудила...»

Трубку опять никто не снял.

Глава 35

66

- Привет, Иван! Я к тебе! Не ждал? - лукаво спрашивала Виктория и понимала, что если я кого и мог ждать, желать и предчувствовать в своём однокомнатном «храме любви» могла быть только одна «жрица», - она.

- Как твоё настроение после вчерашнего? Я зашла узнать, как... - продолжила девушка, но тут я не стал даже отвечать, чтобы не терять драгоценное время с этим божественным подарком существования, впиваясь в её невообразимо сочные и зовущие губы.

Я не мог и не хотел тратить ни одной секунды после той вечности, которую я провёл до неё, даже не подозревая, какого величайшего восторга лишала меня судьба, обделяя самой главной ценностью для живого и здорового мужчины – да!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! живой прекрасной и желанной женщиной!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

«Какое странное ощущение невесомости рождает послевкусие от этого!.. Какая тонкость разлитого по телу кайфа и прозрачной бесконечности... какая... какая нега, и какое желание жить дальше!!!» - моё недоумение разрасталось и расширялось подобно мгновению мистического созерцания рождения вселенной после недавнего покушения на Игоря Плешака.

В каком же невежестве, в каком неизбежном «беспросветье» живёт порой человек!.. В какой глухой и никчемной реальности прозябали мы с Гриней когда-то!..

Я перевернулся на другой бок и посмотрел на роскошное и такое магическое в своей первозданности великолепие в лице и теле моей возлюбленной!.. Сама музыка во плоти... Само совершенство, как оно есть!

Что было бы, если бы не провидение Божье!!! О, Ужас! О, безумие неведения!!!

Что было бы, если... Если бы я не встретился с миром Зазеркалья, со своими священными друзьями-наставниками, не осознал под их руководством всей глубины неординарной суперконструкции Жизни, не принял, словно к Граалю, к первоисточнику знаний! Я был бы, как миллионы других людских особей, всего лишь странной и глупой марионеткой в руках Сансары, круговорота обыденных полусомнамбулических передвижений по одному и тому же кругу навязанной Игры в никчемность: обычное пьянство, обычный маразм себепотакания и безразличия, - где находился буквально с самого своего рождения...

Мне повезло!!! Но сейчас я был вынужден тащить на себе почти неподъёмную ношу, - понимание, что от меня практически ничего не зависит перед реальной угрозой со стороны Тьмы!!!

Я поднялся с кровати, двинулся в кухню, поставил чайник на плиту и присел на краешек деревянного в стиле традиционного убранства русской избы табурета...

Сны, которые когда-то просто одолевали меня нескончаемой чередой встреч со Светлозарией, вдруг резко прервали свой нарастающий поток, и... я будто бы оказался в полном вакууме... в какой-то странной и непонятной изоляции наедине со своими отчаянными попытками разобраться во всём самому.

Я не мог ни вообразить, ни представить хотя бы в общих чертах всей сложнейшей «машинерии» выхода из образовавшейся ситуации. Какими такими действиями в нашей обычной реальности можно бы было «спасти мир»? Я находился в замешательстве, как Адам, неожиданно извещённый о «драме с яблоком», о выселении из райских условий, о дальнейших нуждах и тяготах, и, самое главное, о личной (личной!!!) ответственности за судьбы многих, многих и многих сыновей и дочерей человеческих, которых он никогда даже не удосужится знать и увидеть в жизни.

Меня вывел из безраздельного транса весёлый и настойчивый свист разрывающегося в клочки от пара и «возмущения» металлический, с глянцевой поверхностью, чайник. Я дёрнулся к плите, в одно касание отключил конфорку, переставил его на другую, холодную, но обжёгшись, запрыгал от боли и неожиданности по небольшой, уютной своей кухоньке. Попрыгав в своё «удовольствие» ещё пару минут, я, предельно раздосадованный свалившейся на мою голову лавиной обстоятельств, вдруг совершенно ясно и недвусмысленно осознал гениальную и до смеха элементарную аксиому случившегося. Буквально рухнув на пол от животного гогота, я принялся кататься в разные стороны и раз от разу взрываться новыми приступами яростных конвульсий.

Перед моим внутренним взором со световой скоростью проносились картины моей крышесносной биографии от первых неуверенных шагов в сиротском приюте до теперешних «вселенских» событий.

Передо мной проплывали и наши с Гриней «боевые» будни в столярке и дома с неразлучными и преданными «поллитровками» и «чекушками», с отупляющей мешаниной обычных до одури разговоров о погоде и мелких пересудов про коммунальные дела. Мелькали постоянные, регулярно же повторяющиеся смутные мечтания о каком-то полумифическом будущем, в случае ещё более мифического поворота «нашенской» с Шайкиным несудьбоносной обыденности. Ретиво неслись мимо мои нередкие всплески непонятной до конца ностальгии, манящей в «иные» миры, а также депрессии на почве душевного разброда после очередной пирушки вдвоём.

А то, например, «надирались» командой ближайших соседей-собутыльников по поводу новогодних, либо других общероссийских дат.

Вырос и тут же сник в ничтожестве своего позора даже эпизод с одноногой Веркой... Соседка по коммуналке, однажды в порыве нежности после очередной попойки, долго и неумело тыкала мне в лицо свою полновесную, внушительных размеров титьку, когда мы, уединившись, в попытке проводить друг дружку каждый до своей «конуры», застряли, наконец, где-то между моей кроватью и моим же старым-престарым шифоньером...

68

Со всей очевидностью недавних воспоминаний, словно скорый фирменный поезд, летели цветные сны моего знакомства с тайным королевством субъядерной реальности и обучения под руководством могущественного Дракона Светломудра. Мягким и трепетным дуновением волшебного бриза улыбнулось общение с волшебницей Застрой...

Благоговейная и превышающая всякое разумение действительность моей невероятной истории взбудоражила мою душу до самого основания.

Я лежал на спине, на полу кухни, разбросав руки и блаженно улыбаясь самому себе, глядя снизу вверх на заспанное, в сильнейшем недоумении, личико Вики. Она секунду назад возникла в дверях, закутанная подобно древнегреческой статуи в эффектную, как тога, простыню...

Её потрясающе проникновенные, завораживающие очи с отблеском лазури над сияющим в ярко-небесный день морем изливали на меня всю доступную на этой земле ласку, душевную чистоту и безбрежную человечность.

- Что случилось, малыш? Мы идём спать? - томно проворковали её припухшие, как у ребёнка, губки...

Я неуверенно взглянул на безразлично затихший чайник, перевёл счастливый взгляд на возлюбленную свою, и уже с непоколебимой определённой в голосе, тихо и с любовью прошептал:

- Всенепременно, моя ненаглядная, моя добрая звездочка...

Глава 36

Игорь заботливо отслеживал её практически два месяца... Отслеживал все перемещения, встречи с подругами и походы по магазинам. Иногда по вечерам отпускал охрану и сам за рулём, незамечаемым и добросовестным провожатым следовал за её машиной.

Труднее всего было находить лазейки во времени между встречами с людьми и государственной службой, но его опытные помощники легко и без последствий «отмазывали» своего шефа от излишней рутины должностных обязанностей, и умело выстраивая графики занятости, по его первому зову возникали у него «под рукой» в случае необходимости.

Ему самому было безумно приятно осознавать себя во главе тончайшей паутины взаимосвязей, выстраивавшихся вокруг него собственными грамотными действиями и правильными усилиями многих и многих людей в его дальнем и ближнем окружении.

Будучи опытным и чутким стратегом Плешак чётко прорабатывал многоходовые комбинации взаимоотношений с огромным количеством людей в своей колоритной жизни.

69

Он ясно видел кто, где и как мог проявиться на его пути: в каких вариантах, на каких позициях. Причём он заранее, с большой точностью, мог предчувствовать эффект от любого соприкосновения и соразмещения «игроков». Как некий гроссмейстер, видел он возможные трансформации судеб и пружины истинных намерений участников событий, в которых сам он занимал всегда первые, почётные, и вместе с тем хорошо скрытые от профанного большинства, места.

И на этой вселенской шахматной сетке его собственной судьбы женщины-избранницы для великой мистерии перехода душ в «бессмертную ипостась богинь» располагались в особых точках бифуркации, в самых главных для него положениях, определяющих его личные духовные координаты роста.

Поэтому каждый божий раз его поисков очередной избранницы он тщательно выявлял для себя основную доминанту душевной организации женщины, интуитивно угадывая её внутреннюю готовность стать БОГИНЕЙ.

Затем он скрупулёзно и настойчиво занимался сбором биографических данных женщины, информацией о её окружении, пристрастиях, привычках и предпочтениях. Иногда даже, ему приходилось составлять и просчитывать их нумерологические и астрологические «портреты».

После этого основательного процесса, он доподлинно представлял всю кармическую подоплёку и оснастку своих будущих «жриц». И тогда только он принимался за техническую

часть подготовительной работы, длившуюся в среднем от пяти до десяти дней. В неё входили написание сценария ритуальных действий и подбор декоративного оформления будущего священнодействия.

Ярослава Наумовна Соловей была совершенно особым случаем, и в связи с этим он выделил на неё почти в два раза больше времени, чем выделял на всех предыдущих красавиц.

Он абсолютно точно знал, чем занимается её муж, тем более, что как раз это обстоятельство и послужило одним из определяющих звеньев его следующей задумки.

Поскольку охота за ним, как за невероятно опасным маньяком, была только в самом разгаре, а результатов просто не предвиделось в силу его осведомлённости, рычагов воздействия на обстоятельства вкупе с занимаемым положением в обществе и властью, он испытывал предельную, почти оргазмическую, эйфорию от своего могущества и безнаказанности. И это придавало ещё большую остроту ощущениям и от самой подготовки, и от предвкушаемой реализации его «миссии».

Однажды на одном из светских благотворительных мероприятий, которое он сам организовывал и презентовал, его познакомили с молодой красивой и статной женой хорошо известного в городе следователя по особо важным делам, полковника Виктора Соловья.

Женщина поражала воображение элегантной пышностью форм настоящей русской красавицы. И хотя Игорь Плешак имел несколько иной вкусовой «ценз», но подумал, что сама по себе эта «искусительная» особа имеет несомненные преимущества как идеал истинно русского совершенства.

До сих пор не понимал он, да и не старался понять, что же такое нашла в «следаке» обворожительная женщина, но с того времени он часто задумывался над возможностью использования столь блистательного экземпляра для своей «коллекции».

А когда ко всему прочему до него дошли недвусмысленные слухи, кто же на самом деле занимается его глубоко «законспирированной» персоной, участь Ярославы Наумовны Соловей была решена неминуемо, однозначно и бесповоротно...

Глава 37

- Ну, что Ваньша? Пойдём, покажу тебе кое-что, мой любимый ученик... - с этими словами Светломудр повёл меня по длинному тоннелю, всё глубже и глубже уводя в слои пенящейся вокруг пузырячатой лавы мелькающих то тут, то там и постоянно меняющих формы «светиков»...

В какой-то момент мы оказались в сильно разрежённом пространстве, где всё вокруг было призрачным и текучим, настолько призрачным и текучим, что даже сам себе я представлялся

не более чем простым сгустком эфира, фантомом, неожиданным дуновением молекулярно-ядерного ветра заброшенным на территорию волшебной сказки...

Мы поплыли в загадочной бесформенности некоего тумана, переливающегося разными цветами отблесков от огоньков-«светиков», таинственной силой магии Светломудра поддерживаемые среди пустоты возникающих то тут, то там очертаний и едва намечающихся образов будущих явлений и предметов материального мира.

Я ощутил неведомое для меня состояние какого-то сна во сне, - завораживающее до самого дна души чувство отсутствия тела на фоне невесомости и полёта присутствующего самоосознавания...

- Вот видишь, Ваньша, эту пелену мироздания? – вопрошал великий дракон Светломудр.

- Вижу, учитель! – бодро отвечивал я.

- А ещё, что видишь или чувствуешь, о! ученик мой?

- О, Учитель! Пока я чувствую только полную неизвестность да...

- Что «да», о, ученик мой?

- Да ко всему этому ощущению неизвестности примешивается, как ни странно... как ни странно некое удовольствие, непонятное мне!..

- Вот именно, Ваньша... Ты в самом сердце сотворения Универсума, о! ученик! Ты повелеваешь стихиями и зришь в сердцевину тайны тайн!!! Ты... соприкасаешься сейчас с ключом понимания добра и зла, о! ученик мой!

- О, Учитель...

- Что, ученик?!

- Если мы так легко и беспрепятственно вошли в святая святых мироустройства... не могут ли также легко проникнуть сюда и тёмные полчища?!

- Это для них невозможно без проводника, посвящённого в знания основ Универсума, о! ученик мой!

- Ты глаголешь о том, что нужен кто-то из светлого воинства?..

- Да! И есть ещё одно требование, про которое я и хочу поведать тебе присно, ученик, ибо ты сам стал мастером-воином и сам призван к служению высочайшей истине единства всех миров и запредельности видимого!..

- Ты хочешь открыть мне всю правду?!!

- Гораздо, гораздо сокровеннее правды и гораздо более дивное, чем сама мистерия Огнелюба!

- И я буду знать ключ к окончательной загадке Бытия?

- Вестимо.

- А буду ли я сам исполнять законы начертанные от Истока и причинять благие деяния судьбам живущих и грядущих от них?

- Ты призван!

- Кем?

- Великим кольцом потомков Огняра, ученик!..

Мою бестелесную бытийственность пронизали потоки молний, и тысячи тысяч солнц вошли и наполнили собой моё самоосознание. Я испытывал восторги всех императоров и царей всех верхних и нижних миров, когда-либо освящавших своим появлением бrenную плоть. Я вмещал в себя всех потомков и преемников мудрости Огняра!

И они дружно приветствовали меня...

- О, ученик! – окликнул меня Светломудр.

- Что, учитель? – тут же отвечал я, паря в неведомой невесомости.

- Услышь же, наконец, второе требование!

- Да, учитель!

- Ты догадался, что оно имеет смысл только для такого, как ты мастера, способного пребывать в двух разных по ипостаси мирах?

- Вестимо.

- Тогда слушай, о, ученик!..

- Всей необъяснимой сущностью я в полном внимании, о, мой истинный учитель!..

- Второе требование гласит, что миры Моргия способны нарушить целостность границ верхних миров лишь в одном случае, о, ученик!.. Если ты, как Страж этой целостности, хоть на миг усомнишься в правильности твоего пути и перестанешь умиротворять сердце своё медитацией Любви к живущим, ко всем живущим!... И помни: Моргий тоже, как и все, любые силы Универсума, так же как и за его священными пределами, нуждаются в благословении и уваге!.. Не дай сиюминутному порыву личных обид и антипатий, а также попыткам всяческих вредителей вывести тебя на тропу войны с кем бы то ни было!.. Будь сильным, стойким и уравновешенным воином, примиряющим, а не разъединяющим!.. Тогда никто не сможет навредить добронравным существам всего мира, а Моргию придётся вернуться восвояси в бездны Запределья! Хотя...

- Что хотя, мой Учитель?

- В твоих теперешних условиях жизни среди людей оставайся, по возможности, нейтральным и не ввязывайся ни в какие провокации... Ты теперь единственная надежда на добрый исход нависшей угрозы!.. Моргий будет ждать малейшей возможности завладеть воротами перехода в живые слои Универсума до последнего момента!.. Будь стоек, будь стоек, будь стоек, о, ученик!..

- Всё, как скажете, о, мой великий Учитель!..

- Во благо, о, мой ученик!..

Глава 38

Я наблюдал, как Наташа гуляет с детьми, издали... Я не мог приблизиться к своей любимой, не мог каким бы то ни было образом проявить своё присутствие. Я мог лишь наблюдать и сокрушаться в душе, как потерявший свой собственный след вражеский лазутчик-ниндзя по утерянному раю обычного пути мирянина-домохозяина...

Дети весело щебетали, бегая вокруг моей Наташи, два дюжих мордоворота зорко глядели во все глаза на малейшее подозрительное движение рядом с ними. А я изнывал, внутренне понимая, что моя любовная песенка спета, по крайней мере, на ближайшее обозримое будущее... Боль и обида дружно атаковывали попеременно моё сердце, а разум неустанно твердил: «Ничего, ничего, и это пройдёт, Самурай!»

Ко всему прочему, я уже начал собирать досье на «моё альтер-эго», - аса из окружения Плешака. И на счастье, многие говорящие сами за себя факты потихоньку стекались ко мне, обнаруживая неординарного и весьма уникального индивидуума.

Ребята из некоторых уполномоченных и всесильных «органов», мои верные подручные и хорошие профессиональные партнёры «нарыли» много интересного материала о прежней жизни нашего общего подопечного.

Стало известно, например, что долгие, долгие годы он качественно «прикрытый» и законспирированный жил тихо и мирно где-то в далёком Зауралье и только недавно его вернули компетентные помощники Игоря Самуиловича Плешака, чтобы тот смог выполнять для влиятельного государственного мужа самые наиважнейшие и требующие сугубо специальных навыков поручения.

Затем при достаточно пристальном наблюдении за некоторыми особенностями его поведения, этого мастера-одиночки, обнаружились и подтвердились мои догадки о какой-то сверхъестественной нашей схожести с этим субъектом. И это тем более вызывало у меня колоссальное обострение моего человеческого и профессионального любопытства.

Я заранее угадывал в нём черты некоего энергетического двойника, как будто рождённого чуть ли не моей идентичной астральной копией, моим вторым родственным духовно человеком, моим сакральным братом, если хотите.

Всё говорило о неминуемом нашем воссоединении, но каким образом, при каких обстоятельствах и в какой час, - тайна сия оставалась для меня неразрешимым и загадочным коаном.

Время растянулось неимоверно, и мне казалось, будто невидимые магические паутинки времени окутывают мои тягучие минуты и дни ещё более вязкой и маскирующей реальность тканью ожидания. Но я не роптал, напротив, умиротворяющее и гармонизирующее «великое равновесие» захватило мою жизнь в тесные и дружественные объятия, и всё что мне оставалось в этом вселенском дрейфовании, - так это просто тотальное, как океан, и безоглядное, как любовь, переживание свободы и парения в нигде.

Дети весёлой и бойкой ватагой оккупировали детскую площадку, резвясь на ней, подобно воробушкам, выхватывающим друг у дружки кусочки печенья, которое набросали им смеющиеся и галдящие малыши... И немногие прохожие в этот ранний час с удивлением и умилением взирали на дивный и внушительный «кортеж» из двух исполинов шоколадного цвета, которые вполне недружелюбно и очень внимательно осматривали ближайший периметр вокруг милой и красивой женщины в длинном оранжевом плаще. Она, в свою очередь, лишь расслабленно, нежно и любовно наслаждалась игрой на свежем утреннем воздухе двух маленьких мальчиков-погодков и совсем миниатюрной обаятельной девчушки.

74

Я ещё раз задержал взгляд на этой завораживающей картинке-счастье и медленно тронулся по своим неотложным делам, туда, где её муж сейчас выслеживал очередную жертву для своей кровавой и беспощадной жатвы «королев», покидавших наш бранный мир далеко не подготовленными к такому беспрецедентному и ужасному концу...

Да, упырь, я знал о тебе достаточно, чтобы самому испытывать к тебе стойкую и всепоглощающую ненависть, хотя по кодексу самурая мне совсем не следовало вдаваться в детали твоих умыслов и пристрастий... Но мой чисто мужской инстинкт взывал кровью невинных женщин к отмщению, после которого от тебя не останется даже лёгкого воспоминания, тем более, не останется ни одного о тебе сожалеющего, вурдалак, человека.

Единственно, что важно, так это то, что мой очаровательный визави и твой ангел-хранитель просто обязан «нарисоваться» в критический, неподходящий, возможно, для меня момент, но...

Я сумею показать тебя ему с самой неожиданной стороны.

И он поймёт, он поймёт...

Ты поймёшь, брат!..

Глава 39

Дверь, не скрипнув, легко поддалась плавному толчку Соловья... Странно... Чёрт, чёрт, чёрт. На сердце ныло. Предательское шестое чувство подсказывало невесёлую догадку, ну её к...

Он смачно и матерно выругался почти про себя, почти шёпотом. Лучше не стало. Стало хуже, и щемящая нотка предательской тревоги за Славку звякнула в самое сердце, оглушила и пропала восвояси...

Он переобулся в мягкие домашние тапочки «дурацкого», как смеясь, называла их Славка, серо-буро-малинового цвета. В такие моменты вспоминаются весьма идиотские, домашнего «разлива» истории и общеупотребительные словечки, от которых на душе скребут то ли мыши, то ли ещё какие грызуны, а в глаза вбрасывается чувствительная щепоть едкой слёзной щелочи...

Так Витя, спокойно, ты ж «следак», не хухры-мухры. Ну, случилась непредвиденная задержка, ну, попала в пробку, зашла к Симе, в магазин, - ах, всё не то, не то, не то... Ладно, стоп! По порядку.

Два часа назад, как обычно я позвонил, - не взяла трубку в обычный обеденный час, впервые за восемь лет очень плотного контакта тел и душ, так. Не взяла...

75

Рано бить в колокола, навредишь сам себе поспешностью и эмоциональной неразберихой. Что нужно, так это просто успокоиться немножко, покурить, почитать, обождать, сидя за кухонным столом со скатертью в зелёную тонкую изящную клетку, выпить чайку, как обычно, утром, перед дружным совместным выходом на работу...

Тьфу ты, Витёк, - какое покурить-почитать-чайку!.. У тебя ж будут руки дрожать, когда начнёшь прикуривать, так что как раз перед приходом жены сожжёшь роскошную трёхкомнатную хату, и получишь от Славки по полной программе, дурень.

Да... перед приходом... жены, тьфу ты чёрт!.. Ну, почему, почему всегда сначала лезут в башку именно самые дурные, отборно-щекотливые мысли... а?..

Он взял трубку домашнего телефона, хотел позвонить на работу, своему самому близкому, доверенному помощнику... Потом подумал, вздохнул и положил её на рычаг аппарата обратно.

Что я скажу: украли жену, караул? Самому-то не смешно, гражданин начальник... Но сердце щемило, щемило глухо, неприятно, по-садистки больно, - и в самой сердцевине. Он встал со стула на кухне. Походил. Закурил. Сел. Встал. Д-а-а-а... Такого не бывало никогда. Чтобы Славка смылась, не предупредив... И куда?!

Поёживаясь от неприятного внутреннего озноба, стоя у окна и глядя с пятого этажа во двор, он понимал, что теряет драгоценные минуты, что спохватись он сразу, сразу бы и нашлась,

возможно, его несравненная, молодая, всем мужикам на зависть, аппетитная еврейка Ярослава Наумовна Соловей: в девичестве, - статная красавица, единственная наследница престарелых родителей, «дщерь колена Израилева» из богатой семьи - Ростя Шенкель.

Для него же, с первого момента случайного столкновения прямо лбами у фонтана на Тверской и до сего злонравного события: Слава, Славка, Славушка-ненаглядушка, пышка и пушной царский зверёк – бельчёночек...

Из глаз Виктора густо и неожиданно рванули на скулы, нос и заросший жёсткой щетиной подбородок тёплые бессильные слёзы. На улице тоже начался дождь. Тоже густой, тоже сплошной и тоже ненастный...

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Глава 40

На этот раз действие происходило в новой высотке, приготовленной к сдаче будущим жильцам и ожидающей лишь некоторых доделок...

У него было всё, что необходимо для ритуала. Он долго и тщательно готовился, чтобы сейчас, особо не задумываясь, наслаждаться происходящим и никуда не торопиться...

76

В его руках находилась прекрасная кандидатка на вхождение в «Царство Богов». У него было замечательное настроение, возможность размеренно и скрупулёзно сделать шикарное и вполне достойное древней жреческой традиции подношение.

Расставленные по всему периметру софиты, искусно подобранные предметы египетского стиля и какая-то даже торжественность обстановки создавали ощущение элитарности готовящейся драмы-инициации.

Сегодня, несколькими часами ранее, когда он безупречно и красиво вывез Ярославу из её шикарной квартиры, предложив необременительное сопровождение под предлогом удивить и порадовать мужа некой государственной наградой, ничего не подозревающая женщина быстро и с удовольствием приняла эту логичную и естественную причину от человека такого уровня, как Игорь Плешак. С удовольствием села в «мерседес», мило и дружелюбно щебетала, общаясь на различные общие темы о погоде и «бесподобно организованном» благотворительном вечере, где они познакомились. Но когда с Ленинского проспекта Игорь, сидя за рулём (объяснив отсутствие своего водителя какими-то неотложными поручениями, по которым он был отправлен) вдруг повернул совсем не по адресу работы супруга, Ярослава почему-то сразу осознала опасную абсурдность всей происходящей ситуации. Её выразительные с тонкой подводкой глаза умоляюще уставились на Игоря, который тут же притормозил у обочины, мгновенно и скоро достал платок из одного кармана и какую-то маленькую бутылочку из другого...

Она, заворожено глядя на уверенные движения мужчины, лишь бессильно и глупо улыбалась и ждала неизбежного. Будто в замедленной съёмке Игорь, тоже улыбаясь, начал приближать к её губам обильно смоченный усыпляющей жидкостью красивый с собственным вензелем инициалов платок...

Как волшебник палочкой, взмахивая им легко и грациозно, наконец, приложил его... к её полным тёмно-вишнёвым губам.

Теперь, сидя в специальном золочёном кресле, напоминающем императорский трон, она уже начинала медленно приходить в себя и осознавать весь ужас произошедшего.

«Великий церемониймейстер», улыбаясь, ходил по огромному пространству чьей-то будущей гостиной, тихо насвистывая «сердце красавицы...» и заканчивал, видимо, последние приготовления к неминуемому заключительному акту предстоящей мистерии.

Из динамиков, скрытых от глаз жертвы, журчали ободряюще-призывные звуки этнических барабанов, создавая атмосферу нереального мистического таинства. Чарующий, расслабляющий фимиам туманно-мускусного сандалового дерева, смолисто-терпкого пачули, шелковистой розы и тонкого, обволакивающего дыхание древесно-сладкой ноты фиалкового корня заполнял каждый атом помещения непревзойдённой магией запахов. Ярослава снова почувствовала, как теряет сознание...

77

Игорь Самуилович Плешак (в который раз!) воистину чувствовал себя полноправным и полноценным демиургом, в руках у которого сосредоточивалась уникальная власть вершить закон «красоты и вечности» над судьбой очередной женщины-королевы!..

Он вдыхал ароматы приготовленных им самим снадобий, впитывал чудодейственный ритм этнических барабанов каждой мембраной каждой клеточки своего организма, наслаждался прекрасным видом полуобнажённой «богини» величественного обряда посвящения и... трепетал, трепетал, как трепещет школьник, впервые в жизни осознавший всю мощь своей половой силы, великое самоощущение мужественности!..

Он спокойно и торжественно обошёл по периметру арену своего священнодействия, иногда прикрывая на мгновение глаза, чтобы в полной мере ощутить всю алхимию предстоящего момента истины.

Обозрел и оценил ещё раз размах постановки задуманного, свои затраченные усилия, а также и эстетическую безукоризненность оформления, глубоко, прочувствованно вздохнул и... остался доволен результатом увиденного.

Дух его воспарил высоко к чертогам Ра, и даже ещё выше, - к полям необозримого и неизмеримого присутствия прародителей и прапредков всех мыслимых и немыслимых человеческим умом Вершителей Мира.

В этот момент, он сам был самым главным, самым важным (единственным!) вершителем архетипического путешествия этой роскошной красавицы в запредельную страну предков, - туда, где берёт начало великий «Небесный Нил».

Роскошный кинжал в инкрустированных драгоценными камнями позолоченных ножнах дополнял убранство священной территории. Он лежал в специальном бархатном футляре и по-царски отсвечивал переливами рубинов и сапфиров под раскалёнными лампами софитов.

Нередко Игорю хотелось зафиксировать хотя бы единожды сцену своего «теургического служения», и вот сейчас, наконец-то, он решил осуществить эту логичную задумку.

Мягкой походкой грациозного мифического полуживотного-получеловека он, как в танце, приближался к избраннице... В уверенных руках послушно и надменно возлежало орудие надвигающегося Действия...

Шаг. Ещё. Ещё один шаг... Вознесённая над Ярославой рука на какое-то мгновение, словно в прострации вселенского парения, застыла, и...

Ярослава медленно открыла один глаз (у неё это здорово получалось, почти непроизвольно, иногда чтобы позабавить близких, друзей, Виктора, иногда само по себе, как сейчас) и «демиург» очарованно воззрился на этот феномен. Открылся второй глаз... Красивый глаз. Очень красивый глаз...

78

«Жрец» и «жертва» вперились друг в друга внимательными и словно очнувшимися от долгой ледниковой спячки глазами.

Обыкновенные человеческие глаза в эту секунду заполнили для них всю вселенную и беззастенчиво, беспрепятственно и любвеобильно стали расширять и расширять неоглядные просторы вне пространства и времени...

Игорь очень глубоко вдохнул и также медленно и протяжно выдохнул, Ярослава тоже вдохнула и выдохнула, и тоже медленно. Они дышали в унисон. Сердца их, похоже, тоже «дышали» в унисон...

Похоже, вся вселенная плавно и с наслаждением задышала в унисон с ними обоими.

Глава 41

А ещё я вдруг осознал, насколько шедеврально, насколько гениально было устроено это колоссальное здание Универсума, как называл его Светломудр, начиная с основ и до самой вершинной сути, до самого пика божьего замысла...

Я увидел, как органично и бесподобно направляются потоки едва уловимых вибраций «нижних» сновидческих миров разума вверх, к более плотным слоям осязаемого нашими чувствами бытия.

Как великолепно и тонко передаются малейшие намёки жизненных импульсов дальше, на уровни их осуществления через формы и обстоятельства: иллюзорные, фантастические для нас видения становятся осязаемыми и зримыми фактами земной реальности.

И когда Застра, по обыкновению своему мелодично похихатывая, сбивала с колокольчиков огромных оранжевых пышношаров серебрсто-фиолетовую пыльцу, это её движение тут же преобразовывалось в туманную изморось где-нибудь в Йоркшире...

А когда она мгновенно взлетала с раскачивающихся от её почти неуловимого движения пушистых ладоней широколистных дюймов, заразительно гогоча и разбрасывая вокруг чуть заметные в её ладонях, нежные семена этих загадочных растений, - где-нибудь там, в далёкой галактике «Большое Магелланово Облако», тут же, как по команде, разлетались враспынную бесчисленные искры комет и метеоритов...

Я точно знаю одно: нам не дано понять и миллиардной доли того, как связаны между собой никак на первый взгляд не соприкасающиеся события, каким образом цепочка действий разрозненных людей приводит именно к этому объединяющему их всех в единое целое финалу, и как, в конце концов, возникает это великое чудо ощущения себя отдельной и независимой сущностью в удивительной и необъяснимо-прекрасной мозаике жизни.

Потрясающе разнообразный, трогательный своей хрупкостью мир Светлозарии вместе с тем необыкновенно завораживал необычайной жизненностью миниатюрных, словно «понарошечных» жителей уникальной волшебной страны.

79

Необычайно яркие почти до нереальности цветы и цвета, растения и «прянично-опрятные» строеньица от домиков до воздушных в своей утончённости замков, а также всевозможные диковинные зверьки и практически мифические создания, которым было сложно даже подобрать название, составляли естественную флору и фауну этого измерения действительности.

Нередко Застра добровольно устраивала мне интереснейшие экскурсии, чтобы не только познакомить со всем обилием населяющих Светлозарию существ, но и в который раз предоставить мне возможность, как пришельцу «иноного» мира, ощутить и прочувствовать невероятную красоту и сверхсложность взаимозависимостей нашего общего Дома.

Ведь своими «корнями» он уходил именно в призрачную глубину этого «сновидческого» плана бытия, с которым я имел честь и везение познакомиться лично...

В первые мои посещения Светлозарии в моих снах я как бы и не присматривался особо к великому разнообразию форм жизни, её населяющих, настолько интересным и сногшибательным было само общение с моей подружкой Застрой, а потом и с великим драконом – Светломудром. Но потом...

Сказочная феерия цветовых сочетаний, которые являла собой душистая, насыщенная причудливой геометрией гармонично сочетающихся между собой частей, пышная и завораживающая своим колоритом и многослойным рисунком растительность навсегда

поражала воображение. Иногда даже посреди обычных мыслей и дел передо мной неожиданно возникала картина яркого многоцветья Светлозарии, и я застывал в трансе перед этим таким живым и всепоглощающим видением.

Мне представляется абсолютно правильной и важной частью любого индивидуального существования подобное проживание мгновений, сотканных из воспоминаний лучших моментов своей жизни, на фоне безусловного счастья от вкушения всех оттенков чувств и эмоций посреди океана реализующегося «здесь-и-сейчас» настоящего.

Ради этих возможностей, ради этого дара - быть и любить – я, как раз, и должен сосредоточенно и неустанно двигаться вперёд, осознанно распространяя вокруг себя атмосферу полного и безоговорочного восхищения и почитания всего прекрасного, утончённого, незащитного, такого изысканного и такого ранимо-недолговечного...

Ведь за видимостью смехотворной, а потому и несуществующей брони себялюбия и лжи про грубость, про однозначную материальность окружающего, как и про нашу якобы единственность во вселенной, скрыта самая великая и таинственная правда о неоднозначности всего вокруг, о неминуемой ответственности каждого не только за свою собственную «шкуру»...

- Как ты смешно морщишь брови и пытаешься выглядеть философом! - опять потешалась надо мной Застра, моментально реагируя на мою сиюминутную задумчивость. – Вот расскажу Светломудру какой ты смешной, когда пытаешься выглядеть таким серьёзным!

80

Несколько маленьких, похожих на гномов и эльфов наших земных сказок, существ, выглядывавших из-за множества многофигурных веток и веточек впечатляющей светлозарской флоры, с любопытством приглядывались к нам с Застрой, видимо, пытаясь как-то поддержать нашу с ней телепатическую беседу. Во всяком случае, мне так показалось...

- Смотри, Застра, как робко светлозарцы прячутся за теми вон дюймами и стручками ромашонов... Может, хотят что-то спросить у нас? Или... нет?

Забавные маленькие существа, быстро взглянув на Застру, и как бы получив что-то вроде команды, мигом исчезли из виду, по всей вероятности, просто занявшись дальше своими обычными трудами, ибо за всю историю моего нечастого с ними общения я понял, что это были чуть ли не самые трудолюбивые и скромные существа во вселенной.

- Ты, Барашкин, не понимаешь, наверное, главного... - слегка призадумавшись ответствовала крошка-Застра. – Ведь помимо всего прочего, эти трудяги тоже страшно переживают за тебя и твою миссию на Земле, ведь от неё зависят наши планы и наше будущее!..

- Но я теряюсь, Застрочка, когда... - начал было я.

- Не волнуйся за нас, Ва-ню-ша, - по складам произнесла моё имя Застра, и вновь зазвенел хохотом её голос-колокольчик. – Мы очень дружные и стойкие ребятки, а поэтому будь

спокоен, - наши сердца и наши силы на твоей стороне, а это совсем, совсем не мало, Иван Иваныч...

Глава 42

Соловей нервничал. Ох, как нервничал Соловей... Двухдневные поиски не дали никакого результата. И хотя на ноги были подняты отборные сыскные резервы и ресурсы в лице нескольких спецов из разных подразделений Москвы, результат был нулевой.

Ни звонков, ни дополнительной информации на пульт дежурного ГУ МВД России по вопросу пропажи жены полковника Соловья Виктора Михайловича не поступало.

Валентин Семафоров, юркий молодой лейтенант, «правая рука» полковника оббегал все возможные притоны города, стараясь выудить хотя бы самую микроскопическую зацепку о Ярославе Наумовне... Но тщетно.

Соловей вышел даже на своего самого законспирированного агента среди «воров», посулив такой «откат» в виде определённых месячных льгот для некоторых «структур» Москвы и Московской области в случае удачи с поисками, что доверенное лицо Соловья чуть не лишился дара речи и тут же мотнулся перетирать с нужными людьми такое небывалое «пёрлово»...

81

Соловей сам, как последняя «лягавая», носился и вынюхивал, что почём, готовый продать и душу, и наработанное имя с многолетней репутацией правильного пацана среди самых «ментовских ментов», и даже саму жизнь, ради нахождения Славки.

И если бы всё зависело только от его дикой преданности жене и рьяной упёртости характера, он, конечно же, уже давно вылизывал бы Славку во всех немыслимых позах страсти...

Хотя у судьбы черновики нет.

Но он искал и надеялся, надеялся и искал...

Как вдруг!..

Виктор сорвался с дивана большой просторной гостиной и с завидной прытью совсем не пожилого человека в пенсионном возрасте с ходу набрал приличную скорость сверхбыстрого «Сапсана», услышав отчётливый звонок во входную дверь квартиры. Быстро щёлкнул замок, моментально распахнулась дверь на лестничную клетку, мгновенно вылетел мужчина из квартиры в прохладу подъезда, как будто бы норовя поймать собственную тень...

Никого.

Он даже широко нюхнул пропахший чьей-то недурственной кухней воздух, задрал голову вверх и приняхиваясь, как вымуштрованная гончая.

Видимо, хотел сразу взять след, с единого вдоха зафиксировать через запах облик звонившего...

Никого не было.

Не может быть! Даже запах отсутствовал, даже ощущение живого тела и смутного энергетического послевкусия от человека...

Но этого не может быть!.. Этого просто не может и не могло быть... ведь на полу, прямо под ногами лежал симпатичный маленький конвертик, видимо, для него...

Аккуратный почерк Славки. Ровные, как у школьницы, чуть с наклоном вправо, буквы знакомой до боли манеры кратко выражать чёткую, точную мысль:

НЕ ИЩИ. ПРОСТИ. Я ЛЮБЛЮ ДРУГОВА. СЛАВА

Глава 43

Великое равновесие миров зависело от этого...

«Заказчики» недоумевали: как такой профессионал, как я, всё ещё не сделал работы?

82

Вроде вся информация передана, исполнитель получил предоплату, так что же он до сих пор «телится»?

Ведь за время, которое прошло с начала запуска «проекта в производство», можно было уже несколько раз сделать дело, чтобы и следа не осталось...

Так думали те, кто из-за удалённости от места то ли не хотели, то ли не собирались вникать в главную подробность операции: рядом с Игорем Самуиловичем Плешаком находился невероятный телохранитель, удивительный «ангел», спасающий с такой редкой виртуозностью, что любой «солист» показался бы рядом с ним просто мальчишкой.

И я решил действовать ва-банк...

Я вычислил одно из «интереснейших» укрытий душегубца, в поместье, в нескольких десятках километрах от города.

Это было небольшое, опрятное, с элегантным дизайном, удобное владение, состоящее из двух под «готику» жилых построек и гостевого домика, размещённого чуть поодаль и ближе к саду, роскошно очерченному рядами разросшихся и подстриженных правильными геометрическими формами кустов, - топиар из самшита вечнозелёного и бирючины обыкновенной.

Немаловажной деталью было то самое обстоятельство, что Плешак и не подозревал, что об этом поместье, хоть кто-нибудь знает, тем более и добраться сюда сквозь двойную охрану было практически невозможно. Помимо того, что территория эта была засекречена и принадлежала МВД России, даже не многие из высших чинов его были посвящены в тайну удивительного «заповедника» избранных, который с виду ни чем не отличался от «обыкновенного» загородного элитного посёлка.

Но благодаря одному дорогостоящему проекту совместно с высокопоставленными лицами ООН в России нашли этот удобный для выезда в город и, в то же время, грамотно «припрятанный» в стороне от основных навигационных магистралей двумя озерами, одной речкой и густоховой стеной леса райский участок.

Дружба с нужными влиятельными людьми, а также высокая ценность Игоря Самуиловича как депутата сыграли и тут для него важную роль до такой степени, что он беспрепятственно приобрёл себе защищённое укромное место-тайник.

Сюда он и привёз после памятного и, условно говоря, неудавшегося «жертвоприношения» свою новоиспечённую страсть Ярославу Наумовну Соловей.

В общем, всеми правдами и неправдами, но выучка, «нюх» и беспрецедентное умение работать с информаторами привели меня, как истинного самурая в самое логово зверя...

Здесь, неподалёку я и расположился для наблюдения, но на достаточном расстоянии, чтобы успешно замаскироваться, и, в то же время, видеть через высокоточную оптику своего надёжного партнёра - Remington R11 RSASS (с быстросъёмным глушителем и дальностью выстрела до 1000 метров) - детали перемещений как охранников, так и самого главного персонажа.

Для стрельбы и манёвра местность была крайне некомфортна, не предвещая особо значимых результатов даже такому классному снайперу как я, но я и не рассчитывал именно на огневую составляющую своих боевых действий. На данном этапе меня интересовала лишь характеристика местности да порядок передвижений всех, кто «помог», либо помешал бы моему и божьему замыслу...

Глава 44

- Привет! Я всё сделал... В смысле, записка доставлена по назначению... Ну, и всё такое...

Она оглядывалась по сторонам, со сна ещё до конца не осознавая, где она и что, в сущности, происходит...

Но увидев его тёплую, мягкую улыбку на аккуратно выбритом лице и одновременно сияние влюблённости в широко распахнутых карих глазах, сама радостно и ласково заулыбалась.

Он тоже, как бы враз расслабился, присел на угол широкой комфортной кровати из красного дуба, медленно погладил очертания её лодыжек под тонким французским постельным бельём, взглянул по-детски, исподлобья на неё и спросил:

- Ты хорошо выпалась, любимая?..

Перед её внутренним взором тут же пронеслись, как по мановению волшебной палочки, и огни ночной Москвы, быстро удаляющейся куда-то в ночь, и мелькающие в свете фар таинственные тёмные лесные пейзажи и, наконец, потом, через бесконечное время, горячие руки любимого мужчины в порыве безоглядной страсти оглаживающие всё её сочное и вздрагивающее от поцелуев и ласк тело...

Она перевела на него свои раскосые миндалевидные очи, глубоко, с наслаждением вздохнула, и томно сказала:

- Да, любимый...

В лесу стучал дятел, и сквозь хвойные волны вездесущих веток проскальзывали ритмичные удары по твёрдой деревянной поверхности ствола, будто удары пальцев по клавиатуре старой пишущей машинки...

Где-то рядом, протяжно и печально, кукушка выводила сольную партию с таким чувством и нежностью, что казалось, будто сама вечность убаюкивает вечнозелёные окрестности в утренней лёгкой дымке тумана, не давая просыпаться для новых тревог и забот: «Спи, сладко спи, дорогой...»

Я просчитал вслед за певуче-медвяным голосом птицы ровно три раза и, медленно выдохнув, стал нажимать на курок.

Странно, я часто ловил себя на мысли в такие мгновения, что мои рефлексы словно отделяются от своего хозяина и начинают чётко и слаженно работать, иногда даже вопреки моему сиюминутному настрою, автоматически и безупречно выполняя свои функции ровно так, как того требовала ситуация.

Этот интересный феномен сопутствует любой удачной операции, когда наблюдатель в тебе ощущается каким-то надмирным и безоговорочным инструментом самого существования, присутствуя как бы везде и нигде.

В стеклянном окружье оптического прицела двое людей бережно и очень эротично гладили друг другу щёки, брови, веки, мягко дотрагивались до плеч и рук, как в замедленной киносъёмке, трепетно целовали губы ещё, ещё и ещё...

Женщина совсем не напоминала Наташу и я, даже с каким-то особенным сладострастием, ощутил острую истому мести за свою любимую, за её детей, за всех тех молодых и красивых «королев», которых этот выродец так беззастенчиво и жестоко отправлял в мир иной.

Я предвкушал, как колыхнётся этот гад от пули, как отпрянет женщина от мгновенно испускающего дух мужчины, как закричит, с лицом, забрызганным кровью нелюдя...

Единственно, важно и нужно никак не задеть, даже не «поцарапать» незнакомку... и не передумать.

Ведь мгновение предоставлялось как нельзя более подходящее и своевременное.

Я аккуратно, очень плавно и любовно дождал курок до упора указательным пальцем, как только может профессионал, обожающий свою работу, в то же время чётко осознавая траекторию пули, как видимую линию, соединяющую выходное отверстие и мишень.

Снаряд, чуть дёрнув снайперское оружие, стремительно полетел в цель.

И тут я буквально в долю секунды понял, что вся ситуация резко изменилась прямо на глазах...

Игорь прижался к губам Ярославы, вдруг полностью развернув эту такую желанную для него женщину в сторону приоткрытого окна на втором этаже готической постройки, где они сейчас находились, всё ближе и теснее приникая к ней всем своим телом. Ярослава выгнулась в пояснице, а он быстро опустил голову к её животу, целуя атласную, в пупырышках от любовного озноба кожу, и вдруг ощутил весьма странный толчок всего её тела, а потом женщина просто рухнула рядом с ним на кровать...

85

Я видел, как пуля вошла в голову женщины.

Я понимал, что на её месте должен был находиться кто-то другой, что произошла невероятная и недопустимая ошибка, что, наверное, я не совсем правильно просчитал тайминг, а то и просто неадекватно принял решение именно стрелять, а не дожидаться подходящих обстоятельств, чтобы выйти на «зверя» один на один.

Но всё было кончено...

В следующий момент что-то резко и больно опустилось на мою грешную «самурайскую» голову, и я отключился.

Глава 45

Соловей молча смотрел на безжизненное тело своей жены Ярославы. Так же долго и сосредоточенно, как когда-то там, у себя в кабинете, когда пытался додуматься до невозможного: что же за маньяк орудует в Москве, у него под носом, безнаказанно демонстрируя изощрённый и неуловимый стиль последовательного уничтожения женщин, безумно красивых и дорогих кому-то женщин... Вот так.

А теперь, теперь именно его женщина лежала такой бездыханной и такой роскошной в своём обнажённом великолепии, в чьей-то чужой постели оставив и последний сладострастный вскрик, и последний предсмертный вздох...

Вокруг неспешно двигались дотошные ребята из оперативно-следственной группы, выехавшей с ним на место происшествия, а он всё стоял и стоял, безучастно вперившись в усопшую...

Потом, подойдя вплотную к изголовью кровати, он наклонился и поцеловал Ярославу сначала в холодный лоб, потом в приоткрытые губы, потом спокойно и тщательно прикрыл наготу женщины сползшим на пол тяжёлым стёганым одеялом в узорчатом шёлковом пододеяльнике. Ещё раз осмотрел похожее на восковую маску лицо, с зажмуренными, видимо, в момент наивысшего сексуального удовольствия глазами, с нелепым, зияющим чернотой отверстием во лбу от пробившей навывлет пули, и, наконец, уже целиком прикрыл её одним бесконечно примиряющим жестом.

Валентин, начальник следственной группы, давно уже что-то долго и печально объяснял развернувшемуся к нему шефу, на что тот, внимательно слушавший его подробный тщательный пересказ событий со слов нескольких находившихся неподалёку от места убийства охранников и одной девушки-гувернантки, сказал:

- Извини, можно ещё раз? Не всё расслышал, в ушах, как вата, всё издалека, будто издалека, ты прости...

86

А потом всё-таки, потрепав Валентина по плечу, шеф, слабо улыбнувшись, чуть раскачиваясь, поплёлся к выходу, повторяя:

- Ну, Вы, в общем, пока сами, сами пока...

Бородач Болеслав, лучший эксперт по криминологии главного Управления МВД, а по совместительству близкий друг лейтенанта, коротко бросил:

- Оставь, не видишь, человек не в себе, пусть пойдёт, развеется... Мы уж сами, сами, давай потихоньку...

Валентин коротко взглянув из-под нахмуренных бровей на товарища, буркнул:

- Ладно, без сопливых тут! - и зашагал не торопясь в общую залу, где его смиренно ждали понятые и свидетели происшествия.

Валентин ещё раз переспросил имена присутствующих, аккуратно переписал их себе в зелёного цвета потрёпанную записную книжку. Долго и дотошно выяснял: кто, где ходил, стоял, что слышал, откуда, в какое время и т.д.

Общая картина компактно и вполне ясно складывалась из разрозненных свидетельств и множества довольно точных деталей от охраны особняка и девушки, чернобровой, юркой и симпатичной хохлушки, недавно принятой сюда на работу гувернанткой. Все сходились во

мнениях и высказываниях к тому, что хозяин виллы, известный общественный деятель и депутат Плешак Игорь Самуилович, привёз свою гостью накануне вечером, а сегодня утром в него стреляли, но убили его подругу, с которой в это время он находился, по-видимому, в интимной связи.

Подруга - насмерть, а Игоря Самуиловича увезли на «скорой» из-за шока и сильного нервного потрясения по такому случаю...

В общем, Валентин всё правильно понял и всё правильно записал.

Вскоре личный секретарь пострадавшего депутата, приехавший в особняк и конфиденциально отозвавший его в сторонку, недвусмысленно заявил, что в интересах следствия и его, Валентина, ближайшей карьеры, желательно избежать упоминания и в средствах информации, и на докладе высокому начальству «конкретных нюансов» произошедшего в части интимных подробностей покушения, а лучше лишь сосредоточиться на самом факте злостной попытки преступления по отношению к хозяину виллы.

Так звучала то ли просьба, то ли завуалированная угроза сильного мира сего, на что Валентин так же коротко, как обычно, отрезал в сердцах:

- Да, пошёл ты на...

Секретарь депутата сделал круглые оловянные глаза и прошипел:

- Ну, ты смотри, я тебя предупредил, босота, ишь ты...

А потом аж отпрыгнул от мгновенно брошенного на него взгляда лейтенанта, который, казалось, остановись он чуть дольше на бедолаге, прожёт бы на нём дырку, а то и того хуже, отправил бы горящую головёшку зазевавшегося личного секретаря депутата действительно далеко «на...».

Только выезжая с места преступления, Валентин вдруг вспомнил, что Соловей ушёл, как был без сопровождения, без машины, без него, безоговорочного своего почитателя и ученика, лейтенанта Вальки Семафорова.

«Я сам его найду, подберу по дороге, или как-нибудь...», - подумал, руля милицейской «волжанкой», молодой и преданный своему делу офицер.

Глава 46

В помещении находилось несколько человек. Сырое, полутёмное и нелюдимое, оно ясно давало представление о своём специальном предназначении...

Единственная, но очень яркая маленькая лампочка на 220 ватт резала мне глаза, влезая своим убийственным свечением в самый мозг. Болели скулы и подбитое веко, кровоточившее и

саднившее назойливо и противно. Другой глаз заплыл, но видимость осталась, и я старался разобрать лица присутствующих, как всегда для того, чтобы запомнить надолго и вернуть долги. Я ведь всегда возвращаю долги...

- Ну, что, мясник? - говоривший стоял, как раз под лампочкой и поэтому различить даже силуэт я не мог, хотя сразу догадался, кому может принадлежать этот вежливый, властный, не предвещающий ничего хорошего, но в то же время достаточно приятный баритон, что в данных обстоятельствах даже вызвало у меня слабую улыбку.

- Хихикаешь, выродок, смешно? А я всё думаю: какой мерой испытаний можно привести человека к подлинному прозрению? - воцарилось молчание и, я понял, что, видимо, теперь ждали моего ответа.

Но язык совсем не слушался, - вязкая и липкая слюна, перемешанная с кровью, стягивала изнутри рот и не давала говорить. Я промычал что-то весьма нечленораздельное и опять вяло заулыбался.

- Вот-вот, господин снайпер, это даже не начало ещё, а всего лишь попытка доброй воли дать тебе перед непростой дорогой в ад некоторую паузу... Паузу, дорогуша, чтобы ты вспомнил в своей жалкой жизни, хотя бы одно светлое пятнышко и повинулся перед теми, кого любил!.. Попросил прощения у них и у всех, кого загубило твоё чёрное варварское сердце!..

«Ого, да он проповедник, мать его...» - подумал я и снова не сдержал кривую усмешку...

Благо, к моему великому удовлетворению, мыслить я мог вполне вразумительно и логично. Правда, ощущения от всех остальных органов тела были смутные, но я, по крайней мере, судил ясно и строго о происходящем... Значит, и запоминать, и просчитывать дальнейшие ходы тоже мог связно и обдуманно, следовательно, следовательно, дорога к жизни не была заказана, я имел и надежду и веру в то, что следующая часть моего существования пройдёт также в соответствии с величайшим «Кодексом самурая». Я могу сам выбирать между жизнью и смертью, я могу сам, добровольно, перейти в нирвану...

У меня снова на лице появилось некое невыразительное подобие улыбки...

- Эта свинья всё равно не раскается... - вновь донёсся до меня бархатный баритон. — Вот что, ребята, мне с ним точно выяснять больше нечего. А Вы поработайте здесь с ним по... поискусней, пометодичней, а потом скиньте, где подальше, желательно частями... Ну, и доложите по исполнению. Добро? - обратился «голос» к своей своре приспешников.

- В лучшем виде произведём! - хрипло сказал кто-то и вслед за этим раздались отдельные одобрительные выкрики.

- Так что мне пора, выродок! - обратился вновь ко мне хозяин бархатного голоса. — Думаю, после работы ребят, навряд ли найдётся возможность у кого бы то ни было собрать тебя в целости, как одно! Но там, в аду, я думаю твоё лютное существование всё равно не будет

нуждаться больше ни в чём, кроме сковородки... Какая разница по частям или как-то иначе... Прощай, жалкое отродье!..

После этих слов послышались удаляющиеся шаги, а потом кто-то сказал, как будто дело касалось обыденного процесса:

- Петро, сначала ты будешь от него куски отрезать, вслед за тобой Митько, Василь, ну и остальные... А я подожду и на десерт, что-нибудь сбацаю по-нашему, по-селянски, го-го-го... - заржал молодой дюжий басок.

В следующее мгновение, что-то больно и резко вошло в моё бедро над коленом. Я сидел на привинченном к полу металлическом стуле и не мог пошевелиться, впрочем, как-то дёргаться и проявлять «законное» сопротивление, у меня не было ни возможности, ни желания, но я вздрогнул и промычал какое-то ругательство.

Почти теряя сознание, я увидел, как в дымке, странную фигуру, выросшую из ниоткуда...

- А, привет! Да ты что, сволочь! - как-то неожиданно отреагировал на это появление «басок» и несколько долгих секунд шла бурная и очень шумная возня, в которой слышались только отдельные стоны то тут, то там да яростные вскрики и резко затухающая брань...

Потом послышался топот многочисленных пар ног, снова вскрики, судорожные стоны, ругань и шумная возня.

Наконец, всё стихло...

Потом спокойный приятный голос проговорил:

- Извини, брат, чуть-чуть опоздал. Долго выбирался из пробок. Приношу извинения.

Потом меня отвязали, куда-то долго несли... Я терял сознание, вновь приходил в себя, вновь терял сознание.

Мы ехали, подпрыгивая на каких-то кочках, объезжали рытвины, слегка увязали в увлажнённой, зыбкой грязи, потом вырулили на гладкое шоссе и поехали плавно, на приличной скорости в непонятном направлении...

Для всех моих, то затухающих, то просыпающихся от дремоты забытья, хорошо тренированных чувств это было таким умиротворяющим и облегчающим напряжение всей моей предыдущей биографии событием, словно таинственные и блаженные процедуры у какого-то неземного доктора.

День разгорался нежным оранжево-малиновым заревом со стороны востока, томные редкие облачка подставляли бока этому божественному свету, и небо казалось одной огромной сюрреалистической картиной без персонажей. Оно было как гигантское полотно-подтверждение тому, что нет никого и ничего в этом загадочном, прекрасном и безумно

непонятном мире со всеми его войнами, конфликтами, выяснением правоты и безудержным движением к вечности...

Мне было так хорошо, как будто меня опять неожиданно и надолго поместили в детство, в те замечательно-волшебные времена, когда даже побои сверстников и жестокое равнодушие педагогов-воспитателей вкупе с постоянным желанием сбежать куда подальше, всё равно рождали неясную сладкую тоску по воссоединению с чем-то воистину здоровским и важным, воистину близким до спазмы, до одурения, до максимального счастья...

Тем более что мой старший брат-погодок, о котором я всегда помнил, невзирая на наше раннее расставание и разъезд по разным детским домам, тоже был всегдашним напоминанием об этом неминуемом, на сто процентов, воссоединении в одну дружную, пусть не семью, но подлинно-родственную общность.

Я снова заулыбался по-детски счастливой и радостной улыбкой, повертел головой, расправил болезненное тело, и потянулся...

Брат повернул ко мне такое знакомое, такое доброе и непохожее на моё, но такое родное лицо, подмигнул и сказал:

- Доброе утро, брат! Ты меня узнал, бродяга?.. Я ведь думал, что тебя уже давно нет в живых... Воспитатель сказал, что ты умер от воспаления лёгких после того, как тебя увезли в другой детский дом... Представляешь, какая хренота, брат?

90

Глава 47

- Барашкин! Остап! И куда опять запропастился этот засранец?! - могучая в плечах, как и во всём остальном торсе, воспитательница районного детского дома №2 имени Ленинского комсомола, Зинаида Даздрапермовна Штульц, шоркая мощными ногами в старых вязаных чулках, обстоятельно обходила комнаты второго этажа.

- И где он, маленький мерзавец? - спрашивала она саму себя, изредка нагибаясь и заглядывая под стоявшие в каждой комнате железные кровати, застланные синими, по линейке, шерстяными форменными одеялами. – Ишь ты, и тут нет...Ну, погоди, погоди мне, сукин сын, доберусь я до твоей чёртовой задницы... Вздую по первое число!..

Наконец, после очередного приседания, она, тяжело дыша и вяло перебирая четырьмя точками опоры, доползла и привалилась к ребристой спинке одной из кроватей.

Ребятишки бегали где-то во дворе, задиристо и шумно играя в «войнушку», тогда как «этот разбойник» наверняка прятался где-то рядом и выжидал только момента, чтобы вычурно набедокурить, устроив либо очередной поджог-фейерверк, либо мировой потоп...

С тех пор, как его доставили чёрт-те знает из какого зауральского захолустья в приморский город N-ск, ей постоянно приходилось заниматься его вихрастой рыжекудрой персоной, которую, честно сказать, она возненавидела больше любого здешнего мерзавца-воспитанника.

Зинаида Даздрапермовна Штульц была потомственной казахстанской немкой, которую судьба, немилосердно потрепав в путешествиях по многим и многим «совдеповским» детским домам, забросила, в конце концов, сюда, в N-ск, такую же российскую «жо...», как и все другие подобные городки-посёлки в бесконечной дали от столицы.

Правда, N-ск, был курортной «жо...», но здоровье Зинаиды Даздрапермовны никак не позволяло чувствовать себя здесь вольготно и хорошо, несмотря на достойную оплату труда и максимальную свободу действий старшей воспитательницы.

Она чихнула, закашлялась, охнула, встала на четвереньки, и уже потом, изрядно наматерившись, «поползла» вверх по чугунной спинке детской кровати, чтобы продолжить поиски...

Вихрастое семилетнее чудо-Остап тем временем выпрыгнул из чулана на первом этаже, прогремев рассыпавшимися в разные стороны вёдрами, щётками и швабрами, крутанулся на месте на триста шестьдесят градусов и с гиканьем рванул на улицу, предвкушая следующее своё глубоко творческое озорство по отношению к «братьям-детдомовцам».

91

Чуть не слетев кубарем с каменной четырёхступенной, с отбитыми в разных местах кусками цемента, будто изгрызанной мышами, лестницы, он с ходу уткнулся носом в кожаное пальто какого-то странного дяди, неизвестно откуда взявшегося в этой глуши в таком дорогом и непривычном для Остапа одеянии...

Дядя, ласково перехватив его за обе руки повыше локтей и заговорщически приблизив наодеколоненный дорогим мужским запахом подбородок, проговорил приветливо, но серьёзно, глядя в лицо Остапа жгучими, как у цыганского барона, узенькими щёлками глаз:

- Ну, что, пострелёнок, не ты ли будешь, знаменитый Остап Барашкин?

Тот отпрянул от незнакомца, набрал в полногубый рот побольше то ли воздуха, то ли слюны, хотел было произвести некую операцию освобождения от этого «запаса», но вдруг передумав, сглотнул и ответил передразнивая южный говор «дяди»:

- Ну, чё-ё, не видишь са-ам, чё ли, я и есть тот самый знаменитость!!!

Проорав это прямо в свежевыбритое лицо незнакомца, Остап высвободил свои руки одним рывком и с гордо поднятой головой и словами: «Руками не лапать, э-э-э, слышь?! До-ро-го!», - тут же мотанулся по своим пацаньим делам.

Тут же показалась из дверей вездесущая старшая воспитательница с видом и замашками Держиморды и, в свою очередь, тоже промышчала вдогон Остапу низким грудным рыком:

- Эй, заморыш, ты как с представителем власти разговариваешь? Давно по заду не получал, чтоб тебя?!

На что «представитель власти», слегка поморщившись, тихо, но солидно отреагировал:

- Не стоит беспокоиться, Зинаида Даздрапермовна, пускай сорванец побеждает перед долгой дорогой, а мы с Вами пока уладим все формальности, и подпишем документы.

И пока дюжая тётка перенаправляла «корму» в обратную сторону, коротко взглянул в сторону улепётывающей «знаменитости» и зорко оценивая норовистость сухонького, но жилистого пацанчика, с лукавой улыбкой пробормотал:

- Гарный парубок будэ!

Потом обращаясь к своим двум помощникам, крепким и молчаливым бугаям-хохлам, властно и спокойно бросил:

- А Вы, хлопцы, ожидайте пока малёхо. Скоро в дорогу!

Те дружно и бодро кивнули.

Невысокий изящный мужчина в новом кожаном пальто, по-военному чётко развернувшись на каблуках высоких гражданских сапог, мягко, но уверенно ступая, зашагал в старую, издававшую виды, полуразвалившуюся халупу детского дома имени Ленинского комсомола.

92

Глава 48

Сопки тянулись так долго, что Остапу показалось, - конца и края не будет этой злосчастной дороге. Не знал он, что в недалёком будущем, здесь, среди сопот Дальнего Востока предстоит ему, Барашкину, бесконечная череда тренировок на выносливость и силу, ловкость и меткость, многокилометровые пробежки по мшистым и топким низинам, скоростные взбеги на крутые откосы, покрытые высокотравьем в человеческий рост и склизкой, творожной землёй.

Не знал он и о том, что ему, выбранному из сотен и сотен кандидатов, из таких же, как и он сам, детишек-сирот, по разным неизвестным и непонятным для обычного ума строгим выверенным характеристикам, провезённому чуть ли не через всю страну в закрытом спецтранспорте, предстоит долгие годы оттачивать навыки настоящего шпиона-диверсанта.

Будут здесь и помимо него обучаться тайному мастерству агента спецслужб и другие ребята-новички, но именно он, Остап Барашкин, предназначался в очень сложной системе взаимодействий дружественных Советскому Союзу стран и экономических монополий делать архиважную секретную работу.

Из него создадут непревзойдённого бойца-киллера, снайпера высочайшего разряда и беспрецедентных навыков.

А пока он трясся вместе со своими тремя провожатыми, лейтенантом ГРУ Сергеем Иванцом и двумя прапорщиками местной восковой части погранвойск: приземистым крепышом Юрием Петровым и долговязым, как деревенский колодезный «журавль», но крепким и жилистым Василием Коневродом, - в железном и гулком чреве БМП-60П.

К вечеру, когда сине-лилово-розовая палитра неба, торжественно расцвеченная над одной из воинских застав Дальнереченского пограничного отряда, безмятежно и лениво растворялась в набегающих и загадочных тенях дальневосточных сумерек, машина, урча мотором, въехала на территорию погранслужбы.

Застава мирно и неторопливо готовилась к вечерней поверке. Шлагбаум КП плавно нырнул на обычное своё горизонтальное место, а БМП пропылило к месту стоянки среди другой военной техники. Пассажиры бодро и молча высадились и выгрузили небогатые солдатские «пожитки». Остап с интересом разглядывал новое место, высматривая какое-нибудь для себя «стоящее» занятие. Лейтенант, как видно, опытный в обращении с неуёмной прытью некоторых индивидуумов, легонько подтолкнул мальчика в сторону двухэтажного приземистого помещения штаба заставы и коротко скомандовал:

- Воспитанник Барашкин, живо в помещение ленинской комнаты на первый этаж. Там подождёшь меня. Я скоро приду. И без фокусов, смирно будь. Понял?

93

Новоиспечённый воспитанник как замороженный в этот момент осматривал огромный КАМАЗ с гигантскими невиданными колёсами, и обращение лейтенанта Иванца пропустил мимо ушей.

- Барашкин! - вдруг круто гаркнул военный и больно схватил мальчика за правый маленький бицепс. – Слышишь, воспитанник! Кому сказано, в ленинскую комнату шагом м-марш!

Остап поморщившись, гневно зыркнул на Иванца и ответил, сглотнув неожиданно обильную от обиды слезу:

- Ладно, дядь, ну, чё ты, понял я, понял, дядь, больше не буду!...

Лейтенант быстро уладил формальности, договорился об ужине и ночлеге для себя и «малолетнего самовольщика» и вышел обратно во двор. Воздух смачно влился в широкую грудь предосенней небывалой терпкостью и упругой прозрачной силой. Где-то ухнул одинокий филин, а потом, как будто вторя ему, отозвался далёким тоскливым и властным воем матёрый волчище, а потом другой, и ещё, и ещё один. Иванец в сердцах передёрнул могучими плечами и тихо выругался:

- Ну, что, мля, мир древний и жестокий, принимай новую боевую единицу в свои ряды!

И зашагал к ленинской комнате, все три окна которой были почему-то подозрительно темны и безмолвны. Он вмах дёрнулся в помещение и резко рванул дверь на себя. Предательски бухнулось сверху ведро с какой-то жидкостью, медным звоном салютуя вбежавшему и проливая на него своё вонючее содержимое. Лейтенант охнув, откинул от себя жестяную посудину, прыжком подлетел к выключателю и зажёл свет.

Во всю стену, свежештукатуренную и сияющую горделивой белизной, протянулась жирная и контрастирующая с ней кирпично-ржавая надпись с тремя восклицательными знаками и восхитительной вмятиной от кирпича: «ТЫ ДЯДЯ СУКА!!!»

Иванец потёр шишку на лбу и только сейчас понял, что жидкостью в злополучном ведре была моча, кислая и вонючая моча, да к тому же, почему-то, с омерзительным привкусом кошачьего помёта... Пацана нигде не было. Как чуть позже выяснилось, - нигде не было...

Заставу подняли по тревоге.

Через две недели холодного и оголодавшего, вывалянного в грязи и пропахшего разнообразными по силе и стойкости испарениями тайги, бледного, злого, но несдавшегося «милостям» дикой и свирепой природы, его нашли на высокой разлапистой ели, где он благополучно спасался от двухдневных нападков уссурийского тигра...

Его отмыли и откормили. Выдали новенькую защитного цвета форму. Отправили дальше по пути его основного назначения, в лагерь подготовки юных диверсантов, близ вечно дымящихся сопок-вулканов, где ему предстояло жить, тренироваться и сдавать очередные экзамены не на жизнь, а на смерть...

Лейтенанта Иванца разжаловали до рядового, но службу нести, как наставника молодого «дарования» - Остапа Барашкина, он всё же продолжил, ибо был не прост и многому серьёзно научен из боевых воинских практик. Пусть, мол, его такого-сякого, Сергей Максимыч, учится на собственных ошибках, как общаться с подрастающим поколением. Мальчик же – будущий элитный убийца, так что все промахи придётся искупать собственной смекалкой да опытом, совместными, так сказать, бдениями-учениями. А вот прозвище теперь у Остапа зато – Добрый, раз уж так везёт во всём парню. Так и будет по документам, по всем проходить, как «Добрый», Добрый Остап. Так-то.

Глава 49

Остап всегда отличался большой скрупулёзностью и собранностью для любой задачи, какую бы перед ним не ставили. И одновременно, удалство и бесшабашность его необузданной натуры были таковы, что никак не укладывались в приемлемые рамки, постоянно беря верх над любой самой авантюрной фантазией... Одним словом, энергия из него извергалась просто нечеловеческая и фонтанировала за пределами обычного понимания, требуя к себе, соответственно, и совершенно особого уровня соучастия и внимания.

Играючи нырял он в омуты бурных рек, стоял, медитируя, подолгу в ледяной воде горных водопадов, ходил и бегал на огромные расстояния за пушным зверем и другой таёжной добычей, не гнушаясь охотой с ружьём или острогой на более крупную и опасную дичь.

Не страшился проводить ночи и в холодных степях на скрипучем снегу, согреваясь особым дыханием, которому обучали неустойчивые инструкторы...

Быстро осваивал хитрости различных единоборств, сложную акробатику и силовые упражнения с тяжестями и снарядами на специально оборудованной площадке. Причём, тренироваться приходилось, кувыряясь и на гравии, и на камнях, и на битом стекле...

Не горел, как говорится, парень в огне, безоглядно бросался в ситуации на повышенных скоростях и побеждал, побеждал, побеждал своим невиданным упорством лень и отчаянье, неопытность и собственные неумелости.

Рос, словно на дрожжах, в этом юном теле какой-то необычайный, богом дарованный, талант к настоящему поступку.

И Остап, освоившись, скоро перегнал всех своих соучеников и стал абсолютным лидером по всем дисциплинам. Его уважали, его боялись, его недолюбливали...

Даже выдавшие виды боевые инструкторы, по прошествии первых пяти лет обучения, не пытались ни доминировать, ни навязывать своё наставническое мнение, зная непреклонный и ретивый нрав подопечного.

Однажды, например, не поделив чего-то с местными охотниками, на выполнении очередного довольно сложного задания, он, отработав инструкции, на две ночи ушёл пешком вдогон «обидчикам», которых потом проискав значительный период времени, нашли вчетвером привязанными на высокой сосне...

Как смог безусый юнец запихнуть туда этих здоровенных бывалых мужиков навсегда осталось загадкой.

Да и расспрашивать, на самом деле, ни у кого не возникло ни малейшего желания...

В другой раз притащил он в учебный лагерь целого волчищу-хищника, прикрепленного к палке по всем правилам охотничьего промысла тугой альпинистской верёвкой. Да ещё и посетовал, что целых двое суток вместо задуманных одних, гонялся за прославленным на весь дальневосточный округ серым убийцей-призраком домашнего скота. Хотя поймать к тому времени животное не могли долгих два года поисков и облав...

Был у него и героический случай спасения нескольких переправлявшихся на плоту туристов, попавших по весенней тяжёлой воде в крутой водоворот и чуть не утонувших среди острых льдин, если бы не вездесущий Остап Барашкин, оказавшийся случайно поблизости.

Но всё это в прошлом, а сейчас молодой будущий специалист по «отбиранию жизней» у сильных мира сего вот уже третий год после совершеннолетия проходил обучение на острове Хоккайдо у лучшего мастера древней традиции меча Тошибэ Мосату.

Довольно преклонного возраста прославленный на весь мир древнего искусства кендзюцу гуру не жаловал своего ученика из советской страны. Часто влезавший во всяческие конфликты и драки с местными озорниками на земле древней Японии молодой человек, хоть и выходил из них здоровым и невредимым, но постоянно терпел нещадные наказания от учителя старой воинской школы.

«Воин беды» называл Остапа Тошибэ Мосату, «старый трухлявый пенёк» называл в лицо мастера на чистом русском языке, смиренно кланяясь, невинно глядя в глаза своему наставнику, Остап Барашкин.

Но при этом гордился старый мастер виртуозного искусства своим русским учеником.

Ведь такую незаурядную отвагу вместе с природным самоощущением меча как части самого себя он в своей жизни встречал впервые...

Глава 50

96

Искусство меча (кендзюцу) – древняя и мощная, как сама жизнь, технология выживания и наука осмысления человеком своего места в мире.

Япония с давних времён и по сей день идёт своеобразным, ни на кого и ни на что не похожим путём.

Она берёт свою силу в глубоко уникальном и необычайно поэтическом религиозном мировидении своего народа.

Именно такое мироощущение, такое видение мироустройства породило и особое отношение к изготовлению, использованию и владению смертоносным оружием-символом войны, защищающим человека и одновременно отнимающим у него жизнь.

Мудрый Тошибэ Мосату сумел показать своему ученику из великого и могучего СССР на что способен «дух, воплощённый в стали».

- Как меч состоит из тонких слоёв, накладываемых один на другой в процессековки, так и личность подлинного самурая состоит из множества слоёв упорных тренировок, многолетних духовных упражнений, мужества, и, конечно же, следования воинскому кодексу доблести, - с прищуром глядя на Остапа, не раз и не два говаривал «старый трухлявый пенёк».

- Ты должен знать также, о, ученик, что в своде законов правителя Токугава Иэясу говорится: «Каждый, кто имеет право носить длинный меч, должен помнить, что его меч

должен рассматриваться как его душа, что он должен отделиться от него лишь тогда, когда он расстанется с жизнью. Если он забудет о своём мече, то он должен быть наказан». - Продолжал тут же старый опытный мастер, с каким-то особенным волнением переживая каждый звук произносимого текста манускрипта.

Видимо поэтому, он всегда хотел видеть в Барашкине не только виртуозного мастера катаны (длинного меча), перерубающего одним ударом тело врага, но ещё и смиренного воина высшего сословия духа, который свято чтит и священную традицию бусидо, что и сам был безупречным примером идеального воина страны Восходящего Солнца.

Остапу же из всех нравоучений старца всегда по душе приходились лишь упоминания принципов «Пути самурая», которые он с ходу заучивал наизусть.

И так же как из всех видов оружия, как то: лук (о-юми), копьё (яри), железная дубинка (дзиттэ) и разные другие, изучавшиеся им добросовестно и по мере необходимости, он всё же предпочитал дайто (меч), так и негласный свод законов самурая бусидо он избрал для себя единственной и главной мерой всех вещей.

«Храбрость истинного воина в том и состоит, чтобы жить в момент бытия и погибнуть без сожаления в миг последнего вдоха». - Так сформулировал Остап Барашкин наиважнейшую максиму своего существования.

А в остальном неуёмная харизма так и влекла его по жизни навстречу всем возможным перипетиям судьбы, которые он всегда встречал с искромётным азартом подлинного игрока по своим собственным правилам.

Эка, его близкий и добрый товарищ, с которым он проводил наибольшую часть своего досуга, именно это больше всего и читил в Остапе, что тот мог спокойно снять и отдать за дружбу последнюю рубашку, но когда речь шла о его сокровенных убеждениях, превращался для оппонентов в истинно разрушительную и ужасающую цунами...

На этот раз друзья направлялись на канал Отару, где по вечерам красиво зажигались старомодные газовые фонари и ностальгический привкус морской солёной воды, приносимый лёгким бризом с моря, успокаивал печаль сердца Остапа далёкими воспоминаниями зауральской России...

От скромного жилища Тошибэ Мосату можно было трусцой пробежаться по привычной для бега в порт зелёной, как будто малахитовой, тропке прямо до места, куда ребята намеревались попасть, чтобы посетить чайную церемонию или просто расслабленно побродить и поглазеть на красивых девчонок в колоритно расцвеченных кимоно.

Но бежать не хотелось, жара не спала под вечер, и решено было даже сделать небольшой крюк по дороге в сторону улицы Сакаимачи.

Эко любил Остапа, как брата, которого у него никогда не было... были две младшие сестрёнки и мать, которая с утра до ночи батрачила на рыбном промысле.

Поэтому Эко считался в семье за самого старшего, и ощущение «плеча» лучшего друга при каждой встрече становилось для него долгожданным подарком. Остап же сам временами тосковал по-своему старшему брату, который, как известили Остапа, умер от оспы после того, как из разъединили... И в лице своего товарища Эко он тоже нашёл, пусть и слабую, но такую необходимую ему сейчас компенсацию.

Они познакомились с Эко совершенно случайно, когда возвращаясь из очередной прогулки по побережью в районе порта, Остап неожиданно столкнулся нос к носу с отвратительной ватагой местных хулиганов, которые в самом прямом смысле слова раздевали какого-то бедолагу, глумясь над его беспомощным положением...

Сам Остап был невысок, но ступал с благородством господина, являя для бандюг, видимо, ещё одну удачную цель сегодняшнего вечера. Поэтому и здесь они решили не церемониться...

- Э-эй, чиисаэ сакана! Дочира-но го щющцин дэсу ка?

- Мичи-ни маёимащита...Сумимасэн... Гэри...О-тэарай-ва дочира де сука... - ответил Остап. Он любил дзэн-приколы и любил подобные ситуации, в которых его таланты раскрывались самым впечатляющим образом...

- Нани??... - опешил его «собеседник».

98

Но великолепный Остап не стал развивать тему, а сразу осознав невозможность мирного урегулирования, с наслаждением принялся за «ювелирную» работу. И десяти секунд не прошло, как небольшой посох, с которым ему часто приходилось прогуливаться в одиночку, в его умелых руках, мгновенно превратившись в достойное ситуации оружие возмездия, беспощадно расставил все точки над «i» в «монолог» с тринадцатью оголтелыми нападавшими...

Эко, у которого были в городе знакомые из школы кендо довольно высоких «данов», впоследствии так и не смог самому себе объяснить, что тогда реально произошло. Просто один стройный молодой человек, мирно прогуливавшийся на его счастье неподалёку, привлечённый шумом и громкими ругательствами, ставший, между прочим, вскоре его закадычным другом, вдруг моментально преобразившись в кого-то наподобие дракона, разбросал целую банду злодеев буквально на сверхзвуковых скоростях.

- Аригатоу... - только и смог выговорить ошарашенный пострадавший, челюсть которого от удивления, казалось, почти достигла уровня земли.

- Доуитащимащите. - Вежливо ответил незнакомец и представился: - То моушимасу Остап.

Потом широко и сердечно улыбнувшись:

- О-гэнки дес ка?

- Гэнки дес, Оси-сан! - вдруг выпалил придя в себя Эка. – Аригатоу!!! Доумо аригатоу годзаимас!!!

- Даиджёубу десу ка? - продолжая улыбаться, спросил «Оси-сан».

- Даиджёубу десу... аригатоу... - одеваясь в нехитрое тряпье и стеснительно прикрывая свою кровоточащую наготу, отвечал спасённый. И, наконец, окончательно придя в себя, поклонился:

- То моушимасу Эка, Оси-сан. - А потом с достоинством и осторожно оглядел своего спасителя. Оба дружно и понимающе расхохотались.

С того памятного вечера прошло ровно два года и они шли сейчас, тихо переговариваясь и беззаботно смеясь, на канал Отару через улицу Сакаимачи...

Пространство заполняло мир в романтической прибрежной зоне города Отару жаркой и ласковой ноткой печали под сурдинку томно плывущей в небесной воде луны. Остапу оставалось «гостить» в сказочно-загадочной Японии ещё три с половиной месяца...

Глава 51

99

Машину тряхнуло на повороте и Остап, ойкнув, болезненно поморщился.

Иван, взглянув на него через плечо, подумал: «И досталось же бедолаге! Да ещё и от собственного родного брата... Ну, откуда я мог знать, за кем охочусь?» - Вслух же произнёс:

- Что, брательник, каково возрождаться после бури?

Остап что-то буркнул, но не смог сдержать улыбки, подумав про себя: «Всё-таки старший брат опять со мной... И как же это классно для самурая вновь обрести семью!»

Мотор снова мягко заурчал после плавного переключения скоростей и BMW X-5, как шикарная белая яхта, ровно легла на курс автомобильной магистрали.

Дорога уходила за горизонт текущей, знойной от солнца, лентой-потокком.

Длинный караван разнокалиберных средств передвижения оживлённо тёк в бескрайнюю неизвестность, чуть покачиваясь в мареве степной зоны, и грёзы памяти последовательно высказывали из прошлого неспешной чередой ярких и знакомых картинок...

Они добрались с Эко до канала и медленно прогуливаясь, начали неспешно ходить туда-сюда по улице, которая раньше была разгрузочно-погрузочной территорией доков необыкновенно романтической части старого Отару.

Именно такое её качество особенно привлекало сейчас Остапа. Ведь он точно знал, что пришёл сюда сегодня вечером только ради Неё, своей прелестнейшей Незнакомки...

Тогда, месяц назад, когда они с Эко вот также не спеша прохаживались, весело балагурия, смеясь и подтрунивая над редкими в эту пору прохожими в жаркий, жаркий августовский полдень.

Она шла, слегка наклонив голову, близоруко щурясь и прикрываясь широкополым бумажным зонтиком...

Она плыла, как какой-нибудь пиратский корабль «Золотая Лань», безнадежно и хищнически-невинно вырвав сразу и бесповоротно из его груди и сердце, и отвагу героя, и бесшабашную веру самурая в собственную защищенность и неуязвимость для любых стрел, копий и разящих без жалости мечей...

Она сама была мечом, - закаленным в тысяче печей и отполированным до сияющего блеска совершенным мечом-убийцей.

Она разила наповал своим нежным и возбуждающим мужчин Присутствием, присутствием подлинной Тайны, истинного Великолепия Всего Мироздания!..

В этот момент Оси-сан сам прошёл наиважнейшую инициацию – посвящение в Красоту-Любовь-Счастье...

100

Она была, начинающей свою карьеру и прошедшей уже обряд мизу-агэ, молодой гейшей. Как раз в этот день она собиралась пройти следующую важную церемонию после мизуагэ, которая называлась эри-каэ или «превращение воротничка» со своей старшей напарницей, опытной гейшей Цукиё Танигути.

Она шла в свою окия из другого дома гейш, где по поручению «матушки» (ока-сан) и в сопровождении «старшей сестры» получала последние инструкции по предстоящему событию.

Цукиё Танэгути задержалась, беседуя с тамошней ока-сан, владелицей дома гейш Айми Миямото, а красавица Аоми Симидзу как раз выходила из гостей навстречу своей судьбе...

Остап вспоминал, лёжа с задранными на спинку переднего кресла ногами, как они, Аоми и он, испытали подобие жёсткого столкновения взглядами, а потом стена этого неожиданно взрывного столкновения лопнула и ушла куда-то в небытие, обнажая невероятный по силе магнетизм притяжения двух существ...

Он видел, будто в замедленном кинофильме, невольное своё движение к девушке, а потом уже другой взгляд, суровый и ледяной взгляд наставницы Цукиё, который словно перерезал этот его естественный порыв тонким, но очень острым, как бритва, лучом враждебности.

Ловкий и тренированный Остап выследил место, куда потом скрылись женщины, а через некоторое время разузнал, когда лучше всего и вернее можно встретить на прогулке свою мечту...

Ему потребовалось максимум ума и выдержки, чтобы дожидаться шанса и заговорить с девушкой, узнать её имя и наметить ближайшую возможность свидания.

Эта была страстная, но очень короткая история, за период которой оба любовника дали друг другу так много тепла, романтики чувств и понимания своих интимных желаний...

Остап Добрый, как его прозвали за умения и поддержку тех, кто нуждался в этом, Остап, ставший настоящим самураем под руководством своего мастера, сделался ещё и великолепным любовником благодаря талантам, утончённости, пылкости сердца и темпераменту чувственной натуры молодой гейши Аоми Симидзу.

«В каждой женщине с того момента я искал ЕЁ, этот эталон высшей женственности, глубины самоотдачи, безукоризненной внешности богини, которые подарило мне милосердное Провидение в лице японской возлюбленной!» - Думал со светлой печалью и глубокой благодарностью к Мирозданию, избитый, счастливый и никогда не сдающийся воин и посвящённый в великую тайну земной Красоты, я, Барашкин-младший.

А перед внутренним взором всё текли и текли, словно кадры нескончаемого кино, видения беспощадного в своей пронзительной ясности прошлого...

101

Вот улыбающиеся губы Аоми прикасаются к моему телу в самых неожиданных, самых чутких к поцелуям местах, вот её длинные пальцы скользят по содрогающимся от приступов экстаза моей груди, моей шее.

Вот я, перехватив инициативу, своими пылающими страстью ладонями с неистовой нежностью охватываю её бедра и сжимаю в нескончаемом потоке восторгов, вихре бурных и трепетных ласк...

Глава 52

Смеркалось. Широким, нежно-оранжевым крылом изгибалась заря в полёте от края неба до края. Монотонная езда по трассе несколько утомила меня, но мысли неотступно были привязаны к Светлозарии и усталость я почти не замечал...

Со времени моего последнего «посещения» благословенной страны духов-эльфов прошло уже несколько дней. Как я ни старался вернуться в недолгих и обрывочно-неспокойных снах к моим друзьям, к моему наставнику, - у меня ничего не получалось.

Тягостные предчувствия, как нарочно, терзали воображение разной дрянью.

Мережились полчища Моргия, берущие приступом волшебные земли субъядерного королевства, перекошенное ужасом, всегда такое приветливое, смеющееся личико феи Застры, разбегающиеся в разные стороны миниатюрные жители Светлозарии...

В общем, вместо того, чтобы сосредоточиться на теперешнем действительном, я пытался погрузиться в «воображаемое».

Видимо, хотел «вскочить» в будущее, которое безуспешно ускользало от моей разбушевавшейся фантазии. И почему человек склонен всё преувеличивать, особенно некрасивое и безрадостное?!

Да, не хватало ещё посреди трассы перед въездом в Пермь «разразиться» философскими прениями с самим собой, благо, что брат на заднем сиденье довольно похрапывал и к моей зависти видел девятый сон, конечно же, не из моей «видеотеки», но всё же, всё же...

Сумерки сгущались на подъезде к Перми, и город вдалеке казался огнями некой электрической галактики, в которой, тоже, наверняка, жили добрые и гостеприимные гномы, абсолютно не подозревающие, какой поворот может предпринять история в ближайшее время.

Уже выруливая по Разгуляю и высвечивая редких прохожих ближним светом фар, я в ностальгии момента «притянул» воспоминания о Виктории и они, честно сказать, тоже не ободрили меня своей яркой и вместе с тем всё-таки призрачной давней реальностью.

102

И только отъезжая от Перми по направлению к Челябинску, я почувствовал некоторое облегчение: с одной стороны печально-тревожные мысли перестали мучить меня, а с другой, я осознал близость родных мест и решил предоставить всего себя их волнительно-трепетному влиянию...

Наконец, заметив поворот на небольшую просёлочную дорогу, я начал притормаживать и направил машину к лесу, намереваясь выбрать на ночлег какую-нибудь удобную для стоянки под открытым небом поляну.

Остановив машину, я вышел на воздух, вдохнул полной грудью, размял ноги и огляделся.

Прикамские леса нежились в льющемся с бескрайних уральских небес янтарно-опаловом с вкраплениями звёздных блёсток потоке лунного сияния. Ветер терпкими волнами упруго разносил свежие запахи дурманящей по-осеннему травы, разноцветья нешумно и щедро осыпающей окрестности листвы. Я ощущал себя наркоманом, принявшим дозу великолепия природы...

В салоне уютно и мирно посапывал младший брат.

«Здоров спать, бродяга!» - подумал я про брата и улыбнулся. Столько времени врозь, а сердце по-прежнему ласково сжимается от ощущения встречи с родной косточкой!..

Сознание тут же перенесло меня в далёкое прошлое, когда я беспомощно стоял на морозном и хлётком ветру без шапки в одних хлопчатобумажных кальсонах и тапочках на босу ногу, щурясь и вглядываясь в январскую даль раннего утра.

Тяжёлый и мощный, как сам рок, «Урал» увозил моего единственного брата, мою живую кровинку в непонятном направлении, вздымая завихрения снежного пепла с дороги, а я ровным счётом не мог ничего поделать, даже не представляя, зачем это всё происходит...

Нам, малолеткам, никто и не собирался ничего объяснять ни о распределении по другим детдомам в силу распоряжения правительства под №ххххх детей осужденных родителей, дабы не плодить «заразу», собирая в одном месте по признаку родства тех, кто был генетически предрасположен к антисоциальному поведению. Ни о том, что если и не было бы такого распоряжения, - братьев Барашкиных, «по любому» растащили бы по разным местам подальше друг от друга: «потому как один совсем шальной – Остап, а другой, Ванька – и вовсе тихарь-отщепенец: кто их знает, чего натворят вдвоём!»

Воспитательница, Шура Григорьевна, еле догнавшая «нехристя» в пустом поле, хоть женщина и не лихая, почти безразличная, но вздула по первое число мальчонку, чуть не лишившего её «не напасённых на всех убийцев единственных нервов».

Я и вовсе не был на неё в обиде, - пусть отводит тётка свою «изведённую охальником душу»...

103

В последующие же несколько дней не притрагивался ни к воде, ни к еде, не отвечал на вопросы и ни с кем не обмолвился ни словом, а только смотрел и смотрел подолгу в единственное в коридоре окно, из которого видна была дорога, по которой увезли брата. Ну а потом, слёг с воспалением лёгких на долгие полтора месяца, еле выжив...

Глава 53

Поиски по свежим следам не дали практически никакого результата... Беглецы, «как в омут канули», по меткому высказыванию одного из охранников Игоря Самуиловича.

Раскопанные почти восстановившимся от удара судьбы Виктором Соловьём и его дружной командой сведения из архивов «собеса», открыли для всех любопытствующих по этому вопросу ужасную в своей простоте и достоверности правду.

Когда-то разлучённые и развезённые по разным советским детдомам сыновья осужденной за убийство собственного мужа, бывшего «зэка» Стёпки-«бешеного», Барашкиной Глафиры Андреевны и оказывались «в аккурат» теми двумя «беспредельщиками», что учинили в поместье депутата Плешака «кровавую баню убийств и всевозможного насилия».

Не устраивая особо длительных «разборок», - каким образом и почему его несравненная и так жестоко покинувшая его «пышка-бельчёночек» оказалась здесь, - он решил со всей

присущей ему тщательностью и въедливостью самолично раскопать целиком подноготную этого запутанного дела и поймать беглецов.

Они даже на удивление быстро нашли общий язык с депутатом Плешаком и обоюдно договорились, не предавая огласке общественности обстоятельства и детали произошедшего, тем не менее, добиться, чтобы виновные понесли самое жесточайшее наказание.

Посовещавшись с уполномоченными и компетентными лицами, пришли к чёткому убеждению, что при всех равных возможностях, беглецы всё же должны предпочесть вернуться к своим «истокам», на малую Родину. Ведь им самим также необходимо разобраться в случившемся и приготовить более надёжное укрытие, благо теперь силы можно объединить и получить неоспоримое преимущество в лице друг друга.

Были разосланы по всем постам ГАИ и милицейским участкам подробные данные по разыскиваемой парочке бандитов-киллеров, с фотороботами, с предполагаемыми адресами их появления и маршрутами возможных передвижений.

В то же время полковник Соловей добился у начальства права самому контролировать процесс поимки особо опасных преступников с выездом в предполагаемую зону их обнаружения, то есть на Урал.

Со своей стороны Игорь Самуилович тоже не собирался сидеть сложа руки и снарядил некую группу «экспертов» для выезда в район Челябинска. Они должны были выследить бывшего доверенного телохранителя Игоря и его родного брата и доставить живьём обратно к депутату.

Они обязаны были также извещать Игоря Самуиловича каждые два-три часа о ходе операции и обо всех происходящих событиях вокруг этого дела.

Важным моментом было также и то, что по информации, дошедшей до Игоря Самуиловича, киллер, который был у него в руках, брат его бывшего друга и телохранителя, имел «заказ» на него, и поскольку убить Игоря не сумел, то международный синдикат, чей «заказ» выполнял киллер, пошлёт и за ним и за Плешаком новых убийц...

Поэтому, если злополучного киллера перехватить раньше синдиката, можно диктовать свои правила. Игорь Самуилович Плешак справедливо надеялся на то, что два брата в совокупности обеспечат ему невиданный ресурс возможностей и «дивидендов» от их поимки.

Только теперь он начинал понимать, кто находился у него в «свите».

И он, безусловно, отдавал себе отчёт, что может произойти в случае противоположного результата.

Дело в том, что он уже довольно неплохо информировал своего спасителя и друга практически о большинстве своих областей деятельности, и Ваня достаточно хорошо

разбирался в его, Плешака, внутренних «тайнах». И хотя до конца об Игоре Самуиловиче никто ничего не знал, но из тех, кто всё-таки удосужился быть посвящённым в его дела, как раз Иван Барашкин мог запросто считаться самым посвящённым.

Всё заключалось лишь в одном, - насколько быстро до братьев доберутся его доверенные лица и насколько беспрепятственно смогут задержать беглецов. В компетентности своей команды Игорь Самуилович несколько не сомневался, но предугадать последствия встречи двух таких могучих профессионалов, каковыми являлись братья Барашкины, сам Господь Бог был не в состоянии...

Тем не менее, бездействие было смерти подобно. Поэтому Игорь Самуилович решил задействовать все свои секретные и явные резервы и связи, чтобы первым добраться до этих двух «феноменов».

Челябинск встретил преследователей ясной и на удивление тёплой погодой конца сентября...

Самолёт прилетел вовремя, ранним утром по расписанию...

Боб (Борис) Горский был очень хорошим исполнителем особо важных поручений, и поэтому медлить не стал, а сразу «взяв быка за рога», решил обратиться и к местным «ворам», и к «спецам», и к своему единственному другу здесь, однокашнику по Рязанскому воздушно-десантному училищу, Косте Малому. Костя приехал на Родину после Афгана с ранением ног и остановился в Челябине, чтобы продолжить на «гражданке» консультировать охранные предприятия и службы безопасности банков.

Он жил в центре города, но Боб разместился в гостинице «Малахит», чтобы не стеснять товарища, а также иметь максимально свободный режим перемещений и действий. Сначала он разослал свою немногочисленную группу «архаровцев» по всем возможным точкам сбора информации для их первейшей насущной задачи – розыска и поимки братьев Барашкиных. Сам же, взяв в центральном гастрономе бутылку дорожущего коньяка, пошёл на улицу Цвиллинга, где жил его однокашник, и уже через некоторое время вдавливал кнопку звонка квартиры пятого этажа своим тренированным для выполнения «срочной и жёсткой работы» пальцем.

Ждать пришлось недолго, и Костян с криком: «Десантура, вперёд!», - уже крепко сжимал в объятиях Боба, что называется, со всей пролетарской сердечностью...

Друзья потягивали терпкую влагу цвета густой заварки и спокойно перебрасываясь вялыми репликами, блаженно затягивались «Беломором», который со времён учёбы предпочитали всем другим иностранным и домашним маркам курева. В углу, у плиты, сиротливо примостилась инвалидная палочка Костяна Малого. Он вытянул протез одной ноги под стол, а другую, перебитую и зашитую в двух местах искусным полевым хирургом, примостил на табурете, который всегда служил ему в таких случаях незаменимым подспорьем.

- Не знаю, брат, - задумавшись на минуту, а потом, переведя взгляд на Боба, тихо проговорил Константин. - То, что ты мне поведал, - история мутная. Задействовано много всякого барахла: имена, интересы, риски...

Затянувшись ещё раз и сладостно прикрыв глаза, он опять помолчал, не говоря ни слова и, наконец, медленно изрёк:

- В Афгане всё было просто. Враги там, мы – здесь. Вот и вся правда... А, кстати, Барашкины эти... Хм... Фамилия-то какая, прям агнцы на заклятие... Ну, что они, реально, так достали твоего босса, что никак без прессухи невозможно. Или азарт тебя забрал, братуха, что сам вцепился и отступать не хочешь?.. - Огонёк папиросы Малого вспыхнул яркой точкой и тут же как-то сразу, неожиданно, сдулся и затих, оставляя после себя только длинную ленту дыма, которая тягуче поползла вверх к жёлтому кухонному абажуру.

Горский задумчиво проводил её своими узкими карими щелками-глазами, потянулся, затушил о крышку початой банки с малосольными огурцами свою недокурную «беломорину» и чётко, грубо буркнул вместо ответа:

- Ладно, Костик, потрепались, видимо, порожняком. У меня работа. Пора за дело. Потом перезвоню. Бывай, старина, совсем ты тут обабился в своём болоте. Не поминай лихом, короче, советник по охране...

- Ну, чё ты Борь... Вот колбаски ещё, огуречиков хочешь?.. - засуетился хозяин, совсем без обид восприняв высказывание своего давнего друга.

- Пошёл, пошёл я! Хватит с меня соплей. Зараза всё это... Нюни гражданские! Бывай, в общем... - Боб резко встал с места и, будто совсем не было двух бутылей «конины», вышел в коридор, нацепил на бритую голову новенькую кепку, деловито кивнул Косте и открыл внутренний замок.

Константин Малой, неуклюже опираясь на «живую» ногу, непонимающе и виновато смотрел в широкую спину друга, стоя в прихожей. Тот помедлил, повернулся к двери и вышел за порог, плотно прикрыв за собой тяжёлую деревянную дверь.

В холостяцкой квартире героя-«афганца» Константина Малого воцарилась прежняя одинокая тишина.

Глава 54

Теперь дремал Иван, а я сменил его на посту, правда, пока всего лишь на посту «караульного».

Похолодало...

Стёкла машины запотели от нашего дружного дыхания. Внутри стало довольно душно, и я решил выбраться наружу. Осторожно открыв дверь, чтобы не разбудить посапывающего брата, я, словно гусеница, часть за частью выкарабкался на природу...

Постояв и понюхав воздух наподобие охотничьей собаки, я с полнейшей ясностью в голове и вновь воскресающей во мне пылкостью влюблённого в жизнь самурая медленно, но верно приходил в себя.

Поездка до Зауральска благотворно повлияла на моё самочувствие, навяла былые воспоминания начала начал юности, когда мир выглядел многоцветной сказкой, когда любая неприятность казалась мимолётной и неважной, а будущее представлялось одной долгой и многообещающей дорогой к счастью...

До города нашего с Иваном далёкого детства оставалась считанная пара-другая сотен километров. Возможных преследователей мы тоже наверняка оставили позади и кое-какие шаги смело могли предпринять для последующего исчезновения из поля досягаемости наших противников.

Было жутко осознавать, что не успев как следует насладиться общением с новообретённым братом и пониманием своей после этого полной везучести, мы вынуждены скрываться от погони, которая угрожает продлиться незнамо сколько времени...

Но вместе с тем ощущение открывшейся перспективы взаимодействия с собственным братом на столь скользкой стезе, как «путь войны», наполнял мою душу истинным восторгом. Ведь в лице брата я обрёл не только самого близкого родственника, а ещё и искуснейшего, виртуознейшего соратника по оружию, напарника экстра-класса.

Мы пока особо и не поговорили, и я не расспрашивал брата о том, где и кто обучал его всем премудростям нашего непростого и уникального ремесла, но очевидность супернавыков, имевшихся у Ивана, не оставляла сомнений в недостижимости его уровня подготовки для обычного смертного.

А это меняло многое...

Мы могли совместной синергетикой своих умений спутать любые самые серьёзные планы кому угодно, всяческим врагам и недоброжелателям, мы сумеем при таком раскладе добиться для себя самого наилучшего положения вещей. Теперь я в этом точно не сомневался ни секунды.

Произошло чудо... И я молился на свою судьбу так, как никогда. Я чувствовал себя на самой крутой вершине удачи. Я знал, что момент истины, которого я так долго и терпеливо дожидался, наступил для меня.

Я смогу реализовать любой, самый смелый свой замысел!

Моей опорой стал один из сильнейших воинов современности, и это – мой собственный брат!..

Я поковылял взад и вперёд. Взглянул сквозь туманное стекло на мирное лицо любимого брата и тихо, счастливо засмеялся.

Заря захватила уже полнеба и властно торопила утро, разжигая кострище ветреного и студёного нового дня.

Было легко на сердце и зябко телу...

Я поёжился и заторопился, как мог, к машине, потянул на себя дверцу, нажав на ручку, и залез внутрь тёплого и уютного чрева нашей «боевой колесницы». Закрывшись изнутри, я решил прикорнуть, и чуть-чуть покемарить ввиду того, что вряд ли кто забредёт в ближайшее время на эту глухую и незаметную с дороги лесную поляну.

Весь путь из Москвы мы, благодаря брату, проделали практически без приключений. Зауральск маячил совсем близко, и не было сомнений, что через небольшой промежуток времени мы всё равно пересечём его благословенную черту...

Так что я тут же заснул беззаботно-младенческим сном, как в начале творения мира.

108

Глава 55

- Моргий пересёк границы Светлозарии! - мрачно произнёс страшные слова Дракон. И хотя, как всегда, звука не было, но смысл, гнетущий смысл сказанного из-за этого не утратил всей своей печальной определённости.

С отвисшей челюстью я смотрел на Светломудра и молчал в полнейшем недоумении.

- Я сама видела, как он выводил свои полчища из Тьмы Зазеркалья и проводил что-то навроде инструктажа на дальних подступах... - добавила Застра.

Я помедлил...

Наконец, спросил то, что давно мучило и нависало над моей головой, как грозная туча:

- Но ты же говорил, Светломудр, что всё зависит именно от того, смогу ли я не ввязываться в те конфликты, которые мне будут вставать поперёк дороги и которые я должен обходить и не принимать близко к сердцу? А теперь... Что же получается? Хотя... - я тут же вспомнил, как отбивал брата из лап изуверов...

- Значит, в счёт не идут намерения, а только сами действия?.. - закончил я свою короткую, но пламенную речь.

- Успокойся, о, ученик! - тихо заговорил Светломудр уже в обычном для восприятия землянина обличье. – Я всего лишь тянул время и не хотел расстраивать тебя раньше, чем нужно... Вторжение орд Моргия было неминуемо... Единственно, что требовалось, это то, чтобы ты оказался именно там, где оказался... - Светломудр мрачно и тягостно помолчал.

- Я знаю, что теперь тебе под силу многое, практически всё, что ни пожелаешь. Я не говорил тебе... Но Моргий ещё в самом начале своего похода потребовал, что либо он двинет все свои полчища и накроет тёмной ордой миры нижние и миры верхние, либо... Либо в одиночном бою ему будет противостоять самый могучий, самый лучший витязь светлых Сил... И я... Я всегда знал, что... Что этим воином Света окажешься Ты. Так звучало пророчество... - Светломудр строго и властно посмотрел на меня из-под угрюмо нависших над ясными, почти лазоревыми очами красивых седых бровей. И хотя голос Светломудра в моей голове звучал торжественно и очень серьёзно, я всё же ощущал за этими высокими эмоциями Учителя мощную и светлую искорку тепла, участия и ободрения.

Молчаливая и притихшая до той поры Застра вдруг, будто прозвенев серебряным колокольчиком, хохотнула своим привычным смешком. Я с удивлением, перемешанным с крайней степенью замешательства, тревоги и озадаченности от неожиданно открывшейся перспективы предстоящего мне противостояния с могущественнейшим Царём мрака, всё-таки нашёл в себе силы задать следующий вопрос.

- А как мы будем биться или это произойдёт каким-то иным способом?

109

Застра опять коротко хохотнула и сказала вместо Светломудра, что тоже показалось мне каким-то странным наваждением:

- Видишь ли, Барашек, простите, - Воин Света! Видишь ли, Воин Света, в пределах твоих будущих обязанностей... воевать один на один с Моргием, ты можешь сам выбирать способ битвы и виды оружия. Так захотел Моргий. Но лично я бы тебе посоветовала не торопиться, а подождать, пока все наши войска в полной боевой готовности не выступят тебе на подмогу. Кстати, великая битва назначена в районе предгорной равнины близ Зауральска... - добавила Застра.

Всё виделось мне сном во сне, и я не совсем понимал, что происходит на самом деле.

Я спросил почти на автопилоте: каким образом Моргий и его полчища окажутся в районе Зауральска? Но воцарилось молчание и три собеседника как будто зависли в безвременье...

После умопомрачительно долгого отрезка времени, который показался мне более чем бесконечным, заговорил Светломудр.

- О, ученик! Всё и вся в Универсуме связано между собой гораздо теснее, чем ты можешь себе представить. Всё вокруг: и нижние и верхние миры, вся иерархия миров творения – единая живая система удивительных взаимодействий внутри огромного механизма живой жизни чувствующей ипостаси Единой Верховной Сущности. Поэтому вещи, кажущиеся с точки зрения одного-единственного человека, как ты, или существа, как я, абсолютно

враждебными и несопоставимо непримиримыми - всего лишь иллюзия многообразия, всего лишь сон одной частички мироздания обо всем мироздании... - Светломудр перевёл дух и продолжил:

- Таким образом все события могут либо дублироваться в любом месте Универсума, либо ждать своего часа в любой самой уникальной форме воплощения... Но действия остаются теми же самыми раз и навсегда, кто бы их не производил. Они будут повторяться и повторяться во всех мирах на всех уровнях великого Проявления, пока полностью не используется энергия осуществления событий, выделенная именно на них. В этой грандиозной мистерии тебе отпущена довольно внушительная и солидная доля ответственности, удивительная миссия... Ведь ты, - Воин Света! - Великий Учитель закашлялся. Я было хотел поднести ему росы с зонтичной шапки внушительного папорта, но Застра жестом и сердитым взглядом остановила меня.

- Ты, Иван, наша самая большая надежда и упование с незапамятных времён противостояния Сил... Сил, регулирующих поток равновесия Универсума. Нужно восстановить нарушенный баланс между злобой и душевным добром, ненавистью и всепрощающей любовью, мраком отчаяния и Светом сопереживания!..

Речь Светломудра струилась в моём сознании, словно всеочищающий поток равновесия и гармонии. Каждая высказанная им мысль заполняла всё моё существо невыразимой благодатью и умиротворением. Я понимал, какая великая Сила кроется в его высказываниях. Я видел всем сердцем его подлинное сострадание ко всему живому... Я осознавал ту могучую светлую Радость, что вселяла в меня речь моего Учителя, благословенного наставника в мирах...

110

Покой и высшая благодать разливались от сияющих улыбкой глаз старца, и я знал, что вся история наших с ним дружеских взаимоотношений сводилась именно к этой, теперешней, происходящей сию секунду мистерии Откровения, к этому моменту Истины.

Глава 56

Высокая трава густо стояла по сторонам дорожек между могил и памятников разной величины и дизайна кладбища Новодевичьего монастыря...

Используя на полную мощность свой статус и авторитет, Плешак Игорь Самуилович «выбил» здесь нужные метры на захоронение тела Ярославы Наумовны Соловей. Поскольку процедура была довольно скоропалительной и практически спонтанной, удалось только сделать узаконенный выкуп земли под могилку, но поскольку сопоставить с параметрами других «вечных обитателей», а тем более желаниями тамошних «резидентов», не было никакой возможности, то место оказалось впрытк воткнутое между изножьем одной могилы и старомодным и очень добротным обелиском другой. В остальном всё было

достойно и соответствовало строгой обрядовой точности подобных церемоний, сделанных не наспех, но скажем так, что с изрядной скоростью.

В самом же траурном мероприятии принимали участие лишь сам Плешак, немногочисленные родственники и только самые близкие друзья, отец и мать покойной, а также, разумеется, её бывший муж и по совместительству следователь по этому делу – Соловей Виктор Михайлович.

Оба наиболее близкие почившей Ярославе Соловей мужчины держались друг к другу вполне индифферентно и безучастно, не смотрели и не оглядывались обоюдно, но то, что чувствовал каждый из них, наверняка сходилось в главных аспектах переживаний по поводу трагедии.

Чтобы не пренебречь истиной, стоит упомянуть, насколько же это жалкое подобие не соответствовало настоящей, подлинной Литургии Смерти в глазах нашего тайного, скрытого от других присутствующих Главного Церемониймейстера.

Чисто с мистико-эстетской точки зрения Игоря Плешака это было омерзительнейшей профанацией всего того, что свято почитал и реализовывал он в своих впечатляющих «проектах». Он до глубины души осознавал тотальное несоответствие Замыслу Божьему проведение Перехода в Мир Иной в таком бескомпромиссном жлобстве и скудости познаний об этом священном акте.

Пока священник местного прихода проводил заупокойную мессу и наскоро окуривал паникадиллом окружающую весьма скромную обстановку, Игорь Самуилович во всём великолепии своей буйной и цветистой фантазии снова и снова осуществлял внутри себя несостоявшийся тогда в высь Танец Вечности...

Честно говоря, никогда высокопоставленный гражданин общества не был так зол и недоволен обстоятельствами как в данный, замороженный раз.

Конечно же, случилось чудо, и его захлестнула, тогда, в благодатный миг, волна непередаваемого на тусклом языке наименований экстатического слияния души с душой...

Он неоднократно после восстанавливал в памяти это боговдохновенное событие, по грамму золота чувств процеживая драгоценные песчинки-мгновения через многоканальное сито нервной системы своего организма.

Смакуя радость бытия того незабываемого вечера теперь, в эту по-настоящему чёрную минуту...

В его неординарной судьбе такие события не встречались и не будут встречаться потом никогда.

А сейчас в торжественной скудости момента единственным выплеском для его закаленной воли послужила скромная мужская слезинка, тихо явившаяся из уголка его правого глаза, чтобы медленно умереть на его слегка небритой щеке...

К счастью, никто не заметил его секундной слабости. И даже Виктор Михайлович смотрел в этот миг вниз, на сбрасываемые жёсткие куски чуть промёрзлой кладбищенской земли, поэтому никак и ничего, в свою очередь, не мог видеть из-за застилавшей колкой пелены на своих собственных рыжих ресницах.

А потом все негустой и зябкой толпой шли от могилы к выходу...

Догнавший сзади Соловья, сильно поотставший от всех, Игорь Самуилович, тихо и коротко бросил ему, тронув за плечо:

- Давай хоть, по-человечески зайдём, тут я знаю кабачок один неплохой!

На что Виктор Михайлович согласно кивнул, боднув студёный дневной воздух серой потрёпанной кепкой, и оба почти в ногу зашагали к противоположному выходу.

Выйдя с кладбища, они быстро пересекли широкую, весьма оживлённую улицу на зелёный сигнал светофора, а потом, не сговариваясь, но также в ногу, пошли по направлению к уютному, недалеко расположенному кабаку...

Глава 57

112

Зауральск немилосердно затоплял стойкий беспощадно-проливной дождь. Не только окраины маленького захолустного районного городка вымокли и выглядели весьма потрёпанными и обносившимися, но и аккуратно-пряничный центр также расплзся метровыми лужами и обвис флагами на здании городского муниципалитета и обрывками объявлений на вымокшем до нитки общем фанерном стенде.

Мы въехали в город со стороны Челябинска и, попав на единственную, центральную, площадь, оставили машину чуть ли не перед самым крыльцом муниципалитета, а сами, вооружившись зонтиками и нацепив непромокаемые плащи, решили пешком прогуляться до бывшего жилища Вани Барашкина, зайдя перед этим подкрепиться в лучшем ресторане Зауральска «Заморские кушанья».

Бог послал в этом, позабытом всеми остальными посетителями, месте нам на двоих: довольно приличный украинский борщ с очень сочным мясом и сметаной, «царские» с нежнейшей свининой под хреном и майонезом пельмени, а также вкусный бородинский хлеб, две сахарные булочки и густо заваренный чёрный сладкий чай.

После сытной трапезы мы дружно направились в северную окраинную часть города и вдруг, будто от толчка, резко и неожиданно остановились как вкопанные, потому что Иван, ни с того ни с сего, замер за спиной неуклюже-рослой фигуры какого-то местного бугая, накрепко прижавшегося к мокрой стене одного из низкорослых деревянных домиков.

Тот шумно и тяжело дыша, полуполз или полуковылял наподобие большого жука-рогача, обычного путешественника нешироких городских улиц.

Будучи в изрядном подпитии, эта пародия на взрослого человека то ли что-то бормотал, то ли пытался петь и проговаривать одновременно.

- Гриня, друг!!! - возопил мой неуёмный брат. - Ты живой?! Ты как здесь, ясно солнышко?!!

В орущем от какой-то даже щенячьей радости голосе моего брата Вани явно слышались душераздирающие нотки ностальгии от волнительной до спазмы встречи.

«Пародия» лишь что-то нечленораздельно промычал и сделал неуверенную попытку тащить своё богатырское тело дальше.

- Нет, ты погоды! - вцепился в него опять Иван. – Ты ччёё?!!! Меня не узнал, чертяка, братан!
- И Барашкин-старший, уже обезумев не на шутку, начал трясти несуразного незнакомца, а потом обнял его и упёрся лоб в лоб, пытаясь заглянуть в глаза великана сквозь дождь и невидимые слёзы.

- Не-е-е-т! Уж я тебя те-ее-ерь точно не отпущу, вотяк!!! - опять «завозбуждался» на каком-то странном наречии, ну совсем не по-самурайски, мой братуха.

Бугай снова что-то проурчал-прорычал и вдруг бухнулся носом в плечо Ивана:

113

- Ва-а-ни-чка, Ва-а-аньша, я вии-ть до тя, чуточка не добрал!

- Доберём, доберём! - затараторил Иван Барашкин, и тут же попросил меня, трогательно прижимая к себе верзилу, нависшего над ним всем своим громадиной-ростом: - Остик, прошу, помоги!

Я тоже чего-то растрогался, и, подцепив великана с другой стороны, примкнул к этой странной парочке, составив тем самым не менее странное, качающееся из стороны в сторону, трио...

Наконец, после длительного нашего «хождения по мукам» с вяло матерящимся Гриней, прислоняющим нас буквально к каждой мокрой берёзе, мы втроём завалились в старей-престарый деревянный жилой барак. Штукатурка во многих местах на стенах барака облупилась и отломилась кусками до такой степени, что, казалось, её специально, долго и мучительно, целой бригадой, часами кто-то отсоединял неизвестно с какой целью...

Нас приветствовали, сидя на ступеньках по направлению ко второму этажу, какие-то ханурики бодрыми кивками и шумными животноподобными выкриками вкупе с вялыми попытками схватить нас за полы одежды. На что, как-то вдруг молниеносно отрезвевший наш с Ваньшей попутчик, грубо и громко отреагировал:

- А ну, ша-а, черти! А то я Вас скруйчу да голыми (почему-то с украинским носовым «г») в Айфрыку пушу!!! По-лии?? Ша-а!

Те тут же притихли и утомонились. А я с усмешкой подумал: «Ну, генофонд явно не подкачал! Все, как на подбор, - гризли огромные... Да вот только с «царём» в голове большущие проблемы!..» - передразнил я их манеру говора мысленно.

Мы всунулись втроём в какую-то небывало-затрапезную каморку и бухнули великовозрастного бугая на железную с шишечками кровать.

«Да-а», - протянул я про себя. – «Кодексом самурая тут и не пахло! Однако, тут кроме...» - я огляделся.

По неубранному столу, шустро и почти по-скакуньи, промахнули два жирных рыжих тараканища.

«Да тут одним только и пахнет – многовековой дремотой русского пропитого насквозь духа!» - неласково и чуть язвительно додумал я.

Ваня, мой родной брат Ваня Барашкин, широко улыбаясь, подмигнул мне искрящимся серым глазом:

- Ну, что брат, прибыли... Вот мы и дома!

Я невольно ухмыльнулся на искренние слова старшего брата.

Глава 58

Горский сидел напротив своего шефа Игоря Самуиловича Плешака в номере-люкс гостиницы «Малахит» на уютном бежевом диванчике и смотрел, как тот задумчиво прохаживается туда-сюда возле противоположной стены с копией картины Малевича среди золотисто-сиреневого рисунка обоев в крупную линейку. Причём супрематический эффект «Чёрного квадрата» великого русского авангардиста, его, как сам он называл «базовая «клетка»», абсолютно чётко концентрировал на себе взгляд, как на точке отсчёта любого начала и «нуле» любого окончания.

На это не преминул обратить внимание ещё один присутствовавший здесь человек, расслабленно развалившийся в широком, идентично дивану бежевом кресле в углу апартаментов. В принципе, это был его номер, снятый для него в этой уральской гостинице только с одной целью. Цель эта состояла в том, чтобы в случае поимки братьев Барашкиных допросить «с пристрастием» старшего из них, бывшего доверенным когда-то лицом депутата Плешака, и спросить про некоторые нюансы его биографии.

Игоря Самуиловича очень интересовал вопрос, откуда всё-таки возник Иван Иванович Барашкин на его голову, и что он доподлинно знает о нём, Плешаке, а также кем заслан...

Но в первую очередь Игоря Самуиловича интересовало, о чём и в какой степени компетенции оба брата владеют знаниями эзотерического плана, знаниями, так называемых

древних цивилизаций, поскольку ему показалось не последним вмешательство в его многоликую судьбу «магических» сил с появлением Ивана.

По такой надобности и был забронирован загодя номер-люкс для этого человека, для уникального эксперта по древним цивилизациям и серьёзно увлекающегося «потусторонними» мирами хозяина номера, - Козьмы Дмитриевича Кузявина.

Лениво потягивая дорогое красное вино, дымя трубкой с элитной табачной начинкой, он медленно, почти нараспев рассуждал вот уже полчаса на тему возможных последствий захвата братьев, и его никто практически не перебивал...

Говорить он умел, говорил обстоятельно, со знанием дела, смакуя детали. Упомянул, между прочим, и о том, что по всем признакам, братьев оберегает и ведёт по жизни некая неподконтрольная обычным воздействиям Сила, некая, возможно, очень древняя и очень могущественная цивилизация.

Скорее всего, существует целая организованная группа носителей знаний генофонда этого крайне далёкого от нас по времени народа...

И возможно, братья, как раз и представляют из себя объект неоспоримого интереса и контроля данной группировки, данной организации, несомненно, одной из древнейших цивилизаций мира. Ко всему прочему, Кузявин добавил, что возможности этих «представителей» настолько превосходят воображение любого землянина, что ни тягаться с ними, ни тем более препятствовать воплощению замыслов этих посланников из глубокой древности не представляется реальным...

115

Однако, если подойти к вопросу не поимки, а своевременной и успешной договорённости с братьями, то результаты могут удовлетворить все стороны взаимодействия.

Пока Козьма Дмитриевич пространно и скрупулёзно описывал ситуацию, сам Игорь Плешак с большим напряжением и сосредоточением вслушивавшийся в эту тираду, всё более убеждался в полной необходимости захвата и пленения Барашкиных.

Его собственные познания и статус посвящения в таинства эзотерической «изнанки» мира были довольно нешуточными.

И поэтому, по сравнению с кем угодно, даже самыми именитыми магами современности, он, магистр сокровенных наук и один из видных масонов России, сам вполне мог принимать решения, соответствующие любым уровням иерархии человечества.

А его центральная миссия проводника светлых душ лучшей половины человечества через «порог последних бастионов материальности» в «царство богов», вообще, делал его Фигурой вне досягаемости для кого бы то ни было.

И поскольку он лично в молитвах и медитациях всегда отчётливо чувствовал нерасторжимую связь с САМИМ ТВОРЦОМ, то и последствия каждого своего решения он всегда вручал ТВОРЦУ, ЕГО божественной воле.

Посему абсолютно защищённый и уверенный в своей неуязвимости Игорь Самуилович вновь подтвердил, даже с большей на то определённости, приказ Горскому изловить мерзавцев - братьев Барашкиных...

А Кузьева без особых хитростей и дальнейших объяснений лишь ещё раз по-дружески уверил в своём несомненном понимании происходящего, вежливо попросив дождаться и довести до логического завершения их общее запланированное «мероприятие» по отлову с допросом по всем надлежащим пунктам «беглых преступников».

Козьма, внимательно взглянув на говорившего, осознал тщетность своего вмешательства в планы босса, тем более, что с часу на час Кузьев ожидал встретить на земле седого Урала своего закадычного кореша Витьку Соловья и сделать ему сюрприз своим «внезапным» для него здесь присутствием.

А в это время самолётом уральских авиалиний из Москвы уже на стадии «Уважаемые пассажиры! А сейчас, пожалуйста, пристегните ремни и приведите спинки своих кресел в вертикальное положение! Наш авиалайнер готовится приземлиться...» прибывал сюда же, в танкоград, следователь по особо важным делам и его группа захвата, - Соловей Виктор Михайлович.

116

На душе Виктора Михайловича «гадили и скребли вовсю кошки», ИЛ-18 кренило и болтало на очередной воздушной яме, а пассажиры крылатого «борта», каждый по отдельности, мысленно «договаривались» с Богом о возможных привилегиях...

Вечерело... И по Челябинску зазывно и бодро разносились ароматы по-уральски спелого бабьего лета.

Глава 59

И снилось мне, Ване Барашкину: парю я над знакомой местностью, необыкновенно цветистой, обозначенной ровными квадратами семирадужной расцветки. Пространство купается в необычайно прозрачном и лучистом воздухе вокруг. Я чувствую, как влечёт меня невесомо и обхватывает тёплыми, ласковыми ладонями высоты, как мягко опускает моё тело всё ниже и ниже так, что уже без труда можно различить и кукольно-опрятные очертания дворцовых стен, и почти игрушечные извивы водных канальчиков. Я вижу удивительных животных, мирно разгуливающих среди ландшафтов и замков этого волшебного мира, маленьких человечков в одеянии гномов, снующих взад-вперёд по тропкам и дорожкам, вымощенным разноцветными камешками. Свободно и радостно плаваю я в солнечной вышине и как бы заново рождаюсь снова и снова, каждую секунду проживая целую бездну

всевозможных эмоций и чувств: от едва ощутимой волны восторга до ошарашивающего своей космичностью состояния полного блаженства...

Я вновь парил над удивительной сказочной страной!.. С превеликой радостью смотрел на этих торопящихся куда-то маленьких человечков, извилистые водные канальчики и разноцветные аккуратнo-кукольные земли. Все домики местных жителей по-прежнему оканчивались островерхими куполками из красочной черепицы. Наверху куполов по-прежнему были изображения диковинных зверей и птиц из чистого золота.

«Вот это да!», - подумал я, - «и до чего же восхитительны эти кровельные украшения из золота!.. И Гриня снова их не видит, вот же, и Остик...»

Я довольно близко оказался от куполов и не отказал себе в удовольствии осторожно прикоснуться к ним. Флюгерки слегка покачивались, крутятся на ветру. Я спланировал ниже и оказался вровень с верхушками огромных лопухих эстрогонов, похожих на земные лопухи. Удивительные побеги этих красивых зелёных гигантов царственно возвышались среди роскоши здешней флоры. Шаровидные кроны одних растений, многоконечные пышные кусты других, яркие цветы и невообразимых очертаний листья, изящные изгибы ветвей и плавные каскады как бы застывших волн зелёной, оранжево-жёлтой, коричнево-бурой, красно-розовой, иссиня-сиреневой и фиолетовой многоцветной массы не могли затмить этих колоссов на крепких, наполненных живыми соками, стволах. А их широкие стебли напоминали многочисленные автострады, по которым бодро сновали туда и сюда разнообразные маленькие существа. Их было так много и так целеустремлённо бежали они по своим делам, что казалось, это целое сказочное предприятие, - типа огромнейшего вокзала или фабрики, - пыхтит, носится и трудится под неусыпным оком какого-то незримого начальника...

117

- Привет! - неожиданно раздался рядом мелодичный голосок. Я вздрогнул, обернулся и обмерев от счастья при виде Застры, с умилением и восторгом разглядывал эту маленькую, порхающую возле меня, крылатую, как стрекоза, девоньку...

- Застра! Привет!!! А где Светломудр? - только и смог вымолвить я.

- Привет, Ваня! Он уже давно ждёт тебя... Целую вечность!.. - фея, на которую я с удивлением воззрелся после произнесения этих слов, не выглядела ни смеющейся, ни даже сколько бы то ни было весёлой. Явно её серьёзное настроение продиктовано было наичрезвычайнейшими обстоятельствами, и я не стал больше расспрашивать её ни о чём. Я просто нырнул за ней следом, взлетая на вираже эмоций и точного следования траектории полёта моей маленькой подруги Застры.

Вскоре мы благополучно переместились в сакральную резиденцию Светломудра, где он, облачённый в свою лучшую парадно-нарядную мантию, уже встречал нас раскинув приветственно руки жестом смирения и великой радости.

- Здравствуй, герой! Я приветствую тебя перед исполнением тобой высочайшей миссии защитника величайшего Блага жизни для всех жителей малого и большого Универсума...

Для всех, в чьих сердцах бьётся горячая надежда на победу Света над Тьмой, Сияния Духа над Мраком полчищ Моргия!..

- Моргий велел мне выступить перед тобой посланником его требований о Битве, о Ристалище между извечными Силами противостояния Разрушения и Созидания!

- Ничего не бойся, о, Ученик!

- А сейчас я прочитаю Тебе правила сего невиданного доселе ПРОТИВОБОРСТВА...

Глава 60

И снился Игорю странный и удивительный сон. Над огромными просторами инопланетной равнины парил огромный светящийся шар лилово-бордового цвета. Он похож был на манящее округлыми очертаниями огромное сочное яблоко, плывущее на недостижимой высоте, исторгающее какую-то неземную и в то же время вполне аппетитную, полновесную, ядовитую сладость.

Сон Игорь Самуилович видел первый раз в жизни...

Вернее, до этой ночи Игорь даже не верил, что сны случаются с другими, что их вещая составляющая имеет место быть в чьей-то иной вселенной, в существовании других человеческих индивидуальностей. Поэтому он, по-хорошему, никогда не интересовался и не вникал в эти вопросы, в реальность снов и всяческих подобных «иллюзий». Игорь всегда был приверженцем исключительно осязаемых методов общения с «ззеркальем», сознательного влияния на потусторонние силы...

118

И так уж случилось, что то, во что он заведомо просто не верил и чему не придавал ровно никакого значения, вдруг вторглось в его дивное безмятежное забытьё.

Огромный плод «небесного древа» в вышине между тем разворачивался во всей своей красе перед Игорем Самуиловичем и зазывно наполнял «снящееся» пространство томительным ощущением влажного и горячего изнеможения, струящегося во все стороны и наполняющего всё окружающее какой-то особой недвижностью и немотой.

«Господи!» - только и подумал Игорь Самуилович. - «Какое чувство кошмарной и обольстительной преисподней воистину!»

Затем «яблоко» неожиданно раскололось на две гигантские кроваво-рубиновые половины и начало медленно порождать из своего необычного нутра прямо-таки ирреально-фантастические образы в духе «демонического» измерения полотен Босха-Гойи-Дали-Врубеля...

Здесь были готические кошмарные химеры, исполинские чудо-животные, состоящие из разных частей друг друга, а также космические по масштабу и воздействию, косматые, полыхающие самыми разными огненными оттенками, фигуры и явления.

Друг за другом образовывались и менялись из одной формы в другую многочисленные чудовища и древние устрашающие архетипы адского порождения...

Всё порхало и кружилось вокруг, изрыгало искры вселенского пламени и булькающие пузырями пенящейся магмы гигантские языки пожаров.

Созерцание всего этого вакханального скопища невообразимых существ и видений потрясало размахом и апокалиптической сутью. Инфернальная мощь сменяющихся последовательно картин содрогала душу Игоря Самуиловича Плешака...

Столпотворение монстров расщепляло воображение «спящего» на миллиарды маленьких осколков и до такой степени приводило в трепет сознание Игоря, что даже внутри сна ему казалось, - проснуться от кошмара у него не будет ни сил, ни возможности.

Впрочем, длящееся, как представлялось, до бесконечности «умопомрачение» не имеет начала, не знает конца...

И в какой-то отчаянный момент этого видения Игорь вдруг со всей ясностью и ужасом начал осознавать: 1) свою абсолютную нерасторжимость с происходящим, и 2) свою заинтересованность и всё нарастающее наслаждение от всего этого «карнавалища».

Следующим эпизодом потрясения стало постепенное «опознание» знакомых черт многих возникающих в очередь персонажей...

119

Здесь были и некоторые очень хорошо знакомые сослуживцы Игоря Самуиловича, и многие партнёры по бизнесу, и соседи по даче, и влиятельные банкиры, и даже откуда ни возьмись вылетел прямо на «авансцену» Козьма Дмитриевич Кузявин в непонятном обличье полувепря-получеловека и надсадно хрюкнув в пространство, «со всех копыт» кинулся дальше, в неопределённость зловеще-багряного зарева...

Игорь проснулся в липком, до мурашек отрезвляюще-холодном поту и, едва придя в себя, тут же набрал номер жены. Суховатый спросонья голос Наташи предложил поменьше изводить себя на работе и побольше общаться с «нормальными, обычными, позитивными» людьми, передал привет от детей и пожелал спокойной ночи...

- Спасибо, целую! - сказал в ответ Плешак и подумал: «Действительно, чего это я так развозбуждался, чего так перетрухал... Ну, подумаешь, сон! Всё когда-нибудь в первый раз...»

Потом всунул поджарые волосатые ноги в отельные шлёпанцы и вышел на балкон.

Ночной Челябинск безмятежно и безветренно плыл вместе со всем земным шаром по путям Господним в полную неизвестность и умиротворённое безразличие вечности... Кое-где позванивали звоночки запаздывающих в депо трамваев, искрящих на поворотах «усиками» пантографов, проносились шустрые на ходу «легковухи», где-то погромыхивали тяжеловозные грузовые машины от «ЗИЛ»-ков до матёрых «Уралов» на нерегулируемых желтоглазых перекрёстках...

Ночной мир южноуральского «миллионника» сонно и подслеповато шурился одинокими фонарями, вхолостую светился вывесками магазинов и афишами кинотеатров, а также другими неоновыми «рекламами». Редкие прохожие торопились поскорее вернуться к одиноким, необогретым близкими телами постелям, либо к обычному переругиванию со второй «половинкой» из-за «лишней» выпитой рюмашки, а то и, в редчайших случаях, к страстному молодому сексу в подобном же гостиничном номере...

Игорь вернулся обратно в комнату, прошёл в туалет, потом возвратился и налил из стандартного «советского» графина уже несвежей воды, сполоснул горло и, зайдя в душевую, сплюнул невкусную влагу в треснутую раковину...

Наутро собрались внизу, в холле «Малахита»: он, Игорь Самуилович Плешак с измученными от бессонницы глазами, Кузявин Козьма Дмитриевич с помятым, подразумевающим бурное и ненасытное времяпрепровождение, лицом, также бодрый и подтянутый Боб Горский и, наконец, из гостиницы «Южный Урал», позже всех прибывший «следак» Виктор Соловей, промучившийся целую долгую ночь в нескончаемых воспоминаниях о своей пышнотелой Ярославе...

Глава 61

Бывшую мою комнатёнку, многострадальную «халупу», как я сам её называл, давно «перекинули» какому-то очередному столяру-алкашу, и мы были вынуждены сейчас ютиться втроём в скромном жилище Гринька Шайкина. Мой названный братуха так «офонарел» от стольких навалившихся враз событий, что сделался каким-то необыкновенно тихим, и всё улыбался и улыбался, глядя попеременно на нас с Остиком печальными «на трезвянку», но ясными глазами...

Я несколько раз подряд объяснял младшему брату самыми понятными и простыми словами суть предстоящих событий, но он сначала дико смеялся, а потом вдруг страшно присмирел и тоже притих, составив с Шайкиным выразительную парочку молчаливых «будд сострадания».

Зато на меня «тупо напал» жор, и всё, что ни оставалось в пище и так не у самого жирующего в Зауральске человека, было сметено мной за милую душу до крошки...

Мне требовалось до зарезу побыть одному и поболтаться по окрестностям, собираясь с мыслями, приводя в чёткую структуру свой внутренний располух.

Предстояло что-то поистине невероятное и совершенно неподдающееся всяческой логике...

Пункты ультиматума, выставленного Моргием, неминуемо сводились к тому, чтобы сделать моё присутствие в битве основным мерилем либо победы, либо поражения.

И по моему «барашкинскому» разумению, Моргий никак не рассчитывал на проигрыш.

Господи, ведь совсем недавно, я, отправляясь в далёкую и неведомую для меня столицу, и подумать не мог до какого вселенского абсурда буду способен «докатиться»!..

А теперь всего-то через какую-то пару лет, я хожу по родному «Задрыпинску» и ломаю голову, как дотянуться и укусить собственный локоть в тщетной попытке разобраться с нахлынувшими на меня цунами чувств...

Да, Светломудр научил меня всему, что способен познать человек!.. Натренировал в ратном и астрально-боевом деле, показал неизбежность перевоплощений и ошибок, повсеместную необходимость борьбы Добра и Зла...

Но...

Ультиматум, ко всему прочему, гласил, что воинство с обеих сторон будет состоять не только из ныне живущих на земле, но также и из многих иных, плоскостей бытия...

Что воспрянут и те, кто давно почил, кто достойно и не очень, закончили странствовать по мирам и весям вселенной, но, несомненно, оставил по себе весомую память в боях и воинских распрях тысячелетий!..

Было не совсем понятно, где же разместятся эти великие армии, выставленные силами двух противоборствующих начал?!..

Впрочем, конечно же, не это было главным во внутренних моих вопрошаниях...

121

Не это составляло тайную суть основного вопроса вопросов...

Но «ПОЧЕМУ Я?» и было квинтэссенцией моих раздумий и томлений. Кто Я ТАКОЙ???

Неужели во всём мироздании не нашлось более, что ли, мощного воина, существа высшего измерения, ЧЕЛОВЕКА, ПОЛУБОГА или ГЕРОЯ???!!

И вдруг... меня озарило: А ПОЧЕМУ НЕТ? Почему именно я не могу быть тем человеком, полубогом, героем, который может быть способен на такое?..

На такое или... БОЛЬШЕЕ!!!

Нет, не гордыня руководила сейчас мной... Ни в коем случае, ни в коей мере!!!

Я просто понял, понял в первый раз в моей жизни.

А может и за столько жизней!..

Не существует на Земле, да и нигде ни человека, ни существа, который мог бы заменить меня, именно меня в сей решающий мировой момент!..

Почему не я?..

Почему такой, как я, человек, именно такая сущность, воин, наконец, не может быть удостоен высокой миссии, - защитить мир от огня катастрофы, от тотального уничтожения и забвения...

Да, именно я, - тот человек!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!..

И не нужно прятаться от собственной судьбы!..

Так думал я, возвращаясь тихой лесной тропкой, затуманенной от меня моими же собственными, навернувшимися на глаза, такими непрошеными, но примиряющими с самим собой и целой вечностью слезами...

ГЛАВА 62

Компания уселась во вместительный, похожий на ротвейлера, чёрный бронированный Mercedes-Benz G-класс и сопровождаемая двумя милицейскими «газиками», словно неименитыми, но преданными хозяину дворовыми псами-«бобиками», дружно и стремительно двинулась в сторону главной улицы Ленина, улицы, название которой украшает собой практически все места проживания советских граждан.

«Кортеж» подрулил к «Уральским пельменям», компания высадилась из «мерса», и, наподобие четырёх мушкетёров, эта разношёрстная команда суперпрофессионалов, каждый в своей уникальной области, поднялась на второй этаж высокочеловеческого ресторана Южного Урала.

122

Большую часть этого заведения, довольно интересного архитектурно-дизайнерского решения, украшало панно художника Фокина, который в аллегорической форме творчески ярко и талантливо передал многообразие фигур его создателей и строителей.

Но харизматичных посетителей этого славного места в данном случае совсем не «щекотили» вопросы художественной оснастки ресторана...

Они пришли сюда со строго определённой целью: наметить дальнейшие шаги непростого мероприятия по захвату братьев Барашкиных в свои сети. А посему сантименты и «ахи» про искусство и красоту местных достопримечательностей никак не смогли бы поспособствовать их успеху в этом тонком деле. И наскоро сделав обильный заказ без включения алкоголесодержащих напитков, они, приблизившись друг к другу почти что впритык лбами, принялись сосредоточенным мозговым штурмом выбивать правду-матку из своих тактических соображений...

Со стороны могло показаться, что не видевшиеся с далёких пор юности однокашники тепло и сердечно с неистраченным по жизни оптимизмом обмениваются фактами неизвестной другим биографии, душевными, как плюшевые игрушки детей, давними воспоминаниями...

На самом деле...

- На самом деле, - жёстко, по-пацански выговаривая каждое слово, делился Борис (Боб) Горский, - я отвечаю, что мы итак уже протелились незнамо сколько времени, и «ребятки» наверняка ждут вполне «готовыми» к дружеской встрече с нами в своём Мухозасранске... Моя братва прошерстила тут все блатные точки, поспрашали «воров» и выяснили, что «фраеры»-брательники нигде здесь не засвечены... Ни по городу, ни по области, а значит, добирались в свой гадюшник либо через Пермь, либо аки собаки пёхом по лесам и болотам. Но с легонца надо просто ехать в Зауральск и брать их «тёплыми» по прибытии. Если, конечно, они уже итак не там...

- погоди, не суетись, Боб! – урезонил его властным уверенным жестом Плешак. – Нам важно всё-таки сначала выяснить, кого они могут привлечь в подмогу. Какова расстановка сил. В общем, ресурсы братьев. Их здешние возможности. А потом...

- А потом будет поздно пить «Боржоми», - вкрадчиво перебил Кузявин и ухмыльнулся, как ухмыляется жирный и наглый домашний кот, баловень хозяев, после одного лакомого угощения в предвкушении следующего.

Все с укоризной и некоторой неприязнью повернули головы в направлении говорившего, а затем, как по команде, развернулись вновь носами по курсу друг к другу.

Самый безучастный из всех присутствующих, Виктор Соловей, напряжённо глядя в центр стола с изящным керамическим кувшином и тремя розово-бело-красными гвоздичками в нём, смутно прохрипел:

123

- Не знаю, я, ребята, что с планами наших действий... Но вот их телодвижения явно заставят нас поёрзаться... А посему, легче набрать самим побольше подмоги в виде отрядов сил быстрого реагирования и вдарить по первое число! - закончил он вдруг сурово, и так авторитетно бухнул на стол свой матёрый и выдавший виды мужицкий кулак, что сидевшие за столом как-то разом ощутили его глухое, заряженное болью и нехорошим чувством, одиночество, и, аж до холода по спине, осознали всю внутреннюю мощь этого крепкого бывалого человека.

- Ладно, ладно, друзья, - перевёл тему на более оптимистичный лад Игорь Самуилович, - я тут подумал-покумекал, что негоже нам нюни распускать, а устроим небольшое расслабление вечером.... Ну, и завтра рванём с «подмогой», как Виктор сказал, в этот самый Зауральск. Всего-то двое на мушке – а нас с вами даже сейчас в целых два раза...

- Ну, ну, Игорь, двое-то двое, да запал не скроешь. Я ж тебя предупреждал – непростые пацаны, ох, непростенькие... - опять промурлыкал, мягко перебивая, Козьма Кузявин.

Горский на сей раз взорвался:

- Слушай, демагог, мы тут тоже не лыком шиты. Знаешь, я какую команду боевичков подогнал. Бабахнем, - Европа вздрогнет и до Азии докатится! Понял?! Так что ты со своими соплями лучше хавальник завали. Я таких, как ты, на завтрак, не глядя, хаваю...

- Бо-о-о-б! – резко одёрнул Игорь Самуилович. – Не тронь эксперта! Ценный кадр. А твоих мордovorотов, я в любой момент пучками натаскаю с любой грядки! В общем, не бузи... Каждому своё, тебе – война... Вот и воюй на войне, не здесь. Всё пошёл, прохладись! На улице подожди.

- Но босс... - Боб ещё что-то хотел сказать, но упёршись в глаза Плешака и смутно угадав какую-то запредельную, даже не совсем человеческую, словно потустороннюю опасность, вмиг охладился.

- Лады, босс. Хорошо... Я пошёл. Ждать...

И стрельнув взглядом на напрягшегося всем телом Кузявина, слегка кивнул честной компании, ухмыляясь и посвистывая, не спеша, пружинно и собранно, чуть покачивая плечами, пошёл на первый этаж к выходу.

- Ты тоже, Козьма... Сам не нарывайся. Ребята у меня горячие... Афганцы. Лучше сосредоточимся на том, что малозаметно... Как будем астрал разруливать? - Игорь лукаво перевёл лучистые пронизывающие глаза с Кузявина на Соловья и широко осклабил в улыбке ровные, красивые, в два ряда крупные, как у волка, зубы.

Глава 63

124

Я не понимал брата. Чего ради он, такой опытный и великий воин, - «тормозит»?

Мы торчали в этом «Мухосранске» уже битых двое суток и ни черта не предпринимали...

Я видел, что Иван бродит по окрестностям. Как одержимый, выискивая одному ему ведомые ответы на никому непонятные, кроме него самого вопросы...

То он возвращался из своих «походов» со спокойным умиротворённым выражением лица и твёрдым взглядом принявшего правильное решение человеком, то опять метался в поисках нужного, но никак не поддававшегося его разумению смысла.

Ночами его пыхтение и сопение, неясное бормотание и порой довольно угрожающие выкрики приводили нас с Гриньком в настороженное состояние людей, вынужденных делить ночлег с не совсем нормальным человеком...

А утром, как ни в чём не бывало, Иван снова пускался в свои «паломничества» по родным пенатам, и в очередной раз мы с тревогой ожидали его «туманного», полного неизвестности прихода и последующего настроения...

Во мне все его скитания вызывали яркие и очень осязаемые картины собственного прошлого, когда я сам проводил довольно длительные и запоминающиеся периоды времени в тайге, степях и среди сопok Дальнего Востока... Среди диких зверей, золотистого зверобоя, безумствующего ветра на голых открытых пространствах, или поросших розовыми

«набалдашниками» валерианы горных лугах, а то и вовсе лакомясь нежно-розовыми лотосовыми цветами Приханкайской долины, я был по-настоящему счастлив, свободен и дик, как сорняк выющегося стебля сои, зелёный трёхлистный женьшень или пятнистый красавец-леопард.

«Кодекс самурая» впоследствии открыл мне глаза на очевидную хрупкость моей индивидуальной человеческой жизни, которая в любой непредсказуемый момент могла исчезнуть в нерасторжимом единстве Универсума подобно ледяным волнам «Лены», не имеющим отдельного существования без реки...

И теперь, чувствуя нашу с братом почти мистическую общность и родство, я каждой клеточкой своего организма остро переживал «нутряной ток» всех его душевных движений, почти вплотную осязал эту героическую работу духа моего близкого существа...

Поэтому, однажды, под вечер нашего третьего дня пребывания в Зауральске, когда его «борения» выкристаллизовались наконец в чёткую форму одного единственного решения, я первый, сразу и всей своей сутью, понял это.

Наутро свежий и улыбающийся Иван сказал нам:

- Вот, пацаны, Вам и Юрьев день! Сегодня или никогда!

- Что «сегодня или никогда»? - недоумённо спросил я.

125

Вместо ответа Иван вывел нас, меня и Гриню, из нашего убогого жилища, и мы безоговорочно, как отставшие утки за вожаком, потянулись за ним сквозь пронизывающую до костей морось в предрассветную зябкую темень.

Идти пришлось долго...

Зарево рассвета маячило впереди буровато-малиновым отливом растёкшейся по горизонту небесной вулканической лавы. Казалось, ещё чуть-чуть и рванёт, разнесётся по свету горячая магма нечаянного конца света...

Но ничего подобного не происходило... Мы просто шли и шли по заиндевшим щёткам, кустикам и зарослям удивительно зелёной и упругой в это время года травы.

Иван легко и стремительно преодолевал неудобные участки луговой дикой поросли от крапивы до цепляющейся за одежду разнокалиберной по высоте малины, оранжевой от мелких ягод облепихи, потерявших глянцевого лоск бусин шиповника на оголённых ветках...

«Чего он несётся, как боевой конь?» - слегка раздражённый этой утренней скороходью думал я. Но поглядев на Грину, который ответственно, бодро и весьма серьёзно отмахивал с правого боку чуть позади меня, я тут же проникся сугубой деловитостью моих попутчиков и отбросил навязчивое недовольство за ненадобностью.

Прошло около получаса и, судя по всему, погода уже радовала безветренным благодушием предстоящего тихого и ясного осеннего дня...

Туч не предвиделось, круглое улыбающееся солнышко, выглядывающее почти вполовину из-за горизонта, сочилось блаженством и крайней приветливостью, а мы, наконец-то, вышли к какому-то удивительно неоглядному полю и остановились, вдыхая вкусно-пряные ароматы чисто уральской «закваски»...

- Здесь... - задумчиво протянул Иван.

- Что здесь? - озадаченно переспросил я. Гриня уважительно молчал...

- Здесь это случится. Битва... Битва за самое главное. Великое противоборство... Апофеоз соития Добра и Зла. Их очередной окончательный финал.

Я ещё раз посмотрел на брата с тревожным ощущением, что сейчас он точно сбрендит, и от нас с Гриньком останутся только «рожки да ножки» после неумолимого выплеска безудержного сумасшествия Барашкина-старшего.

Но...

Ваня продолжал стоять притихший и смиренно вглядывающийся в чистый и благолепный горизонт, Гриша Шайкин рядом с ним, всё так же просто и доверительно готовый хоть к светопреставлению, хоть к вознесению, а я почувствовал себя мелкой песчинкой на шлеме великана-самурая, который в любой момент может смахнуть её в пропасть небытия...

...Я посмотрел на брата, стоявшего чуть поодаль от нас с Гриней, и тёплое ласковое чувство родства захватило моё сердце...

«Милый, милый, брат-самурай! Ты даже представить себе не можешь, в какую историю вписал тебя всемогущий Рок! Каким невиданным и несслыханным сражением через некоторое время заполнится от края и до края это необозримое поле!..» - думал я, не отрывая глаз от Остапа.

Младший брат искоса, осторожно и как бы пытаюсь не потревожить моего дружелюбного настроения, взглянул на меня своими выразительными серо-голубыми глазами... Его обычно такой пронизательный, заглядывающий словно в самую глубину души, пристально-цепкий взгляд озарился неожиданно мягким и чутким светом соучастия...

Глава 64

Краем глаза Боб «срисовал» незнакомца, который совсем не прячась, а лишь держась на некотором расстоянии в наглухо пас их «ротвейлера»...

И к тому времени, как появился Горский, похоже этот недоносок уже порядком изучил обстановку и понял всё, что ему в данном случае полагалось понять.

- Совсем «ищейки» ох...ли!... - привычно выругался начальник охраны Плешака, и хотел было прикрикнуть на двух милиционеров, которые лениво «тёрлись» около своих «бобиков», но вовремя обратил внимание на то, что они как-то странно и неуклюже словно подпирают машины, а потом...

Он резко рванул обратно к выходящим уже из «Уральских пельменей» сотрапезникам, покинутым им ранее.

- Быстро вниз, быстро на землю! - заорал он фальцетом от пережитого потрясения...

Трое дружно упали, кто где стоял, и своевременно, - к ним бежало несколько человек, держа на весу укороченные «АК-47»...

Боб в следующее мгновение что-то прокричавший в свою рацию, ловко выхватил «макаров» и полыхнул в рассосредоточившуюся группу нападавших из своего пистолета, а потом через секунду уже тащил шефа и двух других под стрёкот выстрелов к выруливающему на них, неведь откуда взявшемуся здесь микроавтобусу «Латвия» медицинской комплектации.

На всём ходу тот лихо вывернулся к ним распахнувшейся боковой дверью, они один за другим не без помощи всё того же неустоимого Боба залезли внутрь. И погоня началась...

- Это моя международная мафия! - крикнул всем улыбающийся почему-то до ушей Игорь Самуилович. – Вернее, боевики «заказчиков», мать их в душу... - смачно затем ругнулся Игорь.

Ватага машин вылетела на проезжую часть улицы Ленина и помчалась в сторону центра...

Визжали тормоза, потоки транспортных средств завертелись в несвойственном общему движению ритме и направлениях. Какая-то «волжанка» с лёту «поцеловалась» с троллейбусом, неуклюже упёршимся в неё на остановке свежевыкрашенным боком...

Кто-то из женщин тут же разразился истерическими, полными «доисторических» страхов, криками и визгами.

Кто-то куда-то бежал, машины сталкивались, скрежетал душераздирающе металл, плющились железные бока участников массового в это время движения по главной магистрали города, а «беглецы»-герои удирали «со всех ног» от стремительно наседавшего скопища нескольких машин, из которых трещали выстрелы и вылетали отдельные «коррекционные» выкрики наёмников.

Микроавтобус «РАФ-22031» с красной полосой на боку, сиреной и проблесковым синим «маячком» упрямо спасался от погони...

Водитель, здорово знавший своё дело, мастерски вертел рулевое колесо, и казалось, его всегдашняя задача в том только и состоит, чтобы вечно маневрировать среди пуль и потоков автомобилей, автобусов и милицейских «мигалок».

- Это что за хренотень! - орал не своим голосом Соловей, не успевая отслеживать интенсивность происходящих событий, и было довольно забавно видеть, как этот матёрый профессионал, вцепившись в верхний поручень, болтается на боковом откидном сиденье в свистопляске бешеных виражей машины скорой помощи.

- Международная мафия! - ещё раз бодро отрапортовал Плешак. – Догнали всё-таки, мать их!.. - проорал он затем в стиле вопрошавшего «спеца», неопределённо подмигнув как бы всем сразу...

Горский в это время дослал патрон в патронник и, выглядывая в окно, тщетно пытался прицелиться. Кузявин вжавшись между своими суровыми соседями, сидя между ними на полу, побелел, и стал похожим на древнеегипетскую музейную мумию...

Сворачивая с улицы Ленина на Свердловский проспект, машину тряхнуло и юзом вынесло по направлению к Алому полю, но при этом каким-то чудом, она по закону инерции и благодаря потрясающему искусству водителя, проскочив петлёй ровно круг в триста шестьдесят градусов, плавно (плавнo!) легла на обычный курс к «Малахиту».

Сзади её на всей скорости, «в рысь», догонял их роскошный «фотвейлер», участвовавший в погоне, (увы!) не за свою «команду». Из него нагло стреляли по колёсам «скорой помощи», но пока, к счастью, безрезультатно...

- Сволочи! Мать их за ногу, мать их так-растак...! - смачно выругивался Игорь Плешак... - Они мне весь «депутатский подарок» распотрошат, эти гандоны из международного синдиката!!!

- Не о том заботитесь, шеф! - выкрикнул в свою очередь Боб Горский, и его удачный выстрел, наконец, пробил шину «фотвейлера», так что их бывший внедорожник-«мерседес», вдруг крутанулся через свой бок и взлетел на воздух наподобие межконтинентальной баллистической ракеты стратегического назначения...

Очевидцы, бывшие его пассажиры, и достаточное количество случайных «зевак» с благоговением наблюдали его «полёт» и приземление в гущу иных, застрявших на светофоре транспортных средств, из-за чего образовавшийся взрыв, сформировав «гриб», разбросал людей и машины в разных непредсказуемых направлениях.

Устремившись к «Малахиту» пассажиры обнаружили впереди заградительную линию новых «боевиков», которые готовились встретить только что чудом избежавших опасности беглецов...

НАЧАЛО

Глава 65

Я вспомнил выражение лица своего великого Учителя, и почему-то улыбнулся...

- Их несметная сила... - повторил ещё раз Светломудр. – Но поединок начнёте Вы с Моргием...

Тот разговор был долгий, напряжённый, словно неминуемое прощание...

Словно дракону-Светломудру необходимо было за небольшой многочасовой промежуток передать мне всю недовысказанную правду обо всём, о чём не успеть договорить никогда, что навеки останется сокрытым по умолчанию...

Я понимал, что нужно слушать, что это, скорее всего, последние наши с ним минуты и часы, что эта редчайшая возможность побыть с чем-то по-настоящему высоким и дивным не повторится больше для меня в этой моей жизни. Я почти физически ощущал безнадёжную невозвратимость чуда утекающей, как песок сквозь пальцы, встречи с одним из самых дорогих моему сердцу существ.

- Ты увидишь много странного, необъяснимого... но сосредоточиться необходимо только на поединке, о! ученик.

- Такие битвы случаются один раз в десять тысяч лет, и последствия будут непредсказуемыми...

- Но твоя задача одна, - осуществить Волю Универсума, честно выполнить свой долг перед миллиардами форм жизни, перед тайной созидającego Бытия!..

- Погоди... - растерянно перебил его я, - о каких странностях ты говоришь?.. Что ты имеешь в виду, о! Учитель?!

Дракон-Светломудр пожевал губами... Воцарилось продолжительное молчание. Я тоже замер в ожидании ответа.

Казалось, остановилось само время... Вокруг нас с Учителем царил безмолвие самой Вечности.

- Есть много тайн, Ваня... - перешёл с торжественного тона на более доверительный и сердечный мой великий Друг.

- Не обо всех и не всегда есть возможность сообщить кому бы то ни было, даже от сердца к сердцу...

- Я просто хочу сказать тебе, мой младший брат... - Светломудр опять сделал небольшую паузу и я почувствовал, как у меня на глаза невольно наворачиваются колкие слёзы.

- Я просто хочу сказать, Иван... - Светломудр проникновенно посмотрел через мои глаза в самую мою глубину души. – Я хочу сказать, что в такие мгновения, которые часто называют моментами Истины... В такие моменты нередко сознанию открываются очень болезненные, но всегда очень важные, очень ценные вещи.

Светломудр прикрыл очи, дыхание его замедлилось, но я понимал, что именно сейчас Учитель интенсивно живёт некими запредельными образами и картинами, насыщенно переживает Историю Мира, каким он является на самом деле, а не со слов учёных или когда-то существовавших очевидцев...

- Ваня! - я вздрогнул от неожиданности и силы, исходившей от голоса и лица Светломудра. – Ты Ваня – воин Света, не забывай, сын! - Обороты речи Учителя заставляли моё трепещущее сердце колотиться и вздрагивать, сладко ныть и содрогаться тысячами и тысячами оттенков самых разных эмоций и чувств.

Я, то представлял себя летящим на огромном огненно-красном боевом скакуне куда-то сквозь вражеские полчища, то заносящим невероятных размеров меч над Моргием, то стоящим на коленях в чёрном ночном поле и беседующим со звёздами, то... Я заворожено наблюдал за Светломудром, превратившись в одно исполинское Ухо...

- Тебе всего лишь надо сосредоточиться на поединке с Моргием. Понять, что ты уже не просто человек, а космическая Сила Добра... Оплот веры огромной части живых существ в необоримый Дух Света и Справедливости. А если, блин (вдруг сказал Учитель), будешь отвлекаться на всякие-разные фокусы, я тебя после боя выдеру ивовою лозой, о! Ученик!.. - Закончил речь великий Светломудр.

130

Я благоговейно смотрел на него и думал: «Не шутит ли он, не ослышался ли я...»

Но Величественный дракон-Светломудр был абсолютно серьёзен, спокоен и суров, когда говорил мне всё это.

«Ладно, - подумал, я... - К бою. А потом уже посмотрим, расколется старик насчёт «всяких-разных фокусов»». – И тут же подивился своей дерзости и разухабистости, ввиду того, какой противник передо мной заявляется для поединка.

И здесь, наконец, Светломудр мягко улыбнулся своей волшебной лучезарной улыбкой:

- Вот так, добре. Вот теперь ты готов к предстоящей встрече с неминуемым.

Тут же добавил:

- Ладно. Чтобы ты был немного подготовлен скажу одно, плечом к плечу там будут стоять с Тобой в строю великие воины прошлого, Светоносцы Милостью Божьей... Не обращай внимания... Помни, ты пришёл за правителем великой Тьмы Моргием, о! Ученик.

Огромное поле тем временем жило своей непохожей ни на что жизнью Плацдарма Вечности...

Окружающий нас троих МИР «несколько» преобразился.

Ушли обычные атрибуты привычного для землян «антуража» природы. Небо шарообразно выгнулось и походило теперь на чудесный киноэкран, по которому пробегали в убыстрённом ритме картины многих известных исторических событий...

Походы греков в их лёгком защитном снаряжении: битва за Трою, походы Александра Македонского со своим хорошо обученным войском, бескровное завоевание Египта, жестокая схватка с персами, бегство Дария...

Вот пламенные Крестоносцы обрушиваются на Палестину, вот уже татаро-монголы после кровавых набегов на славянскую Русь объезжают великую землю с поборами...

Достославная рубка на Чудском озере во главе с Александром Невским сменяется резнёй с поляками, а потом и огненной «наукой» Наполеону и партизанскими войнами с отступающей армией французских завоевателей Европы, но не всего мира...

Поле предстоящего кровопролития между тем абсолютно выровнялось под нашими ногами и приняло какой-то воистину «марсианский» вид бесконечно убегающего в разные стороны бесшовного полотна, попеременно меняющего цвета в спокойном «ритме» вселенского вневременья...

Оно текло без движения, и при этом совершенно незыблемо и непроницаемо простиралось из одного, знакомого измерения, в другое – незнакомое...

131

Я увидел впереди перед собой постепенно проявляющиеся, как бы формирующиеся из воздуха, стройные шеренги воинов армии Тьмы...

Это я понял по обилию составляющих эти шеренги агрессивно настроенных, кричащих и потрясающих различным оружием всевозможных эпох солдат, лучников, рыцарей, копьёметателей, пиратов, воинов ацтеков и майя, а также многообразных завоевателей и наёмников более современного вида.

Правда, я не увидел среди них Моргия, но потом, приглядевшись, понял почему...

Надо всем этим грохочущим доспехами, бряцающим оружием и дико орущим воинством, медленно и неотвратимо, нависая кроваво-багровой громадой, ползло тучеобразное нечто, приближаясь к нам.

Я быстро оглянулся и радостно обомлел: мало того, что рядом со мной Гриня и Остап полностью преобразились один во впечатляющего амуницией и видом, мощного самурая, другой – ничуть не уступая ему обличьем и осанкой в крестоносца-тамплиера...

Но также вокруг меня и рядом выстраивались, проявляясь стройными линиями красивых рядов, плечом к плечу, известные, неизвестные, не менее грозные, чем вражеские полчища, воины Света...

Сердце моё взыграло искрящейся, непередаваемой простым человеческим языком, какой-то занебесной радостью...

Сияющий венценосной статью Юлий Цезарь, божественный Ахиллес, горделивый Спартак, харизматичный Пётр I, Александр Македонский подмигнул мне подбадривающе своим лукаво-приветливым глазом, Пересвет в монашьем длиннополом плаще, - все, и многие другие мужественные ратники-патриоты, - лучезарно взирали на разворачивающееся с другой стороны Поля Битвы войско...

Глава 66

Удивительное и завораживающее зрелище несметного количества форм воинского снаряжения различных эпох, времён, периодов истории насыщало мою душу удивительным, непередаваемо-волшебным ощущением восторга и воодушевления...

Всеобъемлющая тревога за предстоящее побоище отошла на далёкий план где-то за пределами досягаемости моим обычным сознанием, а на её место властно и интригующе заступила благоговейная заинтересованность таким замечательным скоплением одеяний и защитной амуниции, видов оружия, обилия средств устрашения и насилия всех времён и народов.

132

Я с любопытством угадывал очертания лёгких и довольно крепких лат древних греков, их длинные острые копья и разнообразной конструкции щиты и шлемы, защитные меховые доспехи викингов на противоположной стороне армии Великой Тьмы...

Были там и украшенные перьями головные уборы, и вооружённые упругими луками с ядовитыми стрелами на ременных перевязях колчаны кровожадные инки, майя и ацтеки, рядом с ними щерились заросшие невероятной массой волос дикие и злобные охотники древнейшего палеолита с каменными топорами и кольями в сильных руках...

Рассмотрел я также и чешуйчатые панцири, опоясанные широкими ремнями, язигов и роксоланов, расписанные разноцветными татуировками мускулистые тела гордых, хвастливых пиктов с круглыми большими щитами и зверским выражением лица. Я вспомнил вдруг, что многие бойцы диких и вольных кочевников-варваров были каннибалами, считавшими обычную практику поедания сердец и печени врага важным, дополнительным стимулом обрести новую силу и новую отвагу...

Особой статью выделялись французские драгуны наполеоновской армии в изысканных доломанах и венгерских чикчирах, отделанных галунами, как и швы на их куртках, как известно порядком надебоширивших когда-то на просторах России...

Пёстрые одеяния сокрушителей «неверных» с кривыми саблями и высокими белыми тюрбанами перемежались с рыцарскими, поблёскивавшими тусклым inferнальным светом, но начищенные до зеркального блеска, доспехами неумолимых крестоносцев-иезуитов.

Я созерцал и «ханские» лики матёрых богатырей высокомерных моголов, и непроницаемые, как маска, лица воинов-мавров из Средних веков с беспощадным блеском в почти звериных зеницах...

Я видел воплощение чёрного колдовства в пришельцах из тёмных времён огнепоклонников и змееедов... Я созерцал могучих сынов Атлантиды и полубогов в обличьях зверей и ужасных чудовищ...

Я видел тёмное зловещее облако несметной Силы противостоящей нам, воинам Света.

И в то же время я понимал, чувствовал, что я сам уже не просто я, а все те герои, солдаты-освободители от сетей и цепей Жестокости и Рабства, выразители Доблести и Стойкости, стоящие рядом со мной в едином строю. И они передают мне эманации Защиты и Бесстрашия перед сонмищем служителей Тьмы, перед схваткой с их предводителем-колоссом – Мортием...

Я оглянулся на тех, кто появились здесь разделить со мной участие в славном Бою, вневременной и грандиозной Сече...

Это были великие и непревзойдённые в своё время Герои!..

Золотели их шлёмы, блестели глаза: пешие грозно и неустрашимо сжимали в своих богатырских руках копья и мечи, победоносные щиты и древние палицы, конные, они величественно восседали на гордых своей статью и силой лошадях, устремив на противостоящую рать прямые и твёрдые взоры...

133

Волшебное полотно предстоящего События трепетало красками запредельного сияния и удивительного наполнения атмосферой сказаний и легенд...

Сердце моё переполняли радость непередаваемого благоговения и внутреннее ликование от понимания, с кем меня свела сегодня Судьба и Воля Господа!..

Я знал, что произойдёт через считанные мгновения, я отдавал себе отчёт в уникальности, в неизбежной и неоспоримой необходимости моего здесь присутствия в качестве Воина Света и был готов ко всему...

Тем временем туча, которая, поглотив половину небес, неумолимо ползла к центру поля боя, остановилась и стала оформляться в необыкновенной выразительности зрелище, явление беспредельной мощи...

Это был всадник огромного роста и мощи, доспехи на нём казались исполинской железной горой, меч был подобен связке огненных молний, а взгляд выражал всю адскую самоуверенность, на которую только может быть способен сам Император Тьмы!..

Наконец его трансформация в обличье воина завершилась, и я осознал свою человеческую беспомощность перед ЕГО ЛИКОМ...

Как вдруг я почувствовал некое дуновение изнутри, из самого своего сердца, из глубины внутренней Вечности, из Тайны собственного существования, словно зов Всей Вселенной, всей Светлозари...

Я стал быстро увеличиваться в размерах, мои доспехи воссияли по-настоящему божественным свечением, а уверенность в Себе и в будущей Победе немедленно зарядила меня и насытила от макушки до пят нового богатырского содержания!..

Я словно обрёл статус подлинного бессмертия, возможности сверхчеловека и спасителя рода людского...

«Вот оно!» - восторженно подумал я. – «НАЧАЛОСЬ!..»

Вся обширная панорама места поединка свернулась в одну единственную гигантскую воронку, меня тут же затянуло в неё, время остановилось, две ипостаси мира совокупились, и Ристалище обернулось невероятной по переживаемым ощущениям БЫЛЫЮ.

Глава 67

Все пассажиры по-разному успели выпрыгнуть из «Латвии», микроавтобус несколько раз перевернулся и отлетел к забору какой-то стройки...

134

Линия нападения, «встречавшая» команду партнёров-профессионалов, открыла плотный огонь из всевозможных видов оружия: РПГ, «Калашей», винтовок типа «винчестер» и других «стволов».

Стрельба и взрывы взяли «подступы» к «Малахиту» в крепкое кольцо убойной и катастрофичной канонады...

Боб Горский сразу занял выгодную позицию, выкатившись из микроавтобуса к бордюру дороги и укрывшись за большим гранитным камнем. Он стрелял на поражение по нападавшим, прицельно «снимая» одну «мишень» за другой...

Соловей тоже удачно покинул салон «скорой помощи», отстреливаясь с противоположной стороны от Горского и тоже метко, тоже с хорошими результатами...

Кузявину повезло меньше, - он лежал с раздробленной костью бедра прямо посередине тротуара, и из его горла с булькающим звуком вырывалась гейзером кровь...

Игорь Плешак был убит сразу и наповал.

Центр города наполнял шум и грохот маленькой, кровавой бойни...

... Я увидел, как серая масса воинов Тьмы пополнилась новыми силуэтами, среди которых выделялась какой-то особой харизматичностью невысокая, плотная фигура Игоря

Самуиловича, а также маячила и худосочная, тоже невысокая персона Кузявина Козьмы Дмитриевича в жутких, белых костюмах Ку-Клус-Клана с вилами в руках...

Горский ещё раз дёрнулся под каскадом пуль, с разных сторон наспиговавших его, словно свиную тушку нафаршировывает всевозможными специями умелый шеф-повар, и он тут же квантовым скачком шустро переместился на поле боя под славным Зауральском...

Я отметил краем глаза его «пришествие» в стан врага в одеянии тевтонского рыцаря, которое удивительно к месту пришлось в ряду таких же особ этого ордена, получившего когда-то хорошую трёпку от войска славян под водительством легендарного Александра Невского, который, между прочим, расположился по правую руку от меня...

...Мой брат, моя гордость, мой старший брат, выглядел значительно и по-богатырски впечатляюще.

Меня не удивило моё собственное превращение, но преображение старшего брата Ивана Барашкина, было воистину волшебное...

Восседая на огромном белом скакуне с чёрной звездой во лбу, под стать своему великолепному боевому коню, он являл собой триумвираторское зрелище, образец императорского достоинства...

Облачённый в длинный воинский красный плащ, который пристёгивался золотой застёжкой в форме солнечного диска на правом плече, он в древнерусских доспехах выглядел настоящим славянским витязем...

В длинных синих сафьяновых сапожках и высоком серебряном шлеме полководца, с прямой осанкой уверенного в себе победителя, мой брат был подобен древнему полубогу или мифическому герою.

Я гордился и любовался Иваном, когда вдруг он, приподнявшись на стременах, оглядел своё впечатляющее войско и воскликнул:

- Братья мои! Я полон неземной радости от чести биться с Вами за Жизнь и Созидание на нашей родной Земле и во всей Вселенной! Благодарю за это священное право и оказанную Милость Универсума!

Он сел в седло, посмотрел прямо в самую мою душу, подмигнул мне и сказал:

- Великое время – великий подвиг!

Потом поправил шлём и ринулся в бой.

О! Что это был за потрясающий МИГ!..

Две Силы, два космических пришельца-воина столкнулись не на жизнь, а на смерть на просторах необъятной равнины извечной Битвы между лагерем Тьмы и армией Света...

Ни в каких самых древних и правдивых источниках о прошлых Миров и зонах Вечности не значилось столь грандиозного по размаху и важности События.

Землянин, простой человек, вышел на поединок с самим князем Преисподней, порождением неведомых глубин Ужаса и Разрушения.

Тёмная масса всеразличных архетипов и врагов царства Жизни, словно плащ за спиной Моргия, медленно и неотвратно надвигалась на наши ряды, которые за плечами Ивана могучим воинством поддерживали теперь уже не моего старшего брата, а некое воплощение беспредельного Добра, Братства светлых духов и подлинного Дружелюбия...

Я понял в этот беспредельный Момент Времени для какой высочайшей миссии был рождён родной брат, и в каком интересном и волшебном месте очутился и я, - воин-самурай Остап Добрый.

Ни предположить, ни знать, ни предчувствовать это было невозможно, и то, что происходило здесь и сейчас, являло собой бесконечное «здесь и сейчас» вневременно длящееся и во веки веков повторяющееся в водовороте всех, ВСЕХ! войн, битв, боёв, противостояний и смертоносных конфликтов когда-либо происходивших, имеющих место или предстоящих в будущем!..

От огромности, от невообразимости, от нереальной мощи происходящего у меня перехватило дыхание...

136

... Мы сошлись, - Я и Моргий...

Блистали молнии вокруг нас, разрывали материю Вечности потоки Бытия и Небытия. Мы словно две огромные головы двух необъятных тел во Вселенной встретились, столкнувшись забрами наших шлёмов, - невиданные громадицы двух безмерных НАЧАЛ!..

И я понял главное: в каждом живом существе постоянно ведётся подобная битва...

Каждый – арена бесконечной вражды Добра и Зла, двух неуничтожимых Основ – Светлозарности, и Моргианства...

Каждый отдаёт своё Сердце либо Служению и Созиданию во имя духовного совершенства, либо бездумно тащит непосильное бремя душевной слепоты и безучастия к Дарению Миру своей внутренней Благодати.

Искры летели во все стороны Вселенной от наших с Моргием скрецающихся мечей, и мне казалось, что выковывается впервые за всё Существование Миров, какое-то особое измерение Милосердия для его триумфального шествия по просторам зарождающегося ПЕРЕМИРИЯ...

Я видел среди сопряжённых рядов противоборствующих Сил и своих современников, и очень, очень, очень древних воинов различных ристалищ из всевозможных кланов Юга и Севера, Запада и Востока...

Я видел, как в зеркальном лабиринте, возвращение на круги своя всех прежних и будущих окончаний и завершений в нескончаемом потоке взаимозависимых судеб.

Я прозревал в нашем общем КРУГОВРАЩЕНИИ мудрость полного сопричастия победителей и побеждённых, насильников и их жертв.

Я точно знал, что мы не раз ещё встретимся, чтобы и мой внутренний Моргий, и Душа-Светломудр дали обязательные наставления по поводу новой и не позабытой Битвы...

Замахнувшись раскалёнными мечами, мы стояли друг напротив друга в полной боевой готовности сражаться дальше...

Я и Моргий...

Армия и Армия...

Добро и Зло...

Победившие и Побеждённые...

Те, кто в любой момент могут поменяться ролями...

137

Глава 68

Виктора Соловья довели до ближайшего отделения милиции, где его радушно встретил начальник местного подразделения молодой и улыбчивый подполковник Максим Бронебойный.

Максим был бывалым и очень ответственным офицером. Но природное чувство юмора и весёлый нрав делали его нетрадиционным службистом, а вполне осознанным «дядей Стёпой», который и воробушка в гнездо вернёт, и «бабульку» на трамвай посадит, и девушку от одиночества «спасёт»...

В общем, был Максим таким добрым самаритянином без какого бы то ни было желания личной выгоды, карьеризма и профессионального равнодушия к чужим бедам, таким, кого обычно за глаза называют словами «не от мира сего»... И при росте «два двадцать» этот человек смотрелся скорее смиренным и чудаковатым «Дон Кихотом», а не грозным и пугающим граждан своим видом стражем правопорядка.

- Так, так, - протянул высоким и в то же время авторитетным голосом улыбающийся во весь рот Максим. - Не нашли своих «подопечных», так хоть с международным бандитизмом повоевали, Виктор Михалыч!

Тот безразлично и устало посмотрел на коллегу и отвернулся к окну, вспоминая, как недавно сидел прислонившись к фонарному столбу, и сожалея, что его опять обошла вниманием предательница-смерть.

- Ладно, для нашего славного «танкограда» сие событие выходит за все мыслимые и немыслимые рамки приличия, хотя... - и он безнадежно и печально махнул рукой...

- Я созванивался с Вашим московским начальством, и они срочно, ввиду ЧП... требуют Вашего незамедлительного прибытия в столицу с подробным докладом, Виктор Михайлович! - добавил подполковник Бронебойный.

Заглянул полный, внушительного образа сержант, извинился и сказал, что за товарищем полковником пришла машина, которая доставит его в аэропорт.

Максим поблагодарил сержанта и отправил его с каким-то незначительным поручением, а Соловью предложил чаю.

- Не надо, спасибо, - глухо ответил полковник и встал, собираясь ехать, чтобы успеть к вылету спецрейса...

Максим пожелал счастливого пути и добавил:

- Я знаю про Ваши обстоятельства, товарищ полковник... Вы настоящий боец и гражданин. Счастлив был познакомиться. - Он по-военному коротко, в приветствии, наклонил стриженую голову и стукнул каблуками: «Здравия желаю!»

Виктор Михайлович Соловей с благодарностью посмотрел на начальника отделения и слабо улыбнулся:

- Спасибо. И Вам всего доброго, дорогой сынок... Будьте счастливы. Берегите близких и... себя тоже. Жизнь коротка, успевайте любить...

Через час полёта самолёт потерпел крушение над Камой...

В последний момент своей долгой и насыщенной жизни полковник и легенда московского сыска был безмерно счастлив, спокойно отдавая сердце навстречу синей и свободной бездне вечеряющего пространства. Он совершенно чётко и несомненно созерцал в момент взрыва лик своей неповторимой красоты Ярославны.

Она ласково протягивала к нему длинные изящные длани и нежно улыбалась той самой, как в первую, трепетную встречу лучезарной улыбкой единственной в мире, именно для него созданной и предназначенной Богом древнерусской княжны...

Начальство негодовало. Дело было закрыто...

Глава 69

Клод Варгэс сидел в своём роскошном рабочем кабинете в позолоченном антикварном широком и удобном кресле. Маленькая подушечка цвета загадочного кобальта приятно и упруго поддерживала его «пятую точку», придавала осанке правильное и бодрое положение...

Перед ним на многочисленных мониторах, выстроенных в ряд, мелькали цифры и графики, «копошились» люди, журналисты интервьюировали многочисленных свидетелей разнообразных происшествий, в студиях велись ток-шоу и дебаты между сторонниками прямо противоположных идей религиозного, политического и культурного контекстов...

Перед ним на просторном дубовом столе лежали папки с бумагами, дымился в изящной фарфоровой чашечке династии Цзин крепкий и очень сладкий кофе. Запах свежесваренного в турке с капелькой элитного французского коньяка напитка щекотал Клоду Варгасу словно вырезанные искусным утончённым гравёром его породистые ноздри.

Первосортный кубинский табак в инкрустированной драгоценными камнями трубке, пригнанный по спортивной мускулистой фигуре костюм из английского сукна от лучшего канадского кутюрье – одного из его лучших друзей, наконец, сам хозяин дорогостоящей первоклассной виллы на берегу океана, - всё было безупречно, как и эти вечерние силуэты пальм на оранжево-манговом небе...

139

Клод Варгэс улыбался, смакуя в послушной памяти недавнее судьбоносное общение со своими постоянными партнёрами, - международным синдикатом «Пять королей».

Лорды были настроены воинственно, но под неумолимо-пристальным «остронаточенным» взглядом с поволокой ярко-зелёного правого и пронзительно-синего левого глаз Клода Варгэса, они как-то даже чересчур сговорчиво согласились с ним, что дело можно считать закрытым и дальнейшие формальности просто довести до конца в чисто рабочем необязывающем режиме.

Поскольку Плешак мёртв и его конкурентноспособность сведена к нулю, а финансовые ресурсы своевременно и предусмотрительно переведены, как и полагается, на счета совсем других персон, то и комментировать тут нечего, а он, Клод Варгэс, и сам дорешает в системном ключе проблемы с «неполадками» в Евроазиатском регионе...

Таким образом, воротила-мультимиллиардер, Клод Варгэс, единолично становился куратором и негласным владельцем Восточно-Сибирского проектного направления развития мирового капитала, «Шестым королём» на координатной плоскости всепланетного движения финансовых потоков.

О, как же он любил себя!..

И пусть в этом астрально-вселенском противостоянии со своими извечными оппонентами - «субъядерной Светлозарией», - Тёмный Владыка Моргий в очередной раз и оказался за чертой Предела, понеся достойные и естественные в данных Обстоятельствах потери...

Но как же всё-таки Клод Варгэс любил себя!..

А с Моргием он продлит взаимоотношения, заключённый договор с Потусторонней Явью имеет силу всегда, ведь нужно откуда-то брать духовные ресурсы для экспансии в мировое пространство. Тем боле, что он – умничка-финансист Клод Варгэс, является непререкаемым и обличённым властью посланником Самого Князя Тьмы Моргия, здесь, на планете Земля...

И пусть Воины Света укрепляют свои позиции и с ещё большей неудержимостью и целеустремлённостью защищают и оберегают свою многочисленную паству.

Впереди новые битвы и новые завоевания Зла в неумолимом росте конфликтов, агрессии, межличностных войн, государственных переворотов и террористической деятельности неуспокоенных крайних Сил. И на фоне всего этого...

Как же всё-таки Клод Варгэс любил себя!..

И пусть ещё много непонятного и запутанного в расстановках общего мирового Замысла.

Ведь работа есть работа...

140

У него самого столько незаконченных и нереализованных проектов и желаний!

Он ещё в самом соку, у него столько подготовленных возможностей и наработанных связей в международной сети сообществ, корпораций и сект!..

И как же всё-таки Клод Варгэс ценил и уважал себя за уже Созданное!..

Ведь один только он и знает, сколько усилий, незаслуженных обид, высокопоставленного чванства и непроходимого идиотизма пришлось перелопатить и превозмочь в скоростной гонке на выживание и действительное Процветание...

О, как бы им гордился папа-алкоголик и как рада была мама-прости Господи...

Но как же всё-таки гордился Собой и любил самого Себя Клод Варгэс!!!

Ночь, южная ночь тихо подкралась к самым ступеням входа на его роскошную, ультрасовременную виллу на берегу океана...

Легчайший бриз заигрывал с шёлковыми занавесями на раздвижных окнах, чуть касался красивых рыжеватых волос Клода...

Он вышел на веранду, потянулся, потряс мускулистым торсом, и уже переодетый в комфортный тренировочный костюм: короткие белые шорты и тенниска, - впрыгнул в темноту своего собственного любимого единоличного острова, где ему нравилось проводить

время исключительно в одиночестве, - и побежал, побежал упругой трусцой, радуясь звёздам и полнолунной кроваво-жёлтой луне среди хрупких и почти незаметных тропических облаков...

О, как же всё-таки Клод Варгэс!.. И Жизнь тоже...

Глава 70

Мне, Барашкину, было не по себе...

Я даже пересчитал пальцы на своих руках: все на месте, все пять, бrrrrr... десять. Ну да, десять пальцев на руках, все...

Я словно вернулся из долгого, долгого путешествия. И оно, судя по всему, оставило во мне значительный след...

Гриня, как всегда, спал неподалёку, видимо, после весьма «удачных» возлияний.

Комната была подёрнута как будто сизой, предрассветной дымкой. На окнах, с той стороны, трепались остатки марли, которую обычно натягивают в летнюю пору, чтобы защититься от назойливых и пронырливых мух.

141

А осенью, студёной осенью марля, по меньшей мере, выглядит как-то бестолково и по-настоящему сиротливо, в общем, по-идиотски...

Теплолюбивая каста пернатых клином вырулиwała в сторону юга, курлыкая так, что казалось, сердце выскочит из груди и замашет ангельскими крыльями вслед ностальгирующим косякам птиц...

Я вышел на крыльцо нашего барака, молча созерцая этот великолепный, пасторальный шедевр природы.

В Зауральске моросил дождь...

Солнце приветливо выглядывало из-за бахромы разноцветной листвы недалеко расположенной от барака рощи.

Я интуитивно двинулся туда, навстречу пряным ароматам поздней осени, по направлению хвойного массива густого ельника и соснового леса, начинающегося с невысокого взгорка. Там было молитвенно тихо и торжественно от какого-то особого чувства небесной чистоты и ясности. Предчувствуемые всем сообществом флоры и фауны скорые заморозки создавали кроткую и смиренную атмосферу тотального приятия, предзимнего вселенского покаяния и христианского всепрощения...

Мне было грустно и хорошо. Очень грустно и очень хорошо...

Я тосковал, тосковал... не знаю почему, я просто испытывал душевную близость со всей этой увядающей красотой и сопереживал с ней всю неизбежную скоротечность любого индивидуального бытия...

Где-то рядом шумно шевельнулась разлапистая ветка, и большая глазастая ворона выпорхнула с неё куда-то вверх, прямо в неоглядное бездонное небо.

Я шёл и шёл дальше, хрустя и шурша нападавшей с деревьев «данью» пиршественных крон...

Я смутно припоминал происшествия последних недель.

Странное чувство потери с одновременной самодостаточностью и целостностью заполняли мою душу и делали меня похожим на мешок с зерном, из которого одновременно высыпается через боковую дыру драгоценная пшеница, а сверху в это же время засыпается такая же и в том же количестве...

Я не понимал, почему мои сны так властно овладели всей моей жизнью до такой степени, что все события этой вполне ощутимой цветной «реальности» либо имели продолжение в моей обычной действительности, либо оставляли болезненные отпечатки на теле и психологические «заморочки» после просыпания...

Не знаю...

142

Не знаю...

Одно несомненно: все эти внутренние события выводили меня на какой-то неведомый мне доселе уровень, на вертикаль роста, которая буквально вытаскивала меня из обычной, серой и скучной «тошнливки» в область явлений и событий «неземного», резко отличного от всего, что я знал, какого-то надперсонального проживания...

Посоветоваться и поделиться этим я ни с кем не мог, и поэтому всё, что оставалось: вот такие дальние одинокие прогулки на природе с раздумчивой неспешностью и попытками осознать и ещё раз пережить наяву и видения, и откровения, и приключения того... запредельного мира.

Я с удовольствием вспоминал и общение с братом, которого здесь, в настоящей жизни, у меня никогда не было, и схватки с многочисленными «злодеями», и такую потрясающую по глубине и наполненности обучением и обменом эмоциями дружбу с драконом-Светломудром и милейшей малышкой Застрой, и бесподобное по значимости состояние выполнения своей великой миссии спасителя самой вселенной от абсолютного Зла.

Я вынес главную мудрость из своего «зазеркального» путешествия...

В душе каждого есть и Светломудр и Моргий. Каждый – целая вселенная таких вот миров и мистических откровений...

Мы все – спасители вселенной от зла в нас самих, которое иногда слишком явственно вырывается из нас и наполняет не только наше собственное жизненное пространство, но и жизненное пространство других людей тоже.

В нас во всех есть также и Свет, - всепроникающий Свет любви, Свет сострадания и понимания окружающих нас живых существ.

Самый малый из малых сих и самый великий из нас, - Входящий в этот Свет.

Если несём в него каждый день стремление стать добрее, теплее и человечнее, - живём не зря.

Если помогаем другим приблизиться к этому состоянию, - вдвойне не зря...

А если готовы умереть, но добиться улучшения жизни, хоть на мгновение, хотя бы на одно доброе слово для как можно большего количества близких и дальних своих, для всего человечества, - выполняем самую важную, самую существенную миссию рождённых в этот страстный, бескрайний и абсурдный мир.

Входящий в Свет, - твоя предельно интимная и несомненно самая подлинная, самая священная частичка души, частичка самая искренняя и необходимая для подпитки «сердечной мышцы».

143

Ведь без неё мы теряем свою беспредельность, бесконечность, свою единственность, как Духа Богоподобного и Соравного Самому Себе...

Теряем самих Себя, свою сопричастность Универсуму, как общему дому, общей судьбе Милосердия и Поддержки Друг Друга.

Я вышел, наконец, в открытое поле, на волю ветра и усиливающегося дождя...

На открытом пространстве Земли ты сам открыт. Ты наг перед лицом стихии. Перед предстоящей тайной Ночи, ледяной беспощадностью Зимы и безразличным спокойствием Звёзд.

Но есть и ещё кое-что...

Бездна зримой Материальности в обезоруживающей непререкаемости Вечности, - это не просто путь жизни в недрах Небытия...

Это ещё и колыбель Бога в полной Неизвестности того, что Есть, и Того, чего нет, но готовится быть...

Мы не знаем путей Господа, не ведаем Причин Всего.

Но мы знаем, что мы есть сейчас...

Ты знаешь, что тебе повезло Быть Сейчас.

Пусть МГНОВЕНИЕ, но оно Твоё, и сейчас оно - Вечно.

Оно – ТЫ.

Входящий в Свет да обретёт суть и смысл своего мгновенного бытия в Свете Всего, что ЕСТЬ!

Ты вернёшься ещё?..

Или...

Ясно одно: Входящий в Свет имеет шанс вернуться со Светом.

Что сделал Ты, за что можешь обвинить или не простить самого Себя, - оставь, Входя в Свет.

За что обвиняешь и не прощаешь Других, - отдай им, Входя в Свет.

Входящий в свет, Входит всегда Один.

Где те, которые не Ты, Входящий в Свет?..

Входящий в Свет СТАНОВИТСЯ СВЕТОМ.

Приходя, СВЕТОМ ОБЛЕЧЁННЫЙ, ТЫ УЖЕ БЫЛ ВХОДЯЩИМ В СВЕТО, О, БРАТ, 144
УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК МОЙ!.....

Входящий в Свет не теряет и не приобретает НИЧЕГО...

Он просто входит в... ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ ИСТИНУ.

Май 2014 года – Ноябрь 2015 года

